

ВВЕДЕНІЕ

ВЪ

НАУКУ

ФИЛОСОФИИ.

СОЧИНЕНІЕ

Ѡ. СИДОНСКАГО.

Quod genus philosophandi minime arrogans, maximeque et constans et elegans arbitramur, — ostendimus.

Cicero de divin. Cap. 1.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ КОНРАД ВИНГЕБЕРА.

1833.

ВВЕДЕНИЕ

ВЪ

НАУКУ

ФИЛОСОФИИ.

СОЧИНЕНИЕ

Θ. СИДОНСКАГО.

Quod genus philosophandi minime arrogans, maximeque et constans et elegans arbitramur, — ostendimus.

Cicero de divin. Cap. 1.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ КОНРАД ВИНГЕБЕРА.

4833.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

Съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены
были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра.
С. Петербургъ. 19 Апрѣля 1835 года.

Цензоръ *А. Никитенко.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Слабо изученіе Философіи въ нашемъ опечесствѣ; самоスポящельныхъ произведеній по сей отрасли умспвенныхъ изысканій почти и вовсе не видно. Но при шѣхъ быспрыхъ успѣхахъ просвѣщенія, которыми сполько *одолены мы попечительнымъ распоряденіямъ мудраго Правительства, не лзя не ожидать, чпобъ наконецъ не опкрылось между нами расположенія и къ собспвеннымъ усліямъ въ семъ родѣ умспвенныхъ соображеній, копорый извъспенъ подъ имнемъ Философіи.*—Пробудить сіе расположеніе, указавъ надежнѣйшій путь, на которомъ оно должно развить свои силы, — расположить публику къ умѣреннѣйшему суду о произведеніяхъ философскихъ, а умы философскіе — къ большей скромности въ своихъ умозрительныхъ построеніяхъ: — вопшъ цѣли, копорыя Сочинитель имѣлъ въ

IV

виду, обрабатывая труд свой для Публики. Всякой согласится, что достижение подобного рода цѣлей по крайней мѣрѣ не совсѣмъ въ нашей волѣ. Болѣе опы Авшора зависѣло учебное достоинство самаго сочиненія, и — сколько я успѣлъ въ семъ отношеніи — будущъ судить мужи ученые, благородные. Они не упустятъ изъ вида, что я только мало по малу могъ спасти чипашеля на почку зрѣнія философскую, и, для поспешеннаго расширенія взгляда чипашелей не довольно приготовленныхъ, долженъ бытъ ввести въ изложеніе своего предмета многое такое, что для знакомыхъ съ основными условіями философскихъ соображеній не пребудетъ особеннаго подтвержденія. Коренныя требованія философскаго соображенія такъ мало еще у насъ проявлены для лицъ образованія обыкновеннаго. —

Пуская въ свѣтъ свое сочиненіе, сопровождаю его желаніями, да — доброе съмя, какое найдется въ немъ, (дурнаго по крайней мѣрѣ я не желалъ посвящать), принесетъ плодъ споричный; да мужи, движущіе ходомъ просвѣщенія, не обвиняетъ покровительствуя и сей опрасли познаній, наиболѣе имѣющей ну-

жду въ поощреніи; да сыны Россіи, призванные давати миръ народамъ своимъ мужествомъ, и успѣхами ума полагають прочное основаніе миру въ области умозрѣній.— Умственные произведенія народовъ, предварившихъ насъ на поприщѣ образованія, не должны оспашься бесплодными, перешедъ на нашу почву. Онѣ ожидаютъ опъ насъ спокойнѣйшей обработки, чшобъ принять новую благороднѣйшую форму. Геній Славянъ долженъ современемъ и на нихъ положить печать своего величія.

Знаю, что Философія не есть наука общепригодная, что она подвергалась недоразумѣніямъ, превратному суду и не съ первымъ появленіемъ въ обществѣ образованномъ. Совсѣмъ яшмъ не ожидаю себѣ обвиненія за то, что представилъ ея изысканія въ томъ обличіи, въ какомъ онѣ по крайней мѣрѣ по моимъ соображеніямъ, должны быть — и открывающіяся. Глядя на сіе обличіе всякой можетъ располагаться къ нимъ любовію или недоувѣрчивостію. Съ своей стороны могу только то сказать, что всѣ науки — свѣтъ; Философія — по преимуществу свѣтъ. Кто не боится свѣта, тотъ не можетъ не полюбить и Философіи:—

VI

ея свѣтъ , сягоспный въ началѣ , скоро облегчаетъ зрѣніе и услаждаетъ взоры неподдѣльнымъ величіемъ видовъ.— Какъ бы я былъ счастливъ , если бы успѣлъ представить сей свѣтъ въ его видѣ чистѣйшемъ , непомяченномъ!

Сочинитель.

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. Опредѣленіе понятія и указаніе коренныхъ задачъ, рѣшеніе копорыхъ принимаесть на себя Философія; защищеніе достоинства Философій и естественность порывовъ къ рѣшенію задачъ ея. . . 1 — 67.
- II. Развитіе приема, копорымъ задачи сіи рѣшены могутъ быть успѣшнѣе, и соглашеніе философской изыскательности съ непоколебимостію истины, съ убѣжденіемъ въ вѣрѣ. . . 68 — 197.
- III. Раскрытіе характеристикическихъ чертъ, подѣ копорыми должны открываться философскія изысканія; отношеніе Философій къ положительнымъ проявленіямъ Религіи и — значеніе оной въ быту житейскомъ. . . 198 — 320.
- IV. Проясненіе хода, какой должна принять Философія въ своемъ развитіи, и взглядъ на ходъ, какой по указаніямъ исторіи принимали Философы въ своихъ системахъ; — образованіе философскихъ изысканій въ Науку. 321 — 397.
-

ВВЕДЕНИЕ

ВЪ

НАУКУ ФИЛОСОФІИ.

*Потребность предварительнаго понятія
о предметъ Философіи.*

1. Всякая наука составляется на основаніи какаго либо главнаго понятія о природѣ предметовъ, подлежащихъ ея изслѣдованіямъ, и о пріемахъ, какіе преобладаютъ въ ихъ обработкѣ. Нельзя приступать къ систематическому изложенію извѣстной науки, не имѣя въ виду основной мысли, которая бы опредѣляла, какія изысканія входятъ въ ея область, и какія не принадлежатъ къ ея составу. Хотя знаемъ и имѣемъ въ виду подобное понятіе, приступая къ изученію науки, не столь необходимо, какъ занимаясь *составленіемъ* оной: однакожь и при самомъ изученіи всякой отрасли познаній опредѣленное понятіе о предметѣ предстоящихъ изысканій составляетъ важное

пособіе, какъ къ уразумѣнію науки, шакъ и къ самоспопашельному взгляду на нее, безъ котораго увядаешъ всякое знаніе. — Въ наукѣ Философіи предварительное указаніе предмета изысканій должно предшествовать самому изложенію онаго пѣтъ болѣе, что сія наука по высотѣ своей, и по нѣкоторой незаконченности своихъ изслѣдованій, не принадлежишь къ числу наукъ общепонятныхъ. — И самое названіе, которое она носишь, не опредѣляешъ ясно предмета ея, какъ это бываетъ въ нѣкоторыхъ другихъ наукахъ.

2. Въ самомъ дѣлѣ названіе науки, нами разсматриваемой: Философія не естъ названіе, усвоенное совокупности изслѣдованій, строго отдѣлившейся отъ другихъ собственною, опредѣленною почкою единства, но взято отъ лица. После того, какъ Пифагоръ въ противоположность древнимъ мудрецамъ Греческимъ усвоилъ себѣ названіе только мудрлюба, стали называть уже мудрлюбіемъ — Философіею и пѣ изысканія, которые подобно системѣ Пифагора, или хотя нѣсколько, выходяшь изъ круга понятій *обыкновенныхъ. При той нераздѣльно-

спи наукъ , которая неизбѣжна была въ первомъ ихъ образованіи , относились къ философіи и изслѣдованія физическія , и рѣшенія задачъ математическихъ . Только по мѣрѣ того , какъ науки , подвергаясь особенной обработкѣ и получая самостоятельный интересъ , отдѣлялись отъ Философіи , и изысканія собственныя сей наукъ обозначались ясныѣ и ясныѣ .

5. Хотя область Философіи ограничилась наконецъ одними понятіями высокими , не столько взимаемыми съ опыта , сколько почерпаемыми изъ нѣдръ самаго ума ; хотя предметомъ философскихъ изслѣдованій оспалось наконецъ одно опредѣленіе послѣднихъ мыслей или истинъ , которыя могутъ бытъ признаны основою всего сущаго во всѣхъ , по крайней мѣрѣ , главныхъ его вопросахъ , и должны бытъ положены въ правила для всѣхъ человѣческихъ дѣйствій , по крайней мѣрѣ въ ихъ главныхъ направленіяхъ : — но Философія не сдѣлалась отъ сего наукою законченною , недопускающею новыхъ видоизмѣненій въ составѣ своихъ истинъ . Умъ человѣческій спалъ въ надлежащую сферу , но не успѣлъ еще обглядѣться въ ней ; дошелъ до

послѣднихъ вопросовъ, но не успѣлъ еще рѣшивъ ихъ удовлетворительно. — Та какъ бы основа сущаго, тѣ коренныя мысли, разъясняющія жизнь вселенной во всѣхъ ея направлѣнїяхъ конечно должны бытъ; мы не можемъ не предполагать, не искать ихъ: но кто выскажетъ оныя безошибочно, кто проведетъ къ нимъ неуклонно? Сколь твердо мы увѣрены въ ихъ необходимой дѣйствительности, споль же рѣшительно не знаемъ еще ихъ въ дѣйствительномъ ихъ видѣ. Съ пою же силою, съ какою разумный инстинктъ увлекаетъ насъ къ ихъ разъясненію, съ пою же силою непреодолима кака-то преграда удерживаетъ насъ въ семъ стремленіи разгадать едва разрѣшимое. — По размошрѣніи всѣхъ усилий ума челоѣческаго разрѣшивъ сію задачу, не болѣе можно сказать о нашемъ стремленіи къ тѣмъ истинамъ, какъ только то, что умъ доходитъ до разумнїя сихъ основныхъ истинъ только путемъ упоминательныхъ изысканій. Онъ не зривъ ихъ прямо и въ чертахъ раздѣльныхъ, а долженъ только угадывать.

Вошъ почему область Философіи наполнена разнородными системами. — Кругъ

изысканій умозрительныхъ слишкомъ обширенъ, ихъ область слишкомъ темна, незнакома для насъ; не всякой можетъ свободно обозрѣвать всѣ ея части: — въ безпредѣльномъ для нашего взора, гдѣ вѣрно и безошибочно укажешь средину? Со всѣмъ тѣмъ и оспаваясь въ нерѣшимомъ сомнѣніи по крайней мѣрѣ на долго, человѣку не естественна. — Это хаотическое положеніе, которое сама природа, кажется, усиливается привести въ опредѣленные, хотя первоначально уродливыя, двусмысленныя формы. — Послѣ долговременныхъ изысканій наконецъ пожелаешь на чемъ либо оспановиться. И естественно, что въ семъ случаѣ послѣдняя, болѣе общая мысль содѣлается уже ключемъ къ сокровеннымъ тайнамъ природы. — Нѣкоторыя мысли по новизнѣ своей и какой-то неопредѣлимости, а вмѣстѣ съ симъ и таинственности, имѣютъ увлекательную силу, особенно когда повѣрка ихъ почти невозможна, высота — поразительна, приложение — обширно. — Не удивительно послѣ сего, если люди даровитые прельстившись извѣстнымъ понятіемъ, не рѣдко полагаютъ его въ основаніе всей системы своихъ мыслей.

Упомненный и обрадованный мыслишь думаетъ, что онъ открылъ наконецъ тайны вселенной, бывшія досель непроницаемыми, и усвоить себѣ полное рѣшеніе задачъ ума человеческого — Философію. — Какъ подвижниковъ на полѣ умозрѣній философскихъ было довольно, и званыхъ и незваныхъ: по и на честь вѣрнаго и полного проясненія законовъ природы и ума объявляли и объявляютъ приписанія свои многіе. Но ихъ разногласія только больше убѣждаютъ въ иной увѣренности, что прочное зданіе Философій досель еще не довершено, и желающій прудиться надъ нимъ, долженъ еще ознакомиться съ чершежемъ, по которому должно доспривать оное, — или по крайней мѣрѣ приготавливать матеріалы къ его довершенію.

Постепенное раскрытіе предметовъ философскаго изслѣдованія — въ историческомъ развитіи самой Философій.

4. При томъ разногласіи въ самыхъ понятіяхъ о Философій, которое господствуетъ въ различныхъ школахъ, — какое понятіе можетъ и долженъ усвоить себѣ приступающій къ изученію Философій, или къ новымъ

изслѣдованіямъ въ ея обласпи? — Правда всякой, кто только размышлялъ сколько нибудь, встрѣпилъ конечно нѣсколько вопросовъ, или составилъ для себя нѣсколько задачъ, коихъ рѣшенія онъ ожидалъ бы отъ Философіи, какъ науки высшей, излагающей истины основныя, послѣднія; но такіе вопросы не всегда могутъ быть приняты за задачи, непременно подлежащія философскому изслѣдованію. Ибо до высшихъ, послѣднихъ задачъ, какъ ни близки представляющіяся онѣ уму человѣческому, многіе и по довольномъ размышленіи не поднимаются; и различное образованіе, и направленіе ума производитъ необходимо большое различіе во взглядахъ на сіи задачи и въ самомъ образѣ ихъ составленія. — Послѣ сего, чтобы составить возможно-вѣрное понятіе о предметѣ изысканій философскихъ, нельзя ограничиться частнымъ мнѣніемъ одного какого либо лица или школы, но должно смотрѣть на Философію въ ея историческомъ раскрытіи, т. е. надобно обозрѣть ходъ умозрѣній, развитыхъ любознателями какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ временъ.

Философія, какъ и самый умъ, не принад-

лежитъ одному какому либо частному лицу, но цѣлому человѣчеству. А слѣдовательно и понятіе объ ней вѣрное и полное можетъ быть составлено только съ голоса цѣлаго человѣчества. Философы различныхъ временъ суть только какъ бы органы человѣчества, представивши его усилій развитіи естественный намъ образъ мыслей и дѣйствій; и общее въ ихъ опзывахъ есть общій голосъ цѣлаго человѣчества, по крайней мѣрѣ на той степени развитія, на которую вознеслось оно досель. — Прислушавшись къ сему голосу можно уже основательно судить, какіе вопросы принадлежатъ къ числу задачъ собственной Философіи, и слѣдовательно, какія изслѣдованія должны войти въ составъ Философіи, какъ науки.

5. Если бы Философія началась только съ нашими временами, или, если бы не сохранились пворенія древнихъ мудролюбовъ: опредѣленіе упомянутаго вопроса съ обозначенной точки было бы не возможно. Но Философія не есть наука новая; не недавно мужи благороднѣйшіе и даровитѣйшіе въ родѣ человѣческомъ стали заниматься умозрительнымъ объясненіемъ истинъ коренныхъ, пер-

воспешенныхъ. Вопросы, копорые обыкновенно рѣшаются въ Философїи, давно уже содѣлались предметомъ изслѣдованій, только не все въ одно время, а поспешенно.

Уже у древнихъ примѣчаются слѣды рѣшенія нѣкопорыхъ философскихъ задачъ въ сказанїяхъ мионическихъ : только сіи рѣшенія не имѣютъ на себѣ характеристической черпты, копорую опличаются изслѣдованія философскїя. Ихъ производили изъ вдохновенія и сообщали въ видѣ преданій религіозныхъ. — Съ опдѣленіемъ философскихъ изслѣдованій опъ ученія вѣры въ рукахъ даровитыхъ, свободныхъ Грековъ, первоспешенною задачею философовъ является *происхожденіе міра*. — Въ школѣ Іонійской міръ производили изъ вещества первоначального, неовидопворившагося; сіе вещество, одинаковое въ своемъ основанїи, дало изъ себя разные роды сущеспвъ или посредствомъ раскрытія своихъ внутреннихъ силъ жизненныхъ (теорія Талеса, Анаксимена и Дїогена), или опъ одного механическаго измѣненія внѣшнихъ опношеній, не рѣдко случайныхъ (какъ думали Анаксимандръ, Анаксагоръ и Архелай). Въ школѣ Пифагоровой начало вещей и ихъ опношеніе въ дальнѣйшемъ развитїи спа-

рались опредѣлить приложеніемъ теоріи чиселъ. — Элеатики (Ксенофанъ, Парменидъ, Мелиссъ и Зенонъ) желая примирить видимое разнообразіе и измѣняемость существъ съ единствомъ начала всего бытнаго, обратились къ умственнымъ опвлеченіямъ, и посредствомъ оныхъ составили себѣ предспавленіе о мірѣ, какъ существѣ, которое пождественно съ Божествомъ, въ единичности своей содержишь все, (*εν και το παν*) имѣеть бытность вѣчную, въ коемъ произхожденіе вещей и все ихъ измѣненія — одна видимость. Опираясь на чувственно очевидные предѣлы дѣлимости предметовъ, Левкиппъ, Демокриппъ и Емпедоклъ производили міръ изъ атомовъ. — Философы первыхъ временъ перялись въ умозрѣніяхъ о образѣ бытія міра, почти не думая о человѣкѣ.

6. Когда разногласіе усмотрѣній чувственныхъ съ соображеніями разсудка, при неизвѣстности законовъ мышленія, вмѣстѣ съ другими поводами, породило сумудрый Софиспизмъ: — Сократъ далъ философіи другое направленіе, болѣе близкое къ человѣку, указавъ на внутреннія, *πρασθενныя* *требованія* ума, какъ на коренную цѣль, къ которой должны направляться, и какъ на ос-

новой законъ, съ коимъ должны окончательно сходствовати и повѣряться все философскія изысканія. — Съ сего времени къ изысканіямъ о способѣ образованія вещей присоюдились уже изслѣдованія о цѣли, къ какой человекъ долженъ стремиться въ своихъ дѣйствіяхъ; — и дѣятельность, съ какою Философы старались указать вѣрнѣйшій путь къ счастью, равняется ихъ усиліямъ прояснить жизнь вселенной. — Впрочемъ при всѣхъ усиліяхъ прояснить природу сущаго, и указать цѣль, къ какой долженъ стремиться человекъ въ своихъ дѣйствіяхъ, Философы не успѣли согласиться въ своихъ предположеніяхъ ни о первой ни о послѣдней. Платонъ, допуская предвѣчное бытіе безжизненной матеріи, образованіе вселенной старался объяснить осуществленіемъ въ веществе идей Божественныхъ; Аристотель все измѣненія вселенной производилъ изъ механической подвижности самаго міра, возбужденной первымъ движеніемъ Божественнымъ. По Эпикуру міръ составился отъ совершенно - случайнаго сочепанія атомовъ, — по мнѣнію Спокковъ міры то возникаютъ, то исчезаютъ, по сирогимъ, непреложнымъ опредѣленіямъ судь-

бы, ни возраста, ни уменьшаясь въ своемъ составѣ, а только видоизмѣняясь. Сильнѣе развитіемъ и усовершеніемъ взглядовъ, высказанныхъ въ періодѣ предыдущемъ, Философы не успѣли предостеречь ни Скептицизма, выражающагося изъ неудовлетворенной жажды истиннаго, ни Мистицизма, — слѣдствія скуднаго удовлетворенія требованіямъ нашего сердца. Первымъ правиломъ и цѣлю всехъ дѣйствій Платонъ поставялъ стремленіе къ богоподобію; Аристотель пребралъ строгое соблюденія мѣры въ дѣйствіяхъ нравственныхъ. Эпикуръ совѣтовалъ искать счастья въ бездѣйственномъ наслажденіи; Спокни — въ напряженныхъ усиліяхъ самопорабощенія.... Философы примѣнили наконецъ, что простое изложеніе своихъ мыслей о природѣ нашихъ познаній, составленное для одного введенія своей системы, неудовлетворительно, что нужно строгое, полное разсмотрѣніе природы нашего разумія, чтобы среди разнородныхъ системъ приблизиться къ единству и истинѣ: но — разногласіемъ въ рѣшеніи кореннаго философскаго вопроса, и неудовлетворительностію изысканій о законахъ нравственности и о главной цѣли человѣческихъ дѣй-

ствій усиленный Софиспизмъ подавилъ всякую философію до новаго ея возрожденія.

7. Съ возрожденіемъ наукъ и философскія изысканія возникли съ новою силою, но съ другимъ направленіемъ. — Религія Хриспійанская не позволяла уже сомнѣваться въ зависимости міра отъ Бога, предписывала и пвердые законы и цѣль дѣяпельности; оспа-валось обратишься преимущественно къ *познаніямъ человетьескимъ*. — И мы дѣйствительно видимъ, что какъ ни различны системы философскія въ рукахъ мыслителей хриспійанъ, все онѣ развиваются на извѣстномъ взглядѣ на познанія человетьескія, и все зависятъ отъ извѣстнаго предспавленія объ ихъ происхожденіи. — Схоласпическій споръ Номиналисповъ, утверждавшихъ, что общія понятія не имѣютъ сущеспвенности конкретной, а хранятся какъ бы только въ самыхъ вещахъ, и Реалисповъ, думавшихъ, что общія понятія имѣютъ бышіе дѣйствительное и внѣ предметовъ, къ коимъ прилагаются, — показываетъ уже начало сего направления. Опытныя изысканія Бекона, и умозрипельныя раскрыпія Декарпа, склоняются къ тому же проясненію дѣйспвія умспвен-

ныхъ способностей челоѣка. — На основаніяхъ Декарта, какъ казалось, довольно прочныхъ, Спиноза взялся было опредѣлить образъ бытія міра: но его опредѣленія понятій слишкомъ произвольныя, его выводы слишкомъ смѣлые и далекіе отъ обыкновеннаго христіанскаго образа мыслей, еще больше обратили философскіе умы къ изслѣдованію нашихъ познаній. — Стали уже спрашивать, какъ думаешь о нашихъ понятіяхъ, откуда мы получаемъ ихъ, или какъ онѣ соспавляются. На сію важную задачу, Локкъ отвѣчалъ, что все наши понятія, и частныя и общія, суть порожденія опыта; Лейбницъ, — что сіи послѣднія врождены душѣ нашей; Юмъ, что онѣ суть слѣдствія привычки; Кантъ, что онѣ суть доспояніе ума нашего, только безъ дѣйствія предметовъ на душу не имѣютъ никакого значенія. Обширныя и упоминательныя изслѣдованія Канта, казалось, положили конецъ спорамъ о происхожденіи и доспояніи нашихъ познаній умопримельныхъ. — Тѣмъ съ свѣжайшими силами пустился умъ челоѣчскій на разъясненіе способа существованія міра. — Обвиняя Канта въ непослѣдовательности, Фихте

взялся всю систему нашихъ представлений вывеспи изъ самаго проспаго и яснаго положенія, какъ на пр. $a = a$, и цѣлый міръ преврапилъ въ произведеніе нашего я; Шеллингъ, ссылаясь на особенную способность умспвеннаго воззрѣнія, находящуюся въ человѣкѣ, выводилъ міръ изъ безразличнаго сочетанія всего сущаго въ Абсолютномъ. Опираясь на двусмысленное тождество разумаго и бытнаго, Гегель все бытіе сосредоточиваетъ въ Мысли или Идеи, которая въ природѣ переходитъ въ другое бытіе, въ духъ же получаетъ свой собственнй, коренной образъ жизни. Но запредѣльныя, на недоказанныхъ и непроясненныхъ началахъ основанныя, умозрѣнія сихъ новѣйшихъ Философовъ гѣмъ сильнѣе даютъ чувствоватъ потребность тщательнѣйшаго и строжайшаго изслѣдованія природы нашего ума и отношеній, въ какихъ сполнѣ наши представленія съ бытіемъ дѣйствительнымъ. Умъ человѣческій, соблазняясь легкостью поверхностнаго познанія природы и увлекаясь жаждою вѣдѣнія, долго, можно сказать, очень долго забывалъ о подтвержденіи правъ своихъ на умозрѣнія и проясненіи возможнаго для насъ способа познаванія

предметы сверхъестественные. — Опыты ближайшаго и спрочайшаго разсмотрѣнія природы нашихъ познаній появляются въ наше время въ значительномъ количествѣ. Хотя ихъ составившие суть писатели вѣроиспещенные: впрочемъ можно смѣло надѣяться, что вѣрное рѣшеніе вопроса о происхожденіи, составѣ и предѣлахъ нашихъ познаній положишь конецъ разнообразію системъ философскихъ, утвердишь вѣрнымъ объясненіемъ былей (That-sache) нашего сознанія, какъ должны мы мыслить о жизни природы въ ея зависимости отъ Бога.

Отличеніе главныхъ предметовъ, изслѣдованіемъ коихъ занимались Философы и указаніе коренныхъ задачъ Философій.

8. Обозрѣвая ходъ философскихъ изслѣдованій въ постепенномъ ихъ раскрытіи, всякій съ перваго взгляда видитъ, что вопросы, какіе предлагали себѣ философы, были не одинаковы. При всемъ впрочемъ разнообразіи умоуловительныхъ изслѣдованій, — главныхъ задачъ, на рѣшеніе коихъ посвящали Философы труды свои, оказывается въ исторіи философіи не много. Первоначально Фи-

лософы занимались опредѣленіемъ образа бытія вселенной; разрознившись въ семь опредѣленіи и между собою и съ общимъ смысломъ человѣческимъ, они спали-было свои опредѣленія упомянушаго вопроса скрѣпляя съ прѣбояніями чувства нравственнаго; но не нашедъ и здѣсь твердой опоры своимъ изслѣдованіямъ, — ибо самыя прѣбоянія сего чувства подверглись различнымъ толкованіямъ, — обратились уже къ самому уму и спали спрашивать: что же можетъ онъ постигать, и до чего не можетъ вознестись. Такимъ образомъ въ поспешномъ ходу философіи видимъ какъ бы пружины, кои попеременно давали движеніе умамъ, наспроеннымъ къ высшей изыскательности. Это — при главные вопроса: о жизни природы, о законахъ нашей дѣятельности, о природѣ и предметномъ значеніи нашихъ познаній. — Не говоримъ, чпобы умъ человѣческой въ первую эпоху Греческаго философскаго образованія не доходилъ къ извѣстнымъ мыслямъ о свойствѣ нашихъ познаній; или, чпобы въ послѣдующія эпохи философіи не было изысканій о законахъ, коимъ подмечипъ наша дѣятельность. Уму человѣческому всегда любопышны всѣ сіи пред-

меты; самъ онъ по связи своихъ мыслей невольно доходитъ опъ рѣшенія одного изъ философскихъ вопросовъ къ разсмотрѣнiю другихъ. Но иное дѣло высказавъ мысль мимоходомъ, вводя систему умозрѣнiй; иное дѣло подвергнувъ пуже мысль разсмотрѣнiю всестороннему. Три указанныя нами развитiя философскихъ изслѣдованiй суть опличительныя, характеристическiя направленiя различныхъ эпохъ философи, суть главные вопросы, которые попеременно вызывали (*) Философовъ къ ихъ изслѣдованiямъ.

9. Теперь, хотя при упомянутые вопроса не вдругъ предстали уму во всей раздѣльности, хотя дѣятельность, съ какою подвергали оные изысканiямъ, не во все времена философскихъ изслѣдованiй была равна, одинакова: но все они заслуживаютъ мѣсто въ прочной, основательной системѣ Философи настоящаго времени. Правда Философы — предстали усилий ума человеческого, не все и не въ равной мѣрѣ посвящали свои труды разрѣшенiю всехъ упомянутыхъ во-

(*) Въ послѣдствiи по большему развитiю умозрѣнiя, иногда и совмѣстно.

просовъ ; одинъ изъ Любомудровъ шу задачу дѣлалъ главнымъ предметомъ своихъ изслѣдованій, другой ревностнѣе обрабатывалъ другую обласпъ умозрѣній, не подвергая новому изслѣдованію задачу, бывшую цѣлію изысканій перваго, или усвоивъ образъ рѣшенія сей задачи, предложенный уже другими. Но, опираясь на сихъ примѣрахъ, никакъ еще нельзя изключить какую либо задачу изъ числа задачъ философскихъ. Въ наше время нельзя уже оставитьъ безъ извѣснаго рѣшенія ни одного изъ вопросовъ умозрительныхъ. Умъ цѣлаго рода человѣческаго, могъ подвергаться вопросы сіи внимательнѣйшему изысканію одинъ за другимъ; его медленности не можеть позволить себѣ умъ часпный, ищущій вмѣстѣ все, что до него успѣло проясниться въ сознаніи общемъ. Въ раскрытіи сознанія философскаго въ цѣломъ человѣчествѣ сіи задачи могли предспавляться опдѣльно, одна за другою : но, какъ скоро онѣ уже все проявились въ нашемъ человѣческомъ сознаніи, и мы попомки хопимъ пользоваться плодами усилій предковъ ; какъ скоро на основаніи изслѣдованій предшественниковъ, соспавляется наука для обозрѣнія всей обласпи философскаго вѣдѣнія, до-

селъ проясненнаго: въ такомъ случаѣ изъ круга познаній собранныхъ и проясненныхъ могушь бытъ усранены только такіе предметы, которые по настоящему состоянію науки оказались излишними и не нужными. Сего нельзя сказать ни объ одномъ изъ вопросовъ упомянутыхъ. Всѣ они столь тѣсно связаны между собою, что усранить одинъ какой либо вопросъ изъ круга изслѣдованій философскихъ не иначе можно, какъ только съ ущербомъ основательности и общепользности самой Философіи.

Съ другой стороны ршеніемъ прехъ указанныхъ задачъ Философіи исчерпывается вся область философскихъ изысканій. Ибо всѣ вопросы, какіе только умозрніе философское можетъ предложить себѣ для ршенія, всегда будутъ относиться въ область одной изъ тѣхъ задачъ Философіи.

Такимъ образомъ можно считать *три коренныхъ задачи въ Философіи*: опредѣленіе образа бытія существъ міра дѣйствительнаго, объясненіе достоянства и образованія нашихъ познаній, и указаніе коренныхъ законовъ нашей дѣятельности.

*Отношеніе коренныхъ задачъ Философіи
между собою и понятіе о Философіи,
какъ наукъ.*

10. Но, разсмапривая сіи задачи въ сближеніи между собою, нельзя не замѣтитъ, что онѣ не одинаковую имѣютъ *первостепенность*. Уже по самое, что онѣ не вдругъ возникли и съ равною ясностію представились въ умѣ нашемъ, показывающъ ихъ какъ бы подчиненность и послѣдовательность одной за другою. Въ самомъ дѣлѣ умъ человѣческой не вмѣститъ же съ первыми порывами умственной дѣятельности возникъ къ вопросу: вѣрно ли, что я думаю? — Потребность мыслишь при свѣжихъ силахъ ума и воображенія слишкомъ была сильна; человекъ былъ тогда еще слишкомъ довѣрчивъ къ себѣ, чтобы спрашивать: достижима ли для меня истина, и — какими способами? Подобные вопросы, хопя весьма важны въ кругу философскихъ задачъ, но суть уже вопросы впороспепенные, ржадающіеся какъ бы по вызову главной задачи. —

Сію задачу составляетъ жизнь вселенной; поясненіе способа перваго ея происхожденія и условій послѣдующаго стоянія. Вопросъ о

сихъ предметахъ есть главнѣйшій въ области Философiи. Имъ началось умозрѣніе; къ нему, какъ къ средопочію своему, относятся, или изъ него вытекають прочіе вопросы любомудрiя. Самый вопросъ, столь важный для нашей жизни, вопросъ о законахъ нашей дѣятельности въ семъ отношеніи уступаетъ право первенства вопросу о природѣ сущаго: ибо опѣвъ на него почти всегда зависить, по крайней мѣрѣ долженъ зависить опъ извѣснаго взгляда на жизнь вселенной и значеніе въ ней чловѣка. — По сему изъ указанныхъ нами прехъ задачъ философскихъ одно поясненіе, или уразумѣніе жизни міра составляетъ основной вопросъ любомудрiя; изслѣдованiя по другимъ задачамъ, или приготавлиють къ надлежащему рѣшенію сего вопроса, (какъ изслѣдованiя о происхожденіи и предметномъ значеніи предспавленій нашего я), или прилагають извѣстное рѣшеніе первоепенной задачи къ нашей жизни и быту гражданскому.

11. Такая неравноепенность задачъ Философiи, при всемъ шѣсномъ ихъ сочетаніи между собою, была одною изъ причинъ, по которымъ доселѣ затрудняются въ опредѣ-

леніи Философіи какъ науки. Понятно, что въ правильномъ опредѣленіи Философіи, различные предметы ея изысканій должны подходить подъ одно общее, видовое понятіе: но какое общее понятіе содержится въ каждомъ изъ указанныхъ нами предметовъ философскаго изслѣдованія, кромѣ того, что они суть послѣднія задачи нашего сознанія? — Теперь, хотя и можно съ перваго раза опредѣлять Философію, какъ науку, проясняющую первыя задачи нашего сознанія, и опредѣлять довольно вѣрно: но если, не прояснить предварительно; какія задачи Философіи и сколько оныхъ, — сказать въ опредѣленіи Философіи, что она есть учебное или систематическое рѣшеніе главныхъ задачъ ума познающаго: то въ опредѣленіи оспаривается неопредѣленность, потому что не извѣстно еще существо самыхъ задачъ. Сей неопредѣленности мы избѣгли предварительнымъ указаніемъ смысла и отношенія задачъ Философіи.

По сему, если бы потребовалось опъ насъ опредѣленіе Философіи, мы могли бы, не опасаясь быть непонятыми, сказать, что она есть учебное рѣшеніе вопроса о жизни все-

ленной, выведенное изъ строгаго разсмотрѣнія природы нашего ума и проведенное до опредѣленія законовъ, по какимъ должна направляться наша человѣческая дѣятельность. Прежде, нежели приступимъ къ указанію пріема, посредствомъ коего пригопавлиеися рѣшеніе подобнаго вопроса, раскроемъ естественное происхожденіе вопросовъ философскихъ, и защитимъ достоинство самой Философїи.

Естественность происхожденія первыхъ вопросовъ философскихъ.

12. Съ перваго взгляда на указанныя предъсимъ задачи Философїи можно уже видѣшь, что онѣ довольно далеки отъ обыкновеннаго круга мыслей, коими занимающася люди повседневно, довольно далеки отъ простаго, всѣмъ общаго разумѣнія человѣческаго, и не легко возникающъ въ душѣ всякаго. — Но сія далекость отъ представлений, смѣняющихся въ душѣ людей, занятыхъ однимъ удовольствореніемъ нуждъ пѣлесныхъ, или обработкою сдѣлокъ общежитія, не можетъ вести къ тому заключенію: будио бы подобные вопросы не необходимо и естественно воз-

никающъ въ душѣ, надѣленной способностію мышленія, и супъ плодъ одной суешной любо-знапельности человѣческой. Не по одно еспъ природное произведеніе души человѣческой, чпо опкрываешя всегда во всѣхъ и въ каждомъ; не менѣе и по еспешвенно духу человѣческому, чпо возникаетъ въ немъ, при большой даровипости, при большемъ упражненіи силъ мышленія надъ предметами нечувспвенными, опкрывающимися предъ одною мыслию. — Не прошедъ всѣхъ степеней жизни и развитія духа человѣческаго (а кто прошелъ оныя всѣ?), нельзя судить рѣшипельно, чпо еспешвенно уму и чпо нееспешвенно. Въ одномъ и помъ же сознаниіи человѣческомъ могутъ возникать и одни виды предметовъ чувспвенныхъ, и глубокія воззрѣнія созерцательныя. — Теперь, какъ никто не можетъ полагать предѣловъ развитію человѣческаго сознания, напроивъ всякій долженъ стараться пройши всѣ возможныя степени сего развитія: опвергать всякія попытки высшаго разумнія безъ полнаго знакомства (а кто его имѣетъ?) съ оными, значитъ только хопѣть свое невѣжество пославить мѣриломъ познаниа чело-

вѣческаго, и закономъ для прочей массы существивъ разумныхъ — даже благороднѣйшихъ по уму и сердцу.

13. Напропивъ безприсраспное размышленіе о поспешенномъ развитіи познаній чловѣческихъ легко увѣряемъ насъ, что усилія надлежащимъ образомъ рѣшивъ указанныя нами задачи, уму чловѣческому совершенно еспешивенны; къ нимъ заходимъ мы непримѣнно. — Не долго духъ чловѣческій остаеися безъ употребленія разумныхъ силъ своихъ; скоро начинаемъ онъ переводить внѣшніе предметы, его окружающіе, на представленія внутрениія; скоро примѣчаемъ онъ, что при посредствѣ сихъ представленій онъ обратно можетъ дѣйствовать на самую природу. Послѣ сего сама собою раждаеися для него задача познавать различные предметы, или явленія природы; и. е. пакъ обдѣлывать свои представленія, чптобы онъ были вѣрнымъ изображеніемъ самыхъ сихъ предметовъ, или явленій. — Правда что первыя попытки подобной обдѣлки бывають незначительны, касающя предметовъ частныхъ и составляющя посредствомъ одного наблюденія. Но скоро умъ приучаеися во многихъ

предметахъ оплнчашъ сходное, опвлченіемъ совокупляшъ оное для себя въ извѣстное понятіе. Хотя предметъ познанаія чловѣческаго спановнлся пеперь обшнрнѣе, но умъ не успрашаенся сей обшнрности (ему прнпны большіе размѣры), лишь бы въ сей обшнрности выражался бытъ самой природы сущесствъ. Съ тѣмъ же, или еще съ большимъ любопытствомъ, нежели съ какимъ прежде желалъ онъ понять бытіе и законы частной вещи, ищетъ онъ пеперь *уразумѣть бытіе и законы цѣлой вселенной*, къ мысли о которой дошелъ онъ путемъ обобщенія. —

Такимъ образомъ само наспроеніе ума ведетъ его къ вопросамъ частъ опъ часу высшимъ; только потребность опвѣчать на сіи вопросы не съ одинаковою силою опкрывается во всѣхъ умахъ, и при всѣхъ обспоплельстввахъ ихъ развитія. Нужны немало-важныя предварительныя свѣдѣнія, чпобы въ душѣ нашей возникъ вопросъ о жизни всего сущаго. — За то, чѣмъ выше наше умственное развитіе, чѣмъ живѣе и явственнѣе въ душѣ высшія движенія, чѣмъ менѣе находимъ мы удовлетворенія благороднѣйшимъ

желаніямъ : шѣмъ съ большею силою шѣс-
няшя въ душѣ вопросы о послѣднихъ усло-
віяхъ и законахъ жизни всего сущаго , о на-
шемъ значеніи въ ряду существъ , о надеж-
дахъ , коими можемъ улаждать свою скуд-
ную долю.

14. Правда подъ вліяніемъ воспитанія, на-
родныхъ преданій и гражданскаго устройства,
при первомъ рожденіи вопросовъ, а не рѣдко
и до рожденія оныхъ , мы получаемъ уже и
опыты на оныя : но умъ , особенно дарови-
тый , не всегда довольствуется спорными
внушеніями; при благопріятныхъ обстоятель-
ствахъ для своего развитія, онъ всегда возра-
стаетъ къ самостоятельности, и хочеть во-
просы, въ немъ возникшіе, рѣшить самодѣя-
тельно. Хотя и здѣсь не всегда удерживаетъ
онъ свою самостоятельность , и всего чаще
также усвоетъ мысли другихъ; но для своей,
недовольной ничѣмъ положительнымъ, необозна-
тельности онъ всегда найдетъ достаточное
оправданіе въ томъ, что, хотя также увѣрен-
ность перешла къ нему, какъ и прежде, только
не пушемъ неразвязнаго рабства чужему , а
пушемъ соображенія свободной мысли. — Сча-
сливъ , кто при подобномъ возникновеніи

къ самоспоаяпельности мышленія находить руководителя надежнаго. Онъ только съ большею живостию утверждается въ неизмѣнной зависимости себя и всего сущаго отъ первой Вины, и вся жизнь духа его получаетъ спасительное направленіе. Его дѣяпельности доставляется твердая опора, и его сомнѣнія не влекутъ къ презрѣнію, или опроверженію всего священнаго.

15. Тогда какъ умъ человѣческій по наспроенію собспвенной природы всегда гоповъ поднялся къ вопросу о жизни вселенной; сама природа не только въ семъ помогаетъ ему, но и какъ бы невольно вызываетъ его къ изысканіямъ и размышленію созерцательному. Разнообразіемъ и величіемъ картинъ пробуждая вниманіе и привлекая любопытство, спрогимъ, хопя иногда шайнымъ, соответствіемъ и согласіемъ явленій и событій заставляя подозрѣвать въ себѣ что - то больше и выше, нежели однѣ движущіяся тѣлесныя формы; а соотношеніемъ (болѣе или менѣе пріятнымъ) явленій къ выгодамъ, ощущеніямъ и надеждамъ самаго человека, пробуждая его изыскательность, — она наконецъ переводитъ его и къ шому ве-

ликому вопросу: по какимъ же законамъ живешь и движешься вся эта обширная совокупность созданий, столь загадочныхъ, не рѣдко удивительныхъ? — Опъ разсмотрѣнія другихъ существъ склоняя взоръ свой на самого себя, человекъ находить новый мѣръ, и для него рождается новая задача, опредѣлить собственное значеніе въ ряду прочихъ существъ.

Такимъ образомъ мало по малу разоблачается предъ взоромъ человѣческимъ мѣръ силъ невидимыхъ и существъ мыслимыхъ, и возникающъ въ душѣ одинъ за другимъ вопросы объ отношеніи видимаго къ невидимому, о вліяніи невидимаго на осязаемое, о послѣднемъ Началѣ всего сущаго, о Его дивной природѣ и отношеніи, въ какомъ находится Оно къ міру. Больше и больше предметы пѣснятся къ душѣ; больше и больше душа какъ бы вынуждается поддерживать свою самоспоплетельность, и, такъ сказать, уравниваться съ природою посредствомъ правильныхъ понятій о предметахъ, ихъ свойствахъ и взаимныхъ отношеніяхъ.

16. Столь же легко и естественнo человекъ приходитъ и къ вопросу объ образѣ

дѣйствій, естественномъ для него. — Такъ много возникаетъ въ насъ тайныхъ желаній, такъ сильно дѣйствуютъ на насъ различныя чувства, такія противорѣчуція нашимъ обдуманнѣмъ намѣреніямъ движенія возникаютъ въ душѣ и не рѣдко пропоргаются наружу, и вмѣстѣ такое въ насъ стремленіе къ единству и согласію: — кто, приникая глубже въ себя самого, не спроситъ: какому же изъ разнородныхъ стремленій въ душѣ моеѣ долженъ я предаться? Долженъ ли я постоянно прислушиваться къ голосу, оуждающему во мнѣ извѣстные поступки; долженъ ли охранять въ себѣ спыдъ, покрывающій меня при извѣстныхъ мысляхъ; или тайныя внушенія и угрызения совѣсти не суть ли плодъ превращающаго воспитанія? — Такъ многого хопѣлъ бы я, и такъ многого хопѣли бы другіе, меня окружающіе: въ какомъ же я спою и долженъ сполать къ нимъ отношенія? Что долженъ оказывать имъ, и чего могу опъ нихъ пребовать себѣ? — Мое спокойствіе зависитъ опъ основательнаго рѣшенія сихъ вопросовъ. — На дѣйствіяхъ извѣстныхъ зиждется мое счастье. Ужели не долженъ я искать своего спокойствія въ извѣстныхъ швер-

дыхъ началахъ для управленія своими чувствованиями и поступками?

17. Въ исторіи философскихъ умозрѣній довольно видимъ опышовъ опредѣлить начала, какими должны мы руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ; еще больше видимъ покушеній прояснить образъ бытія природы и указать связь жизни всѣхъ существъ съ ихъ испочнымъ началомъ и законы ихъ развитія къ самоспоятельному бытію: но сіи опыты и покушенія умозрительныя болышею частію пропивоѣчатъ между собою, часто въ превратномъ видѣ представляющъ дѣйствительную жизнь самой природы, даже нерѣдко идущъ прошивъ пребываній нашего внутренняго чувства нравственнаго! — Что предпринять въ такомъ случаѣ? Отказаться ли опъ всякаго сближенія съ истинною, оставивъ все изысканія умозрительныя; или искать гдѣ либо надежнаго судилица для самыхъ сихъ умозрѣній? Принявъ первую мысль, я долженъ испити прошивъ себя самаго, прошивъ собственнаго стремленія къ истинѣ; — къ такой опчаянной мѣрѣ можно прибѣгнуть только тогда уже, когда все другія средства окажутся недостапочными. —

И такъ лучшее средство — не оставляя поля изысканій, продолжая изслѣдованія философскія до послѣднихъ ихъ предѣловъ. Въ семь случаевъ послѣдняя и рѣшительная задача будетъ уже подвергнута спро-гому разсмотрѣнію свою собственную способность познавательную, чѣмъ рѣшится: доступна ли для меня истина? — Я долженъ уже сколько можно ближе узнать свое собственное сознаніе; долженъ разыскать: не заключается ли въ немъ какого либо кореннаго обмана; — мысля объ міръ, не переносимъ ли мы на него своихъ собственныхъ пред-ставленій, тогда какъ самъ міръ, можетъ быть, существуетъ совершенно по своимъ законамъ, для насъ вовсе неизвѣстнымъ?

Правда, мы мыслимъ по влеченію своей природы: но развѣ, предаваясь сему влеченію, мы не можемъ мыслить ошибочно, пред-ставляя себѣ предметы по своему? Чѣмъ все наши познанія и умозрѣнія, если въ нихъ мы сопоставляемъ себѣ понятія объ образѣ бытія и законахъ вселенной, съ которой споль-зуются связаны, но сопоставляемъ понятія несоответственныя? Не напрасны ли, не суешны ли тогда все наши усилія? — Если

же пакъ: по всего еспешвеннѣе опредѣлишь возможную для себя степень испины въ самомъ началѣ многопруднаго пуща изслѣдованій. — Такимъ образомъ споль же еспешвенно и легко переходимъ мы къ вопросу о предметномъ значеніи своихъ представленій, сколь еспешвенно доходимъ къ вопросу о жизни вселенной.

Конечно сомнѣнія о нашей способности постигати истинное не споль близки общему, обыкновенному смыслу человѣческому. Люди большею частію довѣрчиво пользуются своею способностію мышленія, не подозрѣвая возможнаго разногласія своихъ представленій съ природою. — Но, кто имѣеть швердое, непреоборимое желаніе узнать истину въ числомъ ея видѣ, и въ поже время знаеть, какъ далеко въ своихъ мысляхъ мы можемъ расходиться съ природою: тотъ, пущившись въ область философскихъ изслѣдованій, необходимо долженъ наконецъ дойти до изысканія о послѣдней, окончательной опорѣ всякому довѣрію съ нашей спороны. Онъ не можетъ наконецъ не спросить: могу ли я бытъ увѣренъ въ предметномъ значеніи моихъ представленій; и мысли мои

могушь ли выражать природу, какъ она есть?— При всемъ довѣрїи, какое челоуѣкъ имѣеть къ собственнымъ предспавленїямъ, вопросъ объ ихъ важности и предметномъ достоинствѣ на дальнѣйшемъ пути изслѣдованїй предспавляется любомудрїю самъ собою.

Важность изслѣдованїй философскихъ вообще и въ частности—изслѣдованїй по каждой коренной задачь философской, взятой порознь.

17. Послѣ сего нельзя не признать и *важности* изслѣдованїй философскихъ. — Чшо выпекаетъ изъ самой природы духа нашего, чшо естесственнo опкрывается въ ея развитїи; чшо соспавляетъ неподавимую нашу поспребность: на шo нельзя уже смотрѣть съ пренебреженїемъ, хопя бы подобная поспребность опкрывалась въ насъ и не съ первымъ чувствомъ себя самихъ.—Челоуѣкъ скорѣе конечно оощукаетъ поспребности своей природы чувственной; ревностиѣ печется объ удовлетворенїи нуждъ шѣлесныхъ: но изъ сего не слѣдуетъ еще, чшобы онъ могъ и долженъ былъ не думать объ удовлетворенїи своихъ поспребностей духовныхъ. Напротивъ еще,

чѣмъ позже сіи потребности открываются: пѣмъ должны быть важнѣе въ глазахъ нашихъ; пѣмъ ревностнѣе должны мы стараться ознакомиться съ ними, скорѣе удовлетворить имъ. — Съ благодарностію признаемъ мы усилія людей, содѣйствовавшихъ къ улучшенію внѣшняго нашего положенія; скоро обращаемъ въ свою пользу открытія въ художествахъ и искусствахъ, облегчающія удовлетвореніе нашихъ нуждъ житейскихъ и доставляющія намъ услажденіе; и ужели можемъ пренебрегать труды умственные, употребленные на проясненіе предметовъ, важнѣйшихъ для существа мыслящаго, на рѣшеніе коренныхъ вопросовъ въ системѣ нашихъ познаній?

19. Споймъ только ближе приглядѣться къ частнымъ вопросамъ, кои входятъ въ составъ главной задачи философской, чтобъ увѣрились въ важности изслѣдованій умозрительныхъ, къ ней относящихся. — Мужи даровитые, не останавливаясь на частныхъ событіяхъ, но восходя отъ нихъ къ представленіямъ болѣе общимъ, и составляя наконецъ понятіе о цѣломъ мірѣ, вопрошали: какъ же существуетъ вся вселенная? Видимъ

мы возникновеніе и исчезновеніе вещей часпныхъ ; можемъ примѣчапъ поспепенныя въ нихъ измѣненія: но какъ должны думапъ о *цѣломъ мірѣ*, который слагается изъ сущеспвъ нами успаприваемыхъ и другихъ, можемъ быпъ, незримыхъ для насъ? Такъ ли же, какъ часпныя вещи, живесп онъ зависимо, или, какъ цѣлое, какъ совокупность всего сущаго, спонпъ и живесп онъ *самобытно*? Такъ же ли, какъ часпныя вещи, возникъ онъ и исчезнешъ; или не имѣесп онъ начала, и не будесп имѣпъ конца? Разнороденъ ли онъ въ своемъ составѣ; по самому ли качеспву отличны въ немъ сущеспва мыслящія и неодушевленные; или и мысль и вещеспво сунъ одно и поже, плодъ одного начала, и отличаються другъ опъ друга только количествомъ, какъ два различныя развитія одного и поже начала? Міръ, видимъ, сущеспвуесп, но опъ чего и для какой *цѣли*?— Я принадлежу къ сему міру, принимаю участіе въ его собыпїяхъ, могу нѣсколько измѣнпъ оныя, и наоборотъ самъ спюю подъ вліяніемъ явленій, влпепенный такъ тѣсно въ систему цѣлаго міра: — судьба его еспъ моя судьба; — въ жизни его — моя жизнь. Не

долженъ ли я знать образъ существования сей вселенной, чтобъ соображать съ понятіями о семъ свои дѣйствія и чувства? Такъ велики мои *ожиданія*, шакъ по видимому основательны мои желанія: но событія въ природѣ не отвѣщиваютъ онымъ; въ мірѣ не все печаль, какъ бы, казалось, должно было иппи; отъ чего это? Откуда это зло въ мірѣ, отъ коего спраждетъ болѣе, или менѣе всякое недѣлимое? Уже ли сіе зло необходимо и естественно въ составѣ вселенной? — Кто скажетъ, что сіи вопросы не важны для насъ; что изысканія по нимъ суть плодъ одной суетной нашей любознательности? — Если человекъ что нибудь значить въ сей массѣ сущаго; если наши познанія не суть одинъ обманъ, и способности даны намъ не напрасно: то проясненіе жизни, цѣли и устройства дѣйствительной вселенной есть самый важный предметъ изыскательности разумной.

20. Важность изысканій о законахъ нашей дѣятельности еще менѣе можетъ быть подвергнута сомнѣнію. Человекъ не можетъ оставаться безъ участія въ событіяхъ міра, — безъ дѣйствій. Особенно души добле-

спныя чувствуюць непреодолимое прызваніе даваць ходу дэлу міра чалавеческага извѣстныхъ направленія. Но шоже побужденіе, копорое вызываесть чалавѣка на дѣйствія, заспаваляесть его искаць и швердыхъ началъ для своей дѣяельности. Души возвышенныя не могуць дѣйствовать на обумъ. Теперь при той любви къ независимости и самостояельности въ мысляхъ, которая есть неопъемлемое достояніе душъ мужественныхъ, — откуда онѣ почерпнуць для себя швердыя начала, если вѣрное раскрытіе предписаній нашего разума не укажетъ имъ, къ чему мы прызываемся собственнымъ наспроеніемъ нашей природы; какіе законы Виною всего положены въ нашемъ сердцѣ? —

Конечно, души возвышенныя не всегда имѣюць нужду въ подобномъ указаніи; ихъ швердая (*gediegene*) природа сама укажетъ имъ ихъ назначеніе и цѣль, къ какой они прызваны: но и одно уже уясненное сознаніе нашихъ нравственныхъ законовъ, къ какому возводитъ Философія, безъ отношенія къ вліянію сего сознанія на всеобщій объемъ поступковъ чалавеческихъ, весьма важно; ибо предспаваляесть въ развитіи наше чалавече-

ское самочувствіе. Дѣйствовать согласно съ законами своей природы, безъ яснаго и опчепливаго сознанія оныхъ, безъ самостоятельности, — не есть еще верхъ нашего разумнаго развитія. Покорность закону сознаемая гораздо выше покорности безъ сознанія. — Между тѣмъ нельзя утверждать, чпобы и дѣятельность человѣческая не выигрывала отъ уясненія началъ нашего внутренняго законодательства. Дѣйствія наши не всегда суть плодъ однихъ склонностей, или привычекъ; въ нихъ участвуетъ и соображеніе разсудка, и разумное убѣжденіе. Философія, проясняя послѣднее и руководя первое, можетъ имѣть, хотя отдаленное, вліяніе и на наши дѣйствія. Такъ и есть. Спиритическая твердость, Платоническое стремленіе за предѣлы чувственнаго къ идеальному, Перипатетическая размысленность дѣйствій—всегда должны бытъ плодомъ бѣльшаго или мѣньшаго знакомства съ требованіями нашей природы нравственно-разумной. Безъ правильнаго понятія о сихъ требованіяхъ, самая твердость можетъ бытъ упрямствомъ, возвышенность — мечтательностью; и вообще нельзя вѣрно знать, въ какихъ предѣлахъ должны бытъ содержи-

мы извѣстныя наклонности, въ какой мѣрѣ должно слѣдовать какимъ желаніямъ и чувствамъ. — Жизнь безъ твердыхъ, основательныхъ началъ, жизнь на обумъ, различна челоуѣку только на низшей степенѣ его развитія. Поднимаясь выше, онъ не можетъ не искать единства съ собою. — Припомъ же по устройству природы, лица рода нашего, опередившія другихъ въ развитіи своего сознанія разумнаго, дѣлающаго всегда вождями прочихъ; слѣдовательно, наука Философіи, возводя къ высшему сознанію первыхъ, можетъ утверждать значеніе нравственныхъ законовъ и въ быту гражданскомъ.

Конечно, если бы челоуѣкъ могъ и долженъ былъ вѣчно оставаться на одной степенѣ умственного образованія: онъ могъ бы обойтись безъ изслѣдованій о началахъ дѣйствій. Стоя на одной степенѣ, не знающій сомнѣній; не видящій нужды въ изысканіяхъ. Но одинъ шагъ, сдѣланный въ развитіи, непримѣнно увлекаетъ насъ въ разнородныя направленія. Долго умъ челоуѣческій можетъ блуждать въ сихъ распуціяхъ: но наконецъ не можетъ не упоминься своимъ уклоненіемъ о пъ путей естественныхъ; не можетъ не

пожелать приблизиться къ истинѣ. Тогда необходимо признаешь оныя извѣстныя мысли непреложными правилами, пожелаешь въ свою очередь переработать себя по симъ началамъ, или найденный образъ мыслей выразишь въ своихъ частныхъ дѣйствіяхъ. Естественна, что сіи дѣйствія болѣе или менѣе должны соотвѣтствовать тѣмъ усвоеннымъ мыслямъ. Теперь наука, которая утвержденіемъ правильнаго взгляда на нравственные требованія нашей природы сокращаетъ для всякаго длинный путь упоминательныхъ изысканій, или руководитъ къ правильному разумнѣю нуждъ своего сердца, по необходимости должна имѣть важность въ глазахъ всякаго, кто желаетъ, чтобы родъ человѣческій такъ дѣйствовалъ, какъ ему предназначено его природою и ея Виновникомъ.

21. Не столь очевидна важность вопросовъ о происхожденіи и достоинствѣ нашихъ познаній. Увѣренность, что мыслями своими мы можемъ постигать предметы, какъ они есть, столь для всякаго изъ насъ естественна, что сомнѣніе въ семъ многимъ можетъ показаться смѣшнымъ, и изслѣдованіе, справедлива ли сія увѣренность, из-

лишнимъ.—Можно было дѣйствительно обходиться безъ изысканій по симъ вопросамъ, доколѣ частныя ошибки нашихъ умственныхъ способностей не колебали общей увѣренности въ нашемъ разумнѣй истиннаго; доколѣ среди всѣхъ споровъ оспавалось нѣчто для всѣхъ вѣрное. Но когда въ сомнѣніяхъ просперлись до того, что спали не довѣряль самымъ первымъ убѣжденіямъ нашего разумнаго чувства; когда многія системы, соспавляясь пропивъ увѣренности общаго чувства, готовы обвиняль самое наше сознаніе въ коренной тайной лжи (*πρωτον ψευδος*): тогда нельзя уже оспановиться на одномъ изложеніи понятій; а надобно пройпи изслѣдованіемъ всю систему мыслей человѣческихъ, чтобы найпи, если можно, пвердый пунктъ, на которомъ бы можно было надежно опираться въ своихъ умственныхъ соображеніяхъ. Теперь, какъ всѣ мысли во всемъ ихъ разнообразіи всегда сходятся въ нашемъ умѣ, въ нашемъ сознаніи: по еспественно изслѣдованіе онаго не только неизбежно, но и пребуееть самой тщательной обработки.

Съ сей точки зрѣнія самые опдаленные, труднѣйшіе философскіе вопросы, получаюль

пѣтъ большую важность, чѣмъ глубже ле-
жапъ въ основаніи нашимъ предспавленіямъ.
Обойпи сіи вопросы значило бы спроишь
зданіе философскихъ мыслей на песокъ, не и-
мѣпъ въ гошовности послѣдняго опчета на
свои сужденія.—Послѣ сего и изысканія о па-
кихъ вопросахъ, каковы напр., какъ могу я
быпъ увѣренъ въ испинѣ своихъ предспавле-
ній, не обманываютъ ли меня мои чувства,
мой взглядъ на міръ не еспъ ли только вы-
раженіе моей природы, меня обольщающей,
какъ соспавляющся мои понятія объ мірѣ —
и такіе вопросы, какъ они ни спранны ка-
жущся съ перваго взгляда, какъ ни далеки
опъ общаго смысла, опкрываются уже во
всей своей важности. Мы не можемъ смѣло
быпъ увѣрены, что мыслимъ вѣрно, доколѣ
не рѣшимъ: въ какомъ отношеніи спюяптъ
наши познанія къ природѣ, внѣ насъ
предспавляющейся. Желая уразумѣпъ жизнь
природы, мы не хотимъ мыслить объ ней,
какъ можемъ мыслить по своимъ предспав-
вленіямъ, а желаемъ постигнуть, какъ спю-
ипъ природа сама по себѣ, независимо опъ
нашихъ понятій.

Такимъ образомъ хотимъ ли мы достигнуть опчепливости въ своихъ убъжденіяхъ, мы въ самомъ согласіи природы съ нашими предспавленіями¹, въ которомъ никто почти не сомнѣвается, не въ правѣ бытъ увѣрены, пока предварительное строгое изслѣдованіе природы нашихъ познаній не подтвердитъ основательности сего убъжденія.

Естественность порывовъ къ рѣшенію задачъ философскихъ, и достоинство Философіи, не унижаемое, ни незаконностью ея изслѣдованій, ни неумѣренными требованіями, какія на нее дѣлаютъ.

22. Теперь, соображая всю высоту предметовъ, которыми Философія подвергается разспирѣнію, всю глубину изысканій, въ какую нужно пуститься, чтобъ получить что-либо определенное для своего уясняемаго сознанія, легко понять, что при всей естественности вопросовъ философскихъ, изысканія объ нихъ, рѣшеніе раскрытыхъ задачъ умозрѣнія, сопряжены съ большими трудностями. Съ одной стороны вышеописанное разумѣніе всего бышняго пребуетъ такихъ об-

ширныхъ соображеній, а постиженіе первой Вины предполагаетъ такое развитіе ума, требуетъ такой чистоты сердца; съ другой едва вознаградимое опдѣленіе нашей разумности отъ природы, преграждая всякую возможность непосредственнаго соприкосновенія съ нею для сличенія своихъ предспавленій въ жизнь дѣйствительною, поспавляетъ насъ на такой зыбкой спезѣ къ истинѣ; наконецъ само разумніе законовъ нашихъ нравственныхъ, столь легкое для взгляда простаго, при учебномъ разборѣ оныхъ предспавляетъ столько затрудненій, что, соображая всѣ сіи трудности, едва не переходимъ на сторону тѣхъ, кои сомнѣваются въ важности самой Философіи и успѣшности ея изслѣдованій.

Но тамъ, гдѣ дѣло идетъ о рѣшеніи самыхъ послѣднихъ вопросовъ человѣческаго вѣдѣнія; тамъ, гдѣ утверждается красугольный камень умспвеннаго величія человѣческаго: тамъ нельзя имѣть довольно готовности ко всѣмъ возможнымъ усиліямъ, даже повидимому бесполезнымъ. Ибо, хотябъ усилія наши въ рѣшеніи философскихъ вопросовъ не привели насъ къ выводамъ удовлетворительнымъ, же-

лаемымъ: все и одно уже знакомство съ тѣмъ, что въ нашихъ познаніяхъ есть слабого, не-проясненнаго, значить очень много. Человѣка достойно имѣть уясненное сознаніе и о томъ, чего не можетъ онъ достигнуть своими силами. Основательное, опытное убѣжденіе въ слабости своего знанія можетъ предохранить отъ такихъ ошибокъ въ сужденіяхъ и поступкахъ, кои послѣ не могли бы быть довольно оплаканы. Сухи конечно изысканія о природѣ нашего ума и достоинствѣ нашихъ познаній: но одна уже *осторожность*, по которой мы, изслѣдывая природу, не предаемся слишкомъ довѣрчиво своимъ предсказаніямъ, а стараемся повѣрить оныя возможнымъ сближеніемъ съ природою, достаточно награждаетъ насъ за труды понесенные. Известно, что ничто сполько не удаляетъ насъ отъ истины, какъ слѣпая довѣрчивость къ мыслямъ, однажды принятымъ, или случайно родившимся въ головѣ нашей. —

Между тѣмъ и собственное влеченіе духа мыслящаго и успѣхи опытныхъ изслѣдованій — все заставляетъ насъ надѣяться, что усилія (философски) прояснить природу существъ не могутъ и не должны быть усиліями су-

епными, — бесплодными. Сколько наши познанія часъ опъ часу ближе подходятъ къ природѣ, и полнѣе выражають оную зависимо опъ усилій узнатьъ ея явленія, всякой знаетъ. Наше положеніе среди сего міра, частію даетъ догадываться о единствѣ законовъ ума и природы, частію какъ бы невольно нудитъ къ извѣстному образованію своихъ мыслей сообразно съ нуждами сердца. При такихъ намѣткахъ на возможность философскаго разумѣнія природы, откажутся опъ усилій, по крайней мѣрѣ ускоряющихъ сіе разумѣніе, значить не имѣть довольно пвердости, бодрости духа, чтобы самому приготовить свою увѣренность; значить съ сознаніемъ оставаться однимъ пріемникомъ чужаго; значить недовѣрять внушеніямъ собственнаго разума, радушному вызову природы къ убѣжденію развипому. — Я чужой въ этомъ мірѣ, если образъ моего мысленія не согласенъ съ пвердыми законами цѣлой природы, меня окружающей. — Я безупѣшенъ, если природа существуетъ случайно, или нѣтъ высшей цѣли для моего существованія. — Униженіе человѣчеству, если оно на ряду съ другими пварями должно, пипаясь опъ праха,

возвратишься въ прахъ, безъ всякой новой надежды. — Нѣтъ мѣста наукамъ, коль скоро наше спремленіе къ истинѣ напрасно, и мы нисколько не можемъ уразумѣть природы въ ея непреложномъ отношеніи къ намъ.

23. Сколь ни благопворныя впрочемъ истины проясняють для насъ философская изыскательность; къ какому швердому, непроборимому убѣжденію въ основныхъ мысляхъ ни возводяють насъ мудролюбивыя изслѣдованія: ни одна наука, можно сказать, не подвергалась шакимъ противорѣчущимъ сужденіямъ, какъ Философія. Высотѣ вопросовъ, кои составляютъ предметъ ея изысканій, не всегда оказывають надлежащее уваженіе; вліянію самой науки на развитіе человѣческаго самочувствія рѣдко отдавали полную справедливость. — Съ одной спороны нѣкопорая незаконченность философскихъ умозрѣній, и разность во мнѣніяхъ самыхъ великихъ Философовъ, съ другой необыкновенныя ожиданія, какимъ ищуть удовлетворенія отъ Философіи въ самомъ уже первомъ ея развитіи, проситѣ, неумѣренныя пребыванія на Философію составляли и составляютъ самый богатый источникъ порицаній и укоризнъ,

произносимыхъ на беззащитную науку. — Но правильное сужденіе о достоинствѣ науки Философіи, какъ всякаго предмета вообще, зависить опть правильнаго понятія объ ея состояніи и цѣли, ею достигаемой.

Всякой согласился, что Философія въ идеальномъ своемъ видѣ, какъ удовлетворительное рѣшеніе коренныхъ задачъ нашего мышленія — имѣеть право на полное уваженіе наше; но не менѣе справедливо и то, что и несовершенное развитіе оной въ наступающее время, не должно вести къ ея презрѣнію. Мы не презираемъ юноши, недоспѣвшаго еще крѣпкихъ лѣтъ мужескаго возраста: но, довольные его благородными порывами, съ неперпѣніемъ ожидаемъ, когда богатая жизнью силы его примуть швердый ходъ и поспоянное направленіе. — Конечно философскія изысканія досель не совершенно прояснили пѣ истины, уясненіе конхъ обыкновенно опть нихъ ожидается: но сія безуспѣшность опнюдь не даетъ права на пренебреженіе или порицаніе Философіи. Сколько прекрасныхъ покушеній и намѣреній въ родѣ человѣческомъ осталось по видному безъ исполненія, и высказано безъ плода? И—кто не

нипаешъ къ истинѣ должнаго уваженія, даже тогда, когда она не является во всей своей чистотѣ, во всемъ ея дѣйствіи?—Успѣемъ ли мы хотя приближенно постигнуть истину, уразумѣть бышіе сущаго въ его корнѣ: мы оправдаемъ такую мысль, копорой и одно уже чаяніе достойно всякаго уваженія, пѣтъ болѣе стараніе развитъ и уяснить ее.—Нѣтъ нужды, что открытіе сей истины идетъ медленно. Чѣмъ медленнѣе въ природѣ существъ развивается какой либо организмъ: тѣмъ онъ долговѣчнѣе; тѣмъ онъ благороднѣе.—И старанія мужей мыслимыхъ, мало по малу приближающія насъ къ истинѣ, по самой уже сей медленности, заставляющъ ожидать чего-то благороднаго, заставляющъ уважать сіе великое въ самомъ его несовершенствѣ.

Старались ослабить и унижить важность философскихъ изслѣдованій указаніемъ на *суемудрыя толки* людей, извѣстныхъ подъ именемъ Философовъ. — Не опровергаемъ, что имя Философа усвоили нѣкоторымъ лицамъ не много прудившимся надъ проясненіемъ истины,—иногда даже помрачавшимъ оную по щеславію: — но имя не дѣлаешъ

Философомъ. Бѣглыя, поверхностныя, но ослеплою восхищающія мысли не суть Философія. Въ нихъ можетъ быть высказано много хорошаго, но кто приметъ смѣсь истинны съ ложью за чистую истину? — Только безразсудный, не умѣющій, или не желающій соображать самоспопательно.

24. Вообще можно замѣтить, что самыя требованія, какія дѣлаютъ на Философію, не всегда умѣренны и обдуманны. Ослепимъ ихъ и опразимъ укоризны на Философію, болѣе или менѣе шѣсно съ ними связующіяся. — Ожидаютъ обыкновенно, чтобы Философія вдругъ рѣшила всѣ главнѣйшія задачи человѣческаго вѣдѣнія, безъ дальнихъ соображеній, безъ всякаго возможнаго разногласія въ сужденіяхъ. — Напрасно. Уму человѣческому не дано постигать вещи съ перваго взгляда. Ему нужно долго *образоваться*, чтобы получить свѣдѣнія основательныя, пріуготовившись къ сужденіямъ вѣрнымъ, догадкамъ правдоподобнымъ. Пусть къ истинѣ лежатъ для него отъ области невѣдѣнія, чрезъ многообразныя шлопы заблужденій. — Только посредствомъ ошибокъ научаемся мы опличать истину отъ лжи. —

Правда, истина представляется такъ близкою душѣ нашей; когда высказывающъ ее: она, кажется, была на языкѣ нашемъ; мы, кажется, давно уже знали ее. Но сіе показываетъ только, что она, такъ сказать, родная духу нашему; что намъ естественнѣе видѣть вещи въ собственномъ ихъ свѣтѣ.—Конечно ктобы не желалъ, объявить истину съ перваго разу? Не многіе рѣшались пуститься въ лабиринтъ разнородныхъ изысканій безъ надежды выхода. Какое Государство не пожелало бы однажды такъ устроить свои общественныя отношенія, чтобы не имѣть въ послѣдствіи нужды ни въ какихъ измѣненіяхъ? — Новъ состояніи, въ дѣйствіяхъ и мысляхъ человѣческихъ нѣтъ непреложнаго постоянства; во всемъ мірѣ дѣйствіе закона постоянства расплывается силою закона подвижности. Самъ родъ человѣчскій при всей опредѣленности силъ поставленъ подъ законъ возрастанія.— Послѣ сего желать и стараться, чтобы высшій степенъ возможнаго совершенства разумныхъ опредѣленій достигнуть было, какъ можно, скорѣе,—совершенно естественнѣе и справедливо; но претовало отъ людей мыслящихъ опредѣленій непреложныхъ, и до появлені-

нія оныхъ презирають, или подавляють всякія мнѣнія несовершенныя, довольно опрометчиво: какъ погрѣшительно съ другой спороны, ушвердивши, или имѣя въ готовности, одно и совершенное, думаютъ, что оно должно на вѣки оспаться безъ дополненій, измѣненій и поясненій. — Природа и свойства даже частныхъ вещей открываются въ нихъ не вдругъ, не въ одно время, не въ одномъ мѣстѣ; мы не всегда можемъ наблюдать вещь, когда намъ угодно; а чаще должны пользоваться обстоятельствомъ, кои подають сама природа. Понятно, что для того, чтобы опредѣлить образъ бытія всѣхъ вещей, — цѣлаго міра нужно уже нѣсколько людей съ наблюдательнымъ духомъ, и по при средствахъ благопріятствующихъ, и при всѣхъ пособіяхъ нужно не только нѣсколько лѣтъ, а цѣлыя столѣтія.

25. Теперь, хотя можетъ показаться, что безъ полного запаса предварительныхъ наблюдений и опытовъ хотѣвъ однимъ соображеніемъ дойти до вѣрнаго опредѣленія: какъ существуетъ цѣлый міръ вещей, значить братья дойти до истины скороспѣшно, безъ свѣточа, какъ бы произвольно отдаваясь въ

объяпія заблужденію; что така самонадъянность достойна всякаго порицанія.—Но на основаніи одной сей видимой неизбъжности заблужденія ужели можно уничижашь усилія ревностныхъ искапелей истины? Безъ самозабвенія, безъ нъкопорого самопожертвованія не сдѣлаешь ничего великаго.—При помъ же и спремленіе къ истинѣ споль еспешвенно; приблизись къ ней, кажепся, споль легко; и малыя опкрыпія на семъ поприщѣ такъ подспрекають дъяпельность силъ челоувческихъ, что, сдѣлавшій одинъ сполько опыщъ въ опкрытіи истины неизвѣстной, непреодолимо уже увлекаешся къ гаданію истинъ дальнѣйшихъ, высшихъ.—Благоразумень конечно, кпо высказавъ нѣсколько истинъ, можетъ еще думать, что онъ не спль единспвенныя, непреложно вѣрныя, самыя послѣднія. Но надобно имѣть значительную, можно сказати, огромную опыщность, чпобъ умѣть ограничивашь свою самонадъянность при довольныхъ успѣхахъ въ изслѣдованіяхъ. — Топъ, надобно сказати, мало упошреблялъ силы своего разумѣнія, кпо думаешъ, что можно опказашься опъ довѣрія къ своимъ мыслямъ, сдѣлавъ нѣсколько ошибокъ. Но топъ

оказываетъ и совершенное неуваженіе къ драмъ Творческимъ, кто готовъ воспрешить всякія изысканія, ссылаясь на слабость человѣческихъ усилій уразумѣть истину. Какъ будто силы человѣческія не распушь опъ самаго ихъ употребленія; какъ будто всякому заблужденію суждено жить вѣки, и истина можетъ развиться въ человѣчествѣ безъ усилій лицъ недѣлимыхъ, а сіи усилія, по самой слабости недѣлимыхъ въ сравненіи съ цѣлымъ, не должны бытъ по необходимости ограничены.—Только слабый душою опъ слабого смершнаго будетъ пребывать и ожидать вѣщаній непреложныхъ. Одинъ человекъ не даетъ ихъ: онъ плодъ вѣковыхъ усилій цѣлаго человѣчества.

Состояніе Философій, несовершенное въ каждомъ субъектѣ, взятомъ порознь, и усовершенняющееся въ сознаніи цѣлаго человечества.

26. Философія въ томъ видѣ, въ какомъ мы находимъ ее доселѣ, есть нечто иное, какъ только рядъ попытокъ, сдѣланныхъ мужами даровитыми, приблизившись къ истинѣ. Она еще только въ своемъ образованіи,

какъ и самъ человѣкъ въ настоящемъ видѣ своего бытія, есть еще только, можно сказать, будущій человѣкъ. — Мы видимъ его развитіе и не встречаемъ развитія сего законченнымъ; не можемъ указать предѣла, на коемъ бы человѣкъ достигалъ послѣдней степени своего усовершенія. Какъ ни совершенными встречаемъ мы людей нѣкоторыхъ: все полного осуществленія идеала человѣчкости въ нихъ не видимъ. — Такъ и Философія, какъ произведеніе человѣка, какъ высшее развитіе его разумія, ни въ какомъ видѣ проявленія, принятомъ ею доселѣ, не облеклась въ свое идеальное совершенство.

Въ такомъ совершенствѣ мы могли бы видѣть ее развѣ тогда, когда бы кто нибудь составилъ въ умѣ своемъ такой очеркъ всего сущаго, въ которомъ бы всѣ недѣлимья давали легко усматривать держащее ихъ общее, въ коемъ бы ясно представлялось все дивное спроектіе мірозданія, рѣско выражалось разліяніе жизни опѣ первой Вины по всѣмъ частнымъ центрамъ существъ, твердо обозначались, какъ бы обнаженные сподли законы и внутренняя жизнь Природы. — Тогда оставалось бы только, утвердивъ на

семь образъ взоръ свой, со всею вѣрностію оппечашка перевести представляемое имъ на слова, выразишь въ понятіяхъ;—и совершенная Философія была бы готова. — Но какой смертный при одной собственной опытно-сти можетъ составить подобный образъ вселенной, возможный въ мысли одного Божества? Много еще должно пройти родовъ, много должно еще смѣниться недѣлимыхъ на чредѣ проясненія жизни міра, пока умъ человѣческій успеетъ вознестись къ подобному разумѣнію природы.

27. Полная истина, совершенная Философія не есть достояніе одного ума недѣлимаго.— Всякій человекъ, и самый образованный, по своему развитію есть произведеніе своего мѣста и времени и собственного на-строенія силъ душевныхъ. Сии условія времени, мѣста и особенности лицъ недѣлимыхъ всегда болѣе или менѣе имѣютъ вліяніе и на ихъ пониманіе и представленіе истины. И чистая, нераздѣльная истина въ переходѣ своемъ чрезъ призму недѣлимости — неизбежно слабѣетъ въ своемъ напряженіи, необходимо выходитъ изъ состоянія своего нераздѣльнаго единства. — Истина, перешед-

шая къ намъ чрезъ сознаніе лица частнаго, не естъ уже истина полная, чистая; не удержи- ваешь какъ бы того свѣта, коимъ сіяешь она въ умѣ Божественномъ; и ни какой умъ, въ опдѣльную плѣсность погруженный, не можетъ быть хранилищемъ вѣрнаго съема, представляющаго природу. — Верхъ совершенства, возможнаго для лица частнаго, естъ только вмѣстивъ въ себѣ жизнь умствен- ную, какъ она развилась до него въ другихъ недѣлимыхъ; простѣе: стаешь на равнѣ съ образованіемъ своего вѣка, и изъ своей недѣ- лимой почки зрѣнія сдѣлаешь пересмотръ полу- ченныхъ понятій и опкрыть, если можно, новыя въ нихъ отношенія. — Не споримъ, что являюся въ родѣ нашемъ люди геніаль- ные, которые опереживаютъ свой вѣкъ зрѣ- лостію сужденій и высокою мыслей; далеко ославляютъ за собою своихъ современниковъ: но вообще развитіе мысли, предметно раз- смаприваемой, идетъ своимъ путемъ. При той недосязаемой таинственности бытія и законовъ его, о которую сокрушаются по- рывы самаго смѣлаго ума, ни одинъ смерш- ный не можетъ когда либо безъ нѣкотораго самообольщенія смѣло сказать: я постигъ

жизнь природы. Каждый можетъ высказывать только другому то, къ чему дошелъ онъ въ своихъ изысканіяхъ, или гаданіяхъ. — Философія, какъ произведеніе умственныхъ соображеній одного лица, всегда останется несовершенною.

28. То, что природа оставляетъ недосягаемымъ для всякаго ума частнаго, предоставляетъ она уразумѣвать уму всеобщему, — уму цѣлаго человечества. Время совершается здѣсь все. То, что осталось неразвѣстнымъ, или не возникло въ сознаніи лицъ, предварившихъ на поприщѣ мышленія созерцательнаго, открывається въ сознаніи лицъ, вступившихъ на сіе поприще за другими. Познаніе въ человечествѣ расшепъ именно опъ смѣны недѣлимыхъ; и извѣстное развитіе мыслей всякаго частнаго субъекта въ семъ отношеніи есть не что иное, какъ только звѣно въ переходѣ мысли (предметно взятой) къ совершеннѣйшему образованію. — Сами люди непримѣнно для себя совершаютъ въ себѣ сіе развитіе мысли. Каждый голосъ, каждое открытіе въ области мышленія — передаютъ они въ хранилище общаго сознанія; здѣсь новыя лица подвергаются оныя новой обработкѣ, и

также передающъ родамъ слѣдующимъ. Въ сей переработкѣ усиліями различныхъ родовъ, испина, какъ въ горнилѣ, мало по малу опрѣшается опъ примѣси недѣлимыхъ предспавленій, — получаешъ чиспошу. Здѣсь же возвращается она, если не къ своему прежнему нераздѣльному единству, по къ своей цѣлоспи. Люди примѣчаютъ, пересмапривая извѣспную мысль, что видѣ, въ какомъ предложилъ ее одинъ ученый мужъ, не совсѣмъ вѣренъ; что онъ долженъ бытъ исправленъ, или дополненъ замѣчаніемъ другаго. Чѣмъ больше пересмапривающъ шеперь извѣспную мысль: тѣмъ больше примѣчаютъ ея связь и соотношеніе съ другими, мѣру, въ какой она вѣрна и должна бытъ высказана, и гдѣ переходитъ она въ ложное понятіе.

Такимъ образомъ дѣло разумѣнія природы, начатое одними, продолжается другими, и обличіе возможныхъ взглядовъ на вселенную въ рукахъ различныхъ мужей, высшихъ другъ друга образованіемъ, проводится дальше и дальше. Нѣтъ нужды, что опъ смѣны недѣлимыхъ на чредѣ проясненія жизни вселенной, во взглядахъ на сію жизнь оказываешся разность, даже нѣкоторое прошивоборство. Самая сія разность

и бореніе различныхъ системъ способствуешь полько ко всепороннему проясненію задачъ философскихъ. Тогда какъ неопытный глазъ въ возрастающемъ разногласіи Философовъ усмаприваетъ разрушеніе, или мнимую суетность самой Философіи: око дальновидное прозираетъ здѣсь полько приближеніе единства и шайное склоненіе ума человѣческаго къ одной мысли вѣрнѣйшей.

Возможность успѣховъ Философіи и умѣстность новыхъ усилій къ рѣшенію коренныхъ вопросовъ умозрѣній.

29. Сямъ объяняется возможность успѣховъ Философіи и умѣстность новыхъ усилій къ совершеннѣйшему рѣшенію коренныхъ задачъ ея. Понятіе о жизни вселенной, недоспащное въ умахъ мыслителей, начавшихъ рядъ философскихъ умозрѣній, мало по малу восполняется и исправляется въ системахъ Философовъ позднѣйшихъ. Философія, несовершенная во всякомъ представленіи частномъ, непрерывно, хопя медленно, усовершеняется въ сознаніи цѣлаго человѣчества.—Правда, какъ бы въ опмщеніе за то превосходство, которое беретъ умъ надъ природою, столь рѣзко оп-

дѣляя себя отъ оной, Природа дорого и неуспунчиво продаетъ ему свои шайны; долго держишь насъ въ преддвѣрїи и медленно вводишь во святилище. Но—что бы ни говорили о неподвижности рода чловѣческаго въ его восхожденїи къ совершенству,—родъ нашъ, скажемъ словами Галилея, движется, поступаетъ впередъ, и умъ чловѣческій, хотя непримѣнно, за то постоянно расщепъ въ уразумѣнїи жизни вселенной; и кто скажетъ: гдѣ положенъ предѣлъ сему возрастанїю ?

50. Въ условїя для сего возрастанїя есть.—Возможность его лежишь въ успройствѣ самой природы ума и въ соспоянїи философскихъ умозрѣнїй о жизни природы. — Возможность успѣховъ Философїи и тогда еще не могла бы бышь подвергнуша сомнѣнїю, когда бы рѣшительно было подшвержено, что мысли духа нашего никогда не выражающъ и не могутъ выражащъ дѣйствительнаго быша природы; что онъ сущъ только игра нашего ума; что самое то, что мы называемъ природою и предметами, есть не что иное, какъ только образы, пворимые силою нашего Я. Ибо и тогда можно было бы еще успѣвать, если не въ разумѣнїи природы, какъ

чего-то внѣ насъ дѣйствительнаго, по по крайней мѣрѣ въ разумѣніи законовъ, по которымъ должно развивать свою умозрительную дѣятельность.—Въ томъ случаѣ, когда на почвѣ зрѣнія общаго смысла (какъ она естественна должна быть первоначально принята), утверждается бытіе природы, какъ чего-то дѣйствительно внѣ насъ находящагося, возможность успѣховъ Философіи, какъ исполковательницы жизни вселенной, еще менѣе можетъ быть подвергнута сомнѣнію. Сколько въ первомъ случаѣ основаніе Философіи шатко, всѣ опредѣленія зыбки, и повѣрка мыслей безъ существенности конкретной, плѣсней, невозможна: сколько въ последнемъ все помогаетъ развитію философскаго разумѣнія природы. — Здѣсь — успѣхи наши въ восхожденіи отъ частныхъ событій къ понятіямъ общимъ, неподдаваемое въ думѣ нашей стремленіе угадывать, какъ законы, по которымъ природа дѣйствуетъ въ извѣстныхъ явленіяхъ, такъ и основныя, первоначальныя свойства силъ, кои всему въ мірѣ даютъ жизнь и движеніе, и нерѣдко удачныя покушенія въ семъ постиженіи Природы, — все подаетъ мысль, что законы ума человѣческаго

получили наспроеніе, согласное съ законами Природы, такое, по которому мы умомъ своимъ можемъ угадывать внупренній составъ самой Природы. Примемъ ли сію мысль, которая оправдывается большею часптію явленій, безъ увѣренности въ коей мы не могли бы жить и дѣйствовать, за вѣрную: мы уже въ правѣ надѣяться вѣрныхъ успѣховъ въ своихъ философскихъ соображеніяхъ, только бы не оспавляли своихъ умспвенныхъ силъ въ бездѣйствіи; только бы нехѣдноспно наблюдали за жизнью вселенной, какъ она опкрывается въ явленіяхъ и событіяхъ.

51. Съ другой спороны и соспояніе Философіи въ наспоащемъ ея развитіи оспавляемъ еще довольно простора для новыхъ умозрительныхъ соображеній. Еще не во всѣхъ отношеніяхъ Природа для насъ прояснилась; еще не прекрапились недѣлимые, надѣляемые опъ природы особеннымъ даромъ прозираемъ въ ея пайны и опкрываемъ въ предметахъ давно извѣспныхъ новыя спороны; — не всѣ народы успѣли еще выспавить опъ себя подвижниковъ на поле познаній, опкрытій и завоеваній Философскихъ; еще не со всѣхъ возможныхъ споронъ обспотрѣны задачи

философія; можуть быць, еше не всѣ проложены, по крайней мѣрѣ не всѣ еше направленія хорошо набишы, какія могуць быць приняты при философскихъ изслѣдованіяхъ. Даже въ томъ случаѣ, когда бы уму человѣческому не оставалось больше, чпо дѣлать *снова*: и тогда для него оставалась бы еше длинная задача, — пересмотрѣвъ всѣ особыя виды возможныхъ явленій Природы съ ихъ законами и условіями, — сличить съ ними мысли, или взгляды, составленныя прежними, или современными мыслителями, чтобъ отккрыть: въ которомъ изъ сихъ умственныхъ взглядовъ мы дальше проникли въ существо міра, въ какой созерцательной мысли ближе подошли къ Природѣ, въ какой системѣ вѣрнѣе выражена, или угадана жизнь вселенной. —

Не лзя думать, чпобы при семъ сличеніи не родилось какихъ либо новыхъ мыслей, кои могуць быць зародышами дальѣйшаго образованія Философіи. Какъ въ природѣ, такъ и въ умственныхъ произведеніяхъ на ошибкахъ жизни старой развивается новая. Опыты другихъ не могутъ и не должны оставаться для насъ бесполезными. Не большой еше успѣхъ, когда познаніе ихъ предосперегаетъ

насъ опъ повпоренія снова давно высказанныхъ погрѣшностей; изъ нихъ можешь и должна бышь извлечена ббольшая польза, именно при разборѣ ихъ мы должны опяррышь мысль наиболѣе совершенную и dospaпочную къ объясненію вселенной. По крайней мѣрѣ Писатель съ своей стороны пвердо увѣренъ, что основательный разборъ разнородныхъ взглядовъ, доселѣ образованныхъ различными мыслителями, — и сличеніе сихъ взглядовъ съ дѣйствительнымъ быпомъ Природы, какъ мы знаемъ сей бышь по dospовѣрнымъ наблюденіямъ и опытамъ, и какъ думаешь о немъ заспавляютъ насъ непреложные законы ума, должно вести къ важному опкрышію въ области Философіи, къ опкрышію: копорая изъ составленныхъ Философами системъ, больше согласуешя съ законами Природы и ума, и слѣдовательно надъ развитіемъ копорой оспаешя еще упражнять силы умственные. — Подобнымъ пересмотромъ системъ философскихъ обыкновенно пользуются въ руководствахъ учебныхъ: но имъ же можно смѣло пользоваться и для пригопвленія себя къ самоспопьятельному мѣроразумѣнію.

Возможность уразумѣнія жизни вселенной, умѣстность довѣрія въ семь дѣль къ силамъ нашего ума, и пріемъ, посредствомъ коего можемъ мы больше успѣвать въ уразумѣніи природы.

32. Но возможно ли намъ, скажутъ, уразумѣть жизнь цѣлой вселенной, когда умственные способности наши пакъ ограничены, а объемъ вселенной столь обширенъ, что при всемъ усовершеніи наукъ физическихъ, мы не успѣли открыть и предѣла природы; при всѣхъ усиліяхъ мужей ученыхъ не успѣли уразумѣть хорошо самой природы человѣка; еще больше, самая жизнь нижшихъ существъ, на нашей землѣ живущихъ, столь непояснима, что съ атомъ малое животное составляетъ еще для насъ загадку? При такихъ доказательствахъ несообразности средствъ съ предполагаемою цѣлю, кто можетъ еще ожидать успѣховъ въ разумѣніи жизни цѣлой вселенной?

Но на основаніи одной слабости нашей недѣлимой природы въ сравненіи съ объемомъ цѣлой вселенной мы не можемъ еще прибѣгнуть къ такой опчальной мѣрѣ, какова: опча-

запѣся опѣ всѣхъ покушеній къ уразумѣнію Природы. И малыми средствами въ Природѣ совершаются великія событія.—Припомъ же къ уразумѣнію цѣлаго пространственнаго и временнаго, не всегда нужно имѣть объѣмъ и продолженіе, равныя ихъ объѣму; довольно имѣть способность окинуть оныя взоромъ. Такъ и къ уразумѣнію огромной вселенной не совсѣмъ нужно пересмотрѣть однимъ глазомъ все бытное, прожитъ всѣ періоды его существованія. При той твердости законовъ, какая должна господствовать въ столь стройномъ цѣломъ¹, при томъ единствѣ Верховной Вины сущаго, довольно внутри себя имѣть силу съ извѣстной, болѣе или менѣе опдаленной, точки окидывать сущее однимъ взоромъ, и по опыту своему, или другихъ, знать исторію Природы за нѣсколько столѣтій ея развитія; — условія, кои всѣ родъ нашъ выспавитъ можетъ.—Теперь, хотя бы, опираясь на недоспапкъ довольноаго количества былей для вѣрныхъ выводовъ, мы и опказались опѣ усилій къ уразумѣнію жизни природы: симъ мы опдалили бы только время своихъ философскихъ успѣховъ, а нисколько не успѣли бы освободитъ себя опѣ желанія

знашь Природу ближе. — Рано ли, поздно ли, природа сама увлечетъ къ разумнѣю себя: ибо лѣнливыхъ она сама спраданіями нудитъ покоряшь ее.

Но Вина всего облегчила для насъ и успѣхи въ разумнѣніи природы, надѣливъ насъ силами для сего нужными. Нѣтъ нужды раскрываешь подробно, что дабы прояснить для себя жизнь вселенной, намъ не сполько нужно знашь, частности просперанспвеннаго, сколько внутреннюю жизнь Природы; съ другой спорны понятны и то, что для проясненія сей жизни нужна не другая кака сила, какъ именно также внутренняя.—Что подобная сила въ насъ есть, въ семъ еще никто, кажется, не сомнѣвался; что посредствомъ сей силы мы разумѣемъ многія явленія природы и важныя, умѣемъ объяснять происхожденіе событій въ ней совершающихся, успѣваемъ даже сполько ознакомиться съ ея ходомъ, что можемъ предсказывать многія изъ ея оборотовъ всею точностию, — также знакомы съ науками довольно извѣстно.

33. Теперь, если съ одной спорны внутренняя, основная жизнь Природы, въ цѣломъ взятой, яствѣ или сокровеннѣ, должна вы-

ражаешься въ каждомъ особенномъ ея явленіи, чего нельзя подвергнувъ сомнѣнію ; если съ другой въ сію внутреннюю спорону Природы, сокрывающуюся подъ ея явленіями, мы, больше или меньше, всегда успѣваемъ проникнуть, и—не закончивъ всего хода испытаній и разумѣнія природы, никто не въ правѣ безопечно указать, дальше чего взоры нашего ума досягають не могутъ: то, опираясь на досповѣрное согласіе наспроенія нашего ума съ успроеніемъ Природы, въ дѣлѣ разумѣнія жизни міра можно уже съ *большою достыргивостію* пользоваться *силами своего ума*. Ибо все показываетъ, что мы не осуждены, какъ живописныя, принимають въ чувство одно то, что открывають она въ своихъ явленіяхъ взору пѣлесному. Это — одна наружная спорона природы, которая только даетъ намъки на то, что находится внутри и движеть всею машиною. Разумъ, насъ опличающій, усиливается проникнуть къ внутренней основѣ вселенной ; духъ нашъ, чтобъ удовлетворить стремленію и призванію собственному долженъ разгадать внутреннюю жизнь сущаго.

54. И надобно сказать, что усилія, какія употребляетъ умъ нашъ для проясненія

внутренней жизни природы, неоканчиваючися и не могут оканчиваться ничѣмъ. Надобно бытъ слишкомъ упорнымъ въ своемъ предубѣжденіи, чѣмъ не смотря на все возрастающее пресѣяніе человѣческихъ знаній утверждать, что мы осуждены на вѣчное круговращеніе въ тѣсныхъ, неразширимыхъ предѣлахъ разумнія. Споишь только со всѣмъ безприсрастіемъ вникнуть въ исторію рода человѣческаго, чѣмъ убѣдишься, что проявленіе разумности въ міръ человѣческомъ въ настоящее время гораздо обширнѣе, нежели за нѣсколько столѣтій назадъ. Сіе возрастаніе силъ разумнія можешь служить доспапочною порукою того, что сими силами со временемъ мы успѣемъ еще дальше проникнуть въ тайны природы и уразумѣть жизнь ея.— Не споримъ, что наши разумныя силы слабы, не безконечны: но не можемъ и думать, чѣмъ раздѣльное понятіе о жизни природы было дѣло одной силы безконечной; чѣмъ упражненіе силъ разумныхъ не способствовало ихъ развитію, укрѣпленію. Съ печеніемъ столѣтій опыты человѣчества необходимо умножаючися, и всякая сила опыъ упражненія распахъ въ своей дѣйствительности, или въ своемъ напряженіи.

Теперь, если возрастание нѣкопрыхъ силъ, влекущее за собою упадокъ другихъ, и не можетъ быть допущено въ природѣ; все въ разрядѣ силъ сего рода не можетъ быть опнесена сила мыслящая. Ея возрастание не можетъ извлекать изъ природы, или подавлять въ оной другія силы необходимыя для ея жизни. — Она можетъ расти въ безконечность, не разрушая жизни природы своимъ разумнѣемъ оной.

Слабъ конечно умъ въ наспощемъ его положеніи, согласимся съ нашими противниками; но—какой плодъ, еслибъ мы, ссылаясь на сію временную слабость силъ разумнѣя, вздумали оспавить всякое упражненіе оныхъ, сопряженное съ нѣкоторою безуспѣшностію? Такое обгненіе не должно ли было бы окончиться рѣшительнымъ ослабнѣемъ самыхъ силъ? И—еслибъ и не воспослѣдовало сего ослабленія, по жизненности и природной распимости силъ, все не поступили ли бы мы противъ претребованій, какія сопрягаетъ Природа съ самимъ сообщеніемъ силъ? Наше дѣло, получивъ силы, упражнять оныя, въ пвердой увѣренности, что дѣйствіе въ природѣ не оспаается безъ плода. — Можно и должно

разумному существу бытъ оспорожнымъ въ развитіи своей дѣятельности: но и слишкомъ бытъ робкимъ въ семъ дѣлѣ не совѣмъ умѣстно. Легко переходя въ нашъ умъ, и слагаясь въ немъ въ бытіе идеальное, природа какъ бы насильно вызываетъ насъ къ свободнѣйшему дѣйствованію въ усиліяхъ ея разумѣнія. — То же подтверждаетъ и исторія развитія умозрительныхъ порывовъ. Умъ нашъ, не смотря на мнимую безуспѣшность философскихъ умозрѣній, никогда не осмѣляясь усилій проникнуть въ сердце природы; всегда снова пускается онъ въ умозрѣнія, какъ будто Природа тайно говоритъ ему, что сей путь къ ея разумѣнію для насъ есть совершенно естественный.

35. Какъ теперь упомянутое согласіе ума съ природою засмѣляетъ надѣяться, что мы со временемъ успѣемъ уяснить для себя и сію внутреннюю спорную, и какъ въ семъ случаѣ нельзя ограничиться однимъ бездѣйственнымъ ожиданіемъ: по мы въ правѣ употребить здѣсь всевозможныя усилія къ разрѣшенію важнѣйшихъ задачъ своихъ; можемъ пользоваться всеми способами, прибѣгать даже къ догадкамъ, или тому, что въ Логикѣ и Физикѣ называется

обыкновенно предположеніемъ, только бы нѣсколько подвинувшись впередъ въ проясненіи, или разумѣніи природы. — Въ самомъ дѣлѣ не всѣ же догадки—ошибочны, и изъ многихъ догадокъ одна всегда можетъ подойти къ жизни природы ближе другой. Да и многія мысли, бывшія первоначально догадками, перешли въ послѣдствіи въ рядъ истинъ и оказались вѣрными взглядами на природу.

Призывать на помощь подобныя мысли при философскихъ изслѣдованіяхъ opinio не новость. Всѣ философскія рѣшенія первой задачи, въ первоначальномъ видѣ своемъ (многія и въ послѣдующемъ своемъ развитіи), суть не что иное, какъ только попытки объяснить загадочное существованіе вселенной,—суть догадки. Но сіи догадки не только не суть одна игра ума: напрошивъ того должны быть признаны необходимыми произведеніями творческой способности духа нашего и составляютъ, какъ въ послѣдствіи увѣримся, необходимый, единственный надежный для насъ способъ уразумѣть природу существаго. Черезъ нихъ только подвигается философское познаніе Природы впередъ; черезъ нихъ только возможны успѣхи самой Философіи.

Необходимость и исключительная умственность догадокъ въ Философїи, открывающаяся 1) изъ возвышенности предметовъ философскаго изслѣдованія, 2) изъ природы движенія, какое бываетъ въ нашихъ мысляхъ и 3) изъ того развитія умозрительныхъ взглядовъ, къ какому усиливается вознестись Философїя.

36. Мы сказали, что въ изысканіяхъ философскихъ позволено даже прибѣгать и къ догадкамъ, что и большая часть предсказанныхъ различными Философами рѣшеній первой задачи о жизни вселенной не инымъ чѣмъ должны быть почитаемы, какъ догадками, или предположеніями. Сія мысль можетъ быть или неправильно понята, или въ превратномъ видѣ предсказана. — Объяснимся.

По наслоящему положенію духа нашего, по закону, коему подлежатъ развитіе нашихъ силъ умственныхъ, первую очевидность имѣющъ для насъ ощущенія нашего тѣла и усмотрѣнія (Wahrnehmungen) предметовъ міра чувственнаго. То, что составляетъ основу сихъ предметовъ, что даетъ жизнь явле-

ніямъ, не открываеися въ нихъ чувствен-
нымъ взорамъ нашимъ съ пою же оче-
видностію. Не рѣдко самая необходимоспъ,
или поспребностъ сего высшаго какъ бы запе-
риваеися въ человѣческомъ сознаніи и открыва-
еися только при большемъ развитіи силъ
разумѣнія. Причина довольно близка и оче-
видна. — Мы не видимъ сей основы дѣй-
спвительнаго, какъ видимъ самыя явленія
природы. Только, одаренные особою силою
кромѣ силъ своего плѣа, и въ природѣ внѣш-
ней въ извѣспныхъ явленіяхъ подозрѣваемъ
дѣйспвованіе сокровенныхъ силъ. Теперь дѣй-
спвительностъ сихъ силъ утверждаеися для
насъ только на дѣйспвительности явленій,
кои мы почитаемъ опъ нихъ зависящими;
а самая природа, или внутреннее сущеспво
сихъ основъ все оспаюпся для насъ неопредѣ-
ленными и погда еще, когда мы довольно уже
видѣли явленій, ими производимыхъ. И вооб-
ще можно сказать:—по, что не подлежаптъ
поспигенію опыпному, всегда для насъ шем-
нѣе. Духовное, вышеопыпное для человѣка
всегда соспавляло и соспавляетъ первоначаль-
но предметъ чаянія (Ahnung).

37. Но на одномъ семъ чаяніи человѣкъ ни-

какъ остано­виться не можемъ. По влеченію своей разумности онъ рано или поздно всегда пожелаетъ возвыситься къ такому же ясно­му пред­ставленію сверхчувственнаго, какъ имѣетъ онъ о предметахъ чувственныхъ: задача важная, едва разрѣшимая, но тѣмъ не менѣе неразрѣльная съ характеромъ разумности.— Кто припомнитъ, что сверхчувственнаго не лзя подвести подъ взоръ чувственный, какъ мы дѣлаемъ се съ предметами вещественными: шопъ легко пойметъ, что разумъ здѣсь, если долженъ выдержать свой характеръ, долженъ необходимо прибѣгнуть къ какимъ нибудь особеннымъ приемамъ. Исторія развитія человѣческой разумности довольно показываетъ приемовъ, посредствомъ коихъ человекъ усиливается приблизить къ своему разумѣнію духовное. — Мы имѣемъ въ виду покушенія разума философскія: и онъ довольно, если не болѣе другихъ, достойны замѣчанія.

Въ самомъ дѣлѣ при помъ стремленіи къ полнотѣ и ясности познаній, которое споль естествен­но духу нашему, не могли съ одной стороны довольствоваться однимъ видимымъ, а съ другой безъ посредства сего видимаго проникнуть въ существо незримаго, умственна-

го, что дѣлаетъ умъ? Оспанавливаетъ взоры свои на видимомъ, испытываетъ его, сколько можно, основательнѣе, и собравъ съ него всевозможныя свѣдѣнія, спрашиваетъ себя: какова должна быть основа сихъ явленій, судя по дѣйствительному ихъ изложенію въ жизни? Опыты естественно выражаются въ извѣстной мысли, или представленіи о силѣ, производящей явленія, или о способѣ происхожденія сихъ явленій, — мысли, не взятой съ опыта, но тѣмъ не менѣе опирающейся на опытъ. Сія мысль въ первомъ своемъ образованіи будетъ имѣть видъ догадки, или предположенія, но въ послѣдствіи по сличеніи съ явленіями опытными можетъ перейти въ рядъ самыхъ истинъ.

Такимъ образомъ для изясненія извѣстной совокупности явленій, мы всегда придумываемъ болѣе или менѣе важное предположеніе. Такъ мы поступаемъ при изысканіяхъ физическихъ; не другимъ какимъ способомъ можемъ пользоваться при объясненіяхъ Природы философскихъ. Надъ частными предметами, когда нужно проникнуть ихъ природу, мы можемъ еще дѣлать наблюденія, опыты: онѣ предъ глазами, ихъ внутренняя

основа не можетъ, кажется, ускользнуть изъ подъ рукъ нашихъ. Но что можемъ мы употребить для проясненія образа бытія цѣлой вселенной, тамъ,—гдѣ оставляютъ насъ опыты и самыя наблюденія передъ объемомъ предмета спановляющагося ничтожны? — Здѣсь уже ничего намъ больше не остается, какъ предаться силѣ своего ума, полету и творчеству своего воображенія. Здѣсь уже мы должны долго только гадать, тогда какъ въ области опыта, во многихъ случаяхъ мы можемъ восходить до вѣдѣнія.

58. Но слово догадка, или предположеніе имѣетъ двѣ стороны; одну, подъ которою разумѣется темнота и неясность мысли; другую, подъ которою заключается ея произхожденіе для извѣстной цѣли, и измѣняемость въ значеніи по достиженіи сей цѣли. Говоря о предположеніяхъ философскихъ, мы имѣемъ въ виду и ту и другую сторону, и хотимъ теперь раскрыть исключительную умѣстность догадокъ, или предположеній въ Философіи, во всемъ ихъ значеніи.

Споимъ только приглядѣвшись ближе къ движенію нашего мышленія, чтобы увѣрились, что область, въ которую мы вступаемъ,

пускаясь въ философскія умозрѣнія, естъ область гаданій.—Извѣстно, что мы не всегда оспаемся неразвязными рабами Природы, то естъ, наша мыслипелная способность не всегда занимается проспымъ пріятіемъ или образованіемъ въ себѣ одного того, что даетъ намъ усмапривать природа; напротивъ, при пособіи *памяти, смысла и воображенія* опть однихъ представленій переходимъ мы къ другимъ; и, имѣя нѣкоторый запасъ полученныхъ усмопрѣній, или представленій начинаемъ и сами болѣе или менѣе свободно расширять съ ними кругъ своего знанія. Сіе расширение совершается посредспвомъ различныхъ пріемовъ и способовъ. Но вообще, *противоположность, соотвѣтственность и стройное согласіе* суть главные основанія, по которымъ мы опть одной мысли переходимъ къ другой. По противоположности на прим. мы утверждаемъ одно, расширяемъ свои представления увѣренностію въ неумѣстности или недѣйствительности другаго. Утвердивъ: естъ, мы разумѣемъ, что значипть нѣпть; — много — что значипть мало; — хорошо — что будетъ худо. — Равно и по соотвѣпствію опть явленія мы переходимъ мыслию къ *силлѣ*, опть

дѣйствія къ *пригнѣ*, опть положенія къ *цѣли* онаго. Но легко примѣшншь, что переходъ сего рода не имѣеть уже той досто- вѣрности, какъ прежде. Хотя и при пер- вомъ движеніи мыслей, мы можемъ ошибатъ- ся; но гораздо больше ошибаемся при выпо- ромъ. —

Еще меньше становится вѣроятность въ мысляхъ нашихъ, еще больше возрастаетъ въ нихъ темнота, когда среди *перелѣтнаго* мы догадываемся о *постоянномъ*; при видѣ *слу- чайнаго* пребуемъ *необходимаго*, и опть *дѣй- ствительнаго* возвышаемся до возможнаго, или *нормальнаго*. Здѣсь уже мысль, къ которой мы переходимъ, или которой пребуемъ, не есть простое отрицаніе того, что мы видѣли, или нашли въ другомъ понятіи; не есть одно по- ложеніе соотвѣствующаго первой споронъ: напротивъ есть усовершеніе перваго пред- ставленія, усовершеніе, для котораго во виѣн- ной природѣ мы не имѣемъ опредѣленнаго и достапочноѣшаго руководенна, кромѣ нѣхъ намѣковъ, кои содержатся въ самыхъ предме- сахъ, переводящихъ насъ къ мыслямъ возвы- шеннѣйшимъ. — Очевидно послѣ сего, что сіи мысли возвышеннѣйшія должны имѣть

для насъ извѣстную темную и неопредѣленность;— что обыкновенно и примѣчается надъ всѣми представленіями идеальными.

§9. Теперь, еслибы мы не могли дѣлать никакихъ повѣрокъ своимъ представленіямъ и чрезъ то переводить ихъ въ рядъ истинъ дѣйствительныхъ: мы должны были бы, или вовсе оставаться безъ истины, или всѣ представленія всегда и равно признавать истинными. — Но мы имѣемъ средство повѣрять свои представленія одинъ другимъ. И тамъ, гдѣ сія повѣрка совершена можетъ быть скорѣе, скорѣе открываешся намъ и истина; такъ на пр. при переходѣ по противоположности, часто и соотвѣпствію (см. § 38). Не такъ при переходѣ по спрройному согласію, гдѣ нужно уже совершенно достапочно знать скудные виды опытнаго, чтобъ по нимъ правильно образовать представленіе умозримельное. Здѣсь, поелику наше познаніе дѣйствительнаго, какъ руководства къ разумѣнію заопытнаго, въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ быть признано законченнымъ: еспественно и мысли высшія, созерцательныя долго, хотя не на всегда, могутъ оставаться въ видѣ темномъ, представляюща въ свѣтѣ загадоч-

номъ. — Нужно ли еще послѣ сего досказывать, что Философія, для полнаго развитія сознанія, возносясь до самыхъ крайнихъ предѣловъ мышленія, устремляясь къ закончанію опредѣленій въ нашихъ понятіяхъ, заходитъ чрезъ то по необходимости въ область догадочнаго?

40. Впрочемъ и въ послѣднемъ движеніи мыслей все еще доколѣ мысль совершаетъ одинъ переходъ на пр. отъ случайнаго къ безусловному; доколѣ совершивъ сей переходъ, довольствуется симъ однимъ успѣхомъ, *простыли требованіемъ* постояннаго, или нормальнаго, — и вътъ большой тѣмноты. Дѣйствительность условнаго не оставляетъ сомнѣнія въ необходимости безусловнаго. Еслибъ Философія могла остановиваться на одномъ семъ переходѣ, или пребываніи: ея выводы моглибы всегда имѣть значительный степенъ ясности.— Но въ живомъ стремленіи къ полному разумѣнію сущаго, она не можетъ довольствоваться сказаннымъ успѣхомъ. Усиливаясь же провести мысли умозраительныя до послѣднихъ ихъ предѣловъ, Философія необходимо и непримѣнно заходитъ въ область тѣмную. Ибо къ чему больше, какъ только къ одному гаданію, ос-

таешся прибѣгнуть, какъ скоро для завершенія нашихъ познаній умъ хочеть утвердить рѣшительную дѣйствительность и опредѣлить *самую природу* того безусловнаго, развити по постоянное, ясно высказать по нормальное, потребность которыхъ для него содѣлалась несомнѣнною? — Если уже для изясненія частныхъ объемовъ сущаго мы принуждены бываемъ прибѣгать къ предположеніямъ, или догадкамъ, такъ это бываетъ въ Физикѣ: по шѣмъ больше должны прибѣгнуть къ сему средству въ Метафизикѣ, когда хотимъ достапно объяснить загадочное бытіе цѣлаго міра. Жизнь цѣлаго міра составляетъ конечно загадку не меньше пайнаго произхожденія многихъ физическихъ явленій, подходящихъ къ извѣстному роду..

41. Къ припомнить, какія приготовленія нужны для того, чѣмъ составить основательное предположеніе и физическое: пошъ легко согласишя, что осторожность, съ какою должно составлять догадки метафизическія, должна быть усилена еще больше. Извѣстно, что самыя физическія предположенія, тогда только подходятъ ближе къ истинѣ, когда число былей, или опытовъ, по кошо-

рымъ онѣ составляюща, обширнѣе, и наблюдене оныхъ почтѣе, словомъ, когда самыя проясняемыя предположеніемъ явленія познаны многостороннѣе, совершеннѣе. Послѣ сего понятно, какія трудности должна встрѣчашь при составленіи предположеній Физика, или и Исторія. — Мысль, которую мы составляемъ себѣ съ опредѣленною цѣлю пролеглишь рядъ явленій, въ началѣ своего образованія не можетъ бытъ ясна; ясна конечно цѣль, для которой мы ее вымышляемъ, но не свѣтло еще въ душѣ обличіе, какое сама мысль должна принять, дабы стать во главу многообразной совокупности явленій, или событий. Сей видъ, который должна имѣть мысль, чинобъ служить для объясненія предполагаемаго, проясняется мало по малу въ умѣ нашемъ только стѣмъ, что мы, какъ художникъ, утвердивъ предположеніе, въ его первой необдѣланной основѣ, обдѣлываемъ мало по малу подь предметныя объясняемыя. — Хотя сію работу, геній умѣетъ сокращать, а талантъ выдерживать съ терпѣніемъ едва вѣроятнымъ: все впрочемъ только полное и вѣрное познаніе частныхъ явленій, по наблюдениямъ и соображеніямъ составленное, помогаетъ раз-

вишню правильного взгляда на основу сихъ явленій внушреннюю.

42. Такъ почно и въ Метифизикъ, нужно уже гораздо яснѣе уразумѣть природу условнаго, копорое служило для насъ переходомъ къ безусловному, чпобъ со всѣмъ убѣжденіемъ и со всею ясноспію разумнаго сознанія сказашъ: — есть Богъ; *такъ* дѣйствуешъ Онъ въ міръ, таково существо Его. — Конечно въ помъ случаѣ, когда бы образованіе и уясненіе мысли о природѣ Самосуцаго зависѣли опъ одного дѣйспвоанія умственнхъ силъ нашихъ, безъ опношенія сего дѣйспвоанія къ самоспояпельному быпу природы, можно было бы скорѣе закончить дѣлю образованія мысли, завершающей разумѣніе быпнаго: — все впрочемъ и въ семъ случаѣ, посліку никпо не можемъ похвалиться совершеннымъ развитіемъ силъ своего разумѣнія, постиженіе существа Верховнаго и Его опношенія къ міру долго могло бы оставашься скуднымъ. Но, какъ не лъзя не согласиться, чпо въ настоющемъ наспроеніи разумнхъ силъ нашихъ, уясненіе идеи существа Верховнаго опъ силъ не одного ума, а приготоваляешя и восполняешя познаніями явленій самаго суцаго,

въ кошоромъ Первосущее являеть свою силу: то еспешвенно, нужно уже имѣть предварительное познаніе природы внѣшней, и познаніе, сколько можно, правильнѣйшее, чпобъ вознесись до разумнїя того способа, какимъ проливается въ нее жизнь отъ Самосущаго. Такъ что чѣмъ совершеннѣе кругъ нашихъ мыслей и правильнѣе наше познаніе явленій природы: тѣмъ развитіе мысли о Первосущемъ будетъ совершеннѣе.

45. Послѣ сего споймъ только окнупись взоромъ всю совокупность нашихъ бѣдныхъ познаній, и сравнимъ съ нею объемъ цѣлой вселенной: и вся необъятность существа Верховнаго открывається сама собою, вся неспоспѣшность Его властвования въ природѣ представляється со всею ясностію. Нѣтъ нужды разяснять, что мысль о Самосущемъ сопоставляется для проясненія жизни вселенной во всѣхъ возможныхъ отношенїяхъ. Для подобной цѣли, мысль сія должна бы бытъ образована также во всѣхъ возможныхъ отношенїяхъ, и слѣдственно нужно было бы напередъ уразумѣть все отношенія самой природы, чпобы понять развитіе эту высокую идею. — Но теперь спрашивается: кто изъ смертныхъ

могъ когда похвалишься подобнымъ познаніемъ и внѣшней спороны природы?—Познаніе всѣхъ часпностей сущаго для духа конечнаго еспъ дѣло безконечное. Если же яснымъ разумніемъ и часпныхъ явленій природы ни-кто похвалишься не можеть: по шѣмъ болѣе выпренія мысли, соспавленныя силою ума нашего о такихъ предметахъ, каковы: опношеніе Божеспва къ міру; внушрешняя природа сего Верховнаго сущеспва, и вообще всѣ предметы горніе,—должны бышь опнесены къ числу предспавленій темныхъ, надолго оспавались въ ряду однѣхъ догадокъ, пока большее уясненіе всего нашего сознанія не переведеть ихъ, или въ рядъ чиспыхъ испинъ, или явныхъ заблужденій. сл. § 48.

Переходъ догадокъ философскихъ въ рядъ дѣйствительныхъ испинъ.

44. Можно уже видѣшь послѣ сего, что, счишая умозришельныя поясненія природы въ первомъ ихъ видѣ догадками, мы не ушверждаемъ, чпобы сіи гаданія — были одна роскошь нашего воображенія и вовсе не могли бышь испинами. — Жалкое соспояніе было бы соспояніе челоувѣка, еслибы при шомъ сильномъ спремленіи къ законченному вѣдѣ-

нію онъ осужденъ былъ довольствоваться одними догадками. Напророчивъ, и опыты подтверждаетъ, и въ предъидущемъ изложеніи можно было видѣть, что сіи умозрѣнія могутъ переходить въ рядъ истинъ достовѣрныхъ. Переходъ сей, споль обыкновенный въ догадкахъ физическихъ, совершенно еспешивенъ и въ догадкахъ метафизическихъ. —

Если основательна ша мысль, что духъ нашъ получилъ такое настроеніе, по которому можетъ вѣрно воспроизводить въ себѣ виды природы, и по своимъ понятіямъ удачно дѣйствовать на предметы его окружающіе:— то еспешивенно въ умѣ нашемъ не можетъ не быть нѣкотораго предрасположенія къ правильному взгляду на вселенную. И сіе одно заставляетъ уже въ гаданіяхъ, къ коимъ мы невольно прибѣгаемъ, или переходимъ, подозревать нѣчто вѣрное. Но вѣрность сихъ гаданій не на одномъ семъ общемъ основаніи опирается. По одному сему основанію всякое гаданіе можетъ только объявлять принязанія на вѣрность и не должно быть опровергаемо безъ оспорожнаго изслѣдованія.

Вѣрность предположеній, или догадокъ умозрительныхъ опирается окончательнымъ обра-

зомъ на ихъ *согласіи съ опытомъ*, на ихъ полной достаточности къ объясненію тѣхъ явленій, для проясненія коихъ онѣ придуманы. — На основаніи сего согласія, какъ многіе физическіе взгляды, бывшіе сначала одними догадками, признаны въ послѣдствіи истинами: такъ и нѣкоторыя философскія созерцательныя мысли могутъ перейти въ рядъ истинъ вполне достовѣрныхъ. сл. § 59.

45. Извѣстно, какъ утверждается истинность предположеній физическихъ. Ихъ вѣрность тогда только становится для насъ несомнѣнною, когда 1) онѣ легко, безъ натяжки, безъ новыхъ предположеній объясняютъ все видоизмѣненіе извѣстной совокупности событий; 2) когда къ сему объясненію оказываются недостаточными, или не столько достаточными, все другія предположенія, для той же цѣли придуманныя; и 3) когда наконецъ намъ извѣстны будутъ все проявленія, долженствующія происходить отъ силы предполагаемой, или все событія, какія должны оказываться при извѣстномъ условіи. Всякое предположеніе, всякая высшая мысль, придуманная для проясненія извѣстной совокупности явленій, сей часъ перестаетъ быть предпо-

ложеніемъ и дѣлается для насъ несомнѣнною истиною, коль скоро она удовлетворяетъ всѣмъ симъ требованіямъ. — Можно смѣло сказать: многое, что теперь въ Физикѣ излагается въ видѣ рѣшительной истины, въ первоначальномъ видѣ своемъ было не что иное, какъ только предположеніе. Какой либо взглядъ на причины и происхожденіе извѣстныхъ явленій, сначала составлялъ только догадку геніальнаго наблюдателя природы; въ послѣдствіи, подтвердившись многими опытами сего же наблюдателя, или и другихъ, и оказавшись согласнымъ съ другими явленіями, перешелъ въ рядъ истинъ. Къ числу такихъ истинъ принадлежатъ, на пр. давленіе воздуха, обращеніе земли вокругъ солнца, единство трехъ главныхъ физическихъ движителей (agens), подтверждающееся новѣйшими открытіями Фарадея и проч. Кто теперь изъ образованныхъ людей смогнетъ болѣе на сіи дѣйствительныя физическія истины съ такою недоувѣрчивостію, съ какою обыкновенно принимаютъ, и слѣдуютъ принимать какія нибудь предположенія? —

46. Точно тоже самое возвышеніе въ рядъ истинъ, какимъ оканчивается жизнь предпо-

ложеній физическихъ, совершилось и можетъ совершиться и съ нѣкоторыми предположеніями философскими.

Говоримъ: съ нѣкоторыми предположеніями, потому что не все и физическія предположенія оправдались; и архивы физическихъ изслѣдованій богаты догадками, преданными забвенію, и непоминающимися болѣе при усовершенствованномъ состояніи науки. Тѣмъ болѣе сіе можетъ и должно быть въ изысканіяхъ философскихъ: потому что въ Метафизикѣ и легче и естественнѣе удались отъ дѣйствительной жизни природы, нежели въ Физикѣ. Сколько въ опытахъ физическихъ въ образованіи предположеній руководить, кажется, человека сама природа; сколько здѣсь ему часто легко возстановить прошедшія явленія, и заславить природу снова начать процессъ своихъ измѣненій; сколько въ умозрѣніяхъ метафизическихъ человекъ предоставляется самъ себѣ; намѣки, какіе даетъ природа, спановятся здѣсь слабѣе; она оставляетъ насъ, едва проведя половину пути къ ея разумѣнію. Оставленный на половинѣ пути съ естественнымъ спремленіемъ вдаль, человекъ по необходимости предается уже

водительству ума: но сіе водительство не всегда направляеть насъ по пупи, указанному природою. Часто умъ, не успѣвъ довольно возвыситься, чптобъ сосравнить вѣрный взглядъ на всю Природу, прилагаетъ предсавленія, схваченныя скороспѣшно съ явленій частныхъ, ко всей массѣ сущаго. Естественено, что плодъ такаго приложенія—одно не вѣрное разумнїе природы;—догадки такаго рода всегда останутся въ ряду полунспшнѣ.

47. Теперь, хопя людямъ, настроеннымъ къ созерцательности и можетъ показаться, что Природа своею внѣшней оболочкою только задерживаетъ мысль въ ея смрщенїи къ горнему, высшопышному; что въ Менафизикѣ, какъ нѣтъ подобной задержки, мысль можетъ дѣйствовать свободно, постиганіе истину легче. Но, чптобъ вполне оцѣнить подобное мнѣнїе, спонтъ только припомнимъ, что мысль наша въ разумнїи природы безъ всякаго ея руководства не только не обходится, но и обойтись не можетъ (ибо и сама развиваетъ свои силы, только пробуждаясь дѣйствїемъ Природы); что даге уносящая задержка не столько должна бытъ почитаема опановкою, сколько поучительнымъ

намѣкомъ , не слишкомъ поспѣшно высвобождапья изъ подъ необходимаго и всегда нужнаго руководства матери— Природы. Конечно, если бы наши представленія не имѣли цѣлю проясненія сущаго *внѣ насъ* : собственное шворчество могло бы, какъ мы и прежде уже замѣтили, созидать произведенія совершенныя. Не лзя имѣть шакихъ успѣховъ быспрыхъ и высокыхъ, когда закономъ для Философїи поспавляется (какъ и должно бытъ поспановлено) близость въ опредѣленїяхъ съ самою природою. — Въ семъ случаѣ только уже болѣе обширное и правильное разумѣнїе частныхъ явленїй и различныхъ спорныхъ природы должно руководить насъ къ вѣрнѣйшей догадкѣ о внутренней ся жизни. Такимъ образомъ, хотя при составленїи предположенїй философскихъ не требуется шѣхъ мѣлкихъ, опривочныхъ опытовъ надъ явленїями природы : за то объемы, въ какихъ берется природа, и на какіе простирается предположенїе, гораздо обширнѣе, — и зависимо отъ сей удаленности отъ былеваго (слагающагося изъ фактовъ) и *слѣлостъ*, съ какою догадки могутъ бытъ предлагаемы и обсуживаемы, должна бытъ умѣряема, какъ можно больше. — Самое довѣрїе

къ уму можетъ иногда переходить свои границы.

48. При всемъ впрочемъ видимомъ раздѣленіи съ опытомъ (ср. § 46), умъ человѣческій успѣлъ высказать нѣсколько важныхъ мыслей, которыя имѣютъ право на полное наше довѣріе, и могутъ быть считаемы полными истинами. И общій уже смыслъ принимаетъ и употребляетъ многія мысли въ семъ достоинствѣ: и философское изслѣдованіе можетъ нѣкоторымъ изъ нихъ усвоить всю ихъ значимость. — Обратимся ли къ опыту, онъ дѣйствительно подтверждаетъ, что нѣкоторыя мысли, которыя по правильному исползованію природы нашего разумѣнія, первоначально должны имѣть видъ однихъ догадокъ, въ обществѣ употребляются совершенно въ видъ истинъ. Такова на пр. увѣренность въ безсмертіи человѣка. — Что бы ни дали никакой вѣсъ и значимость представленіямъ сего рода: съ ними совершилось позже самое, что совершилось съ тѣми физическими предположеніями, о которыхъ мы выше упомянули, т. е. первый ихъ видъ забыть. — Вникая ближе въ кругъ созерцательныхъ представленій, находящихся въ ходу въ образованномъ обществѣ,

и усвоенныхъ общимъ смысломъ, легко можно опличить довольно умозрительныхъ мыслей, которыя потеряли уже видъ предположеній, или догадокъ. Общій смыслъ употребляесть уже ихъ въ видѣ испинь, — впрочемъ не по тому, чѣмъ люди съ яснымъ сознаниемъ были убѣждены въ ихъ вѣрности, а окончательнымъ образомъ по той необходимости (и, надобно сказать, для общаго смысла довольно оцупимой), что во многихъ случаяхъ человѣкъ долженъ былъ бы безъ нихъ потеряться; по тому, прибавимъ даѣе, что со многими изъ нихъ мы знакомы уже по вѣрѣ, что опъ поспояннаго повпоренія, опъ ежедневнаго употребленія онѣ потеряли для насъ свою неясность.

49. Какъ долженъ обращаться съ мыслями сего рода *Философъ*? Вопросъ сей можесть имѣть значеніе пракпическое, устранимъ его до времени. — Предварительнo можемъ сказать, что не въ такомъ конечно видѣ могутъ умозрительныя мысли, и освященныя уже общимъ довѣремъ, являться предъ наукою, когда она предпринимаесть опдѣлишь непременно вѣрное опъ догадочнаго только; когда она хочеть получить истину во всей ея чиспотѣ и пережечь имѣющіеся въ ходу матеріалы;

чтобъ получить изъ нихъ чистое золото. Философъ не можетъ принимать сіи мысли въ иномъ видѣ, въ какомъ необразованный въ мышленіи принимаетъ оныя простымъ вѣрованіемъ.—Онѣ должны предстать предъ нимъ во всей чистотѣ ихъ происхожденія. Но сіе не мѣшаетъ имъ въ и въ глазахъ Философа также стоять въ рядѣ истинъ, какъ онѣ поставлены въ число оныхъ общимъ употребленіемъ.

50. Не испреблаетъ же истины — цѣль Философовъ, но отыскивать, очищать оныя. — Какъ изыскаемъ природы можетъ вопорять снова пѣже опыты, на основаніи коихъ принято давленіе воздуха, и можетъ искать новыхъ доказательствъ на сіе явленіе природы, не дѣлая симъ насилія самой истинѣ и общей въ ней увѣренности: такъ и Философъ можетъ разбирать основанія, по коимъ извѣстныя умозрѣнія выданы, или признаны за истинныя и доискиваться новыхъ доказательствъ на сіи умозрѣнія, не ослабля чрезъ то самой ихъ истины. Дѣйствіемъ своимъ только возвращаетъ онъ, какъ Химикъ, въ первобытное состояніе многое такое, что давно вышло изъ онаго и едва носило слѣды своего происхожденія. — И не лзя основательно

бояться, чтобъ симъ способомъ Философъ какъ бы лишалъ истину опоръ ея. Напрощивъ онъ прискиваетъ для ней сіи опоры.

Философъ ищетъ убѣжденія въ истинѣ уясненнаго, основательнаго. Для него слишкомъ дорога истина, чтобъ онъ смалъ опвергать ее безъ соображенія. Тогда, какъ недовольно образованный гошовъ признавалъ истинною всякую мысль, высказанную съ какимъ либо авторитетомъ, довольствуется объясненіями жизни природы самыми смѣшными и неудовлетворительными: Философъ хочетъ всякой мысли усвоить приличное достоинство, и изъясненія жизни вселенной признаетъ достоверными только такія, кои выдерживаютъ строгое испытаніе ума разборчиваго, и даже недобрчиваго. Только желая разлить на истину новый свѣтъ, Философъ изыскиваетъ отношенія извѣснаго сужденія къ другимъ мыслямъ, доказательства, на коихъ оно опирается, мысли, вѣрность коихъ въ немъ предполагается. Если такимъ образомъ для него спановится задачей многое такое, въ чемъ смыслъ обыкновенный никогда не сомнѣвался; если такимъ образомъ многія мысли, кои обыкновенный смыслъ принимаетъ со всѣмъ убѣж-

деніемъ, въ гпазахъ его шеряющъ видъ аподик-
тической вѣрности: по только на время, доко-
лѣ не докажутъ ему своихъ правъ на довѣріе.

51. Философъ, не какъ врагъ истины, но
какъ поборникъ чистоты и швердости ея,
нисходитъ до послѣднихъ основаній нашего
разумѣнія, слѣдитъ за мыслями высшими отъ
самаго ихъ темнаго произхожденія до яснаго
изложенія въ сисгемахъ, усиливается самъ
предспавивъ оныя въ развитіи болѣе пра-
вильномъ. Не отдавая прежде времени пре-
имущества ни одному мнѣнію, онъ соображаетъ
достоинство всѣхъ мыслей, созданныхъ въ
родѣ человѣческомъ силою воображенія для изъ-
ясненія жизни сущаго, разбираетъ простоту,
или сложность, необходимость и естествен-
ность каждой и отношеніе къ событіямъ.
Такъ обр. возобновляя въ себѣ со всею недоувѣр-
чивостію переходъ высшихъ мыслей отъ
зыбкаго чаянія до живаго убѣжденія, Фило-
софъ болѣе или менѣе всегда можетъ, скажемъ
даже, долженъ узнать: какое достоинство мо-
жетъ быть усвоено каждой умозрительной
мысли по всей справедливости.

Такимъ образомъ можетъ случиться, какъ
не рѣдко и бываетъ, что Философъ долженъ

будешь признашь несомнѣнно вѣрною ту же самую мысль, которая первоначально имѣла только видъ предположительный; — и признаешь ее съ сознаниемъ уясненнымъ, съ убѣжденіемъ раскрытымъ. Такимъ образомъ даже догадка въ умѣ и простаго и размышляющаго можетъ переходить въ рядъ истинъ. Ибо Философъ находитъ, что при извѣстныхъ условіяхъ и отдаленныя догадочныя мысли должны быть признаны столько же вѣрными, какъ и другія живыя убѣжденія нашего сознанія.

Способъ упомянутаго перехода предположений философскихъ въ рядъ истинъ.

52) Достаточныя основанія для сего признанія, или условія онаго, какъ мы сказали предъ симъ, Философъ находитъ въ сличеніи мыслей дѣйствительно предположительныхъ, или поставленныхъ до времени въ рядъ предположеній — съ бытомъ дѣйствительнымъ. Въ самомъ дѣлѣ для чего возводимъ мы до тѣхъ надопытныхъ представлений при разсмотрѣніи жизни вселенной, если не для того же, для чего обыкновенно составляемъ всѣ предположенія въ Физикѣ? п. е. для объясненія

природы, какъ извѣстной совокупности явленій (сл. § 40 и 41). Для сей цѣли мы ищемъ законы событій, въ ней совершающихся и добираемся до правильнаго понятія о силахъ, въ ней дѣйствующихъ, о жизни, по ней разликой. Теперь по сему единству цѣли, къ которой мы спремимся въ изслѣдованіяхъ того и другаго рода, по одинаковости пріемовъ, кои мы употребляемъ для достиженія сей цѣли, и способъ повѣрки нашего успѣха можемъ быть усвоенъ пошъ же: — *сличеніе догадокъ умозрительныхъ съ бытовыми дѣйствительными*. Признавъ какую либо мысль за вѣрную безъ сего сличенія, съ доспапочною осомпнительностію сдѣланнаго, значило бы ипши прошивъ собственной задачи: прояснишь свое сознаніе,—задачи, которую Философъ необходимо тайно или явно поставляетъ для себя при началѣ своихъ изслѣдованій. —

55. Сближеніе разнородныхъ, или однородныхъ мыслей всегда больше или меньше служипъ къ ихъ проясненію. Самое темное и непонятное скоро проясняется въ умѣ нашемъ сближеніемъ съ шѣмъ, что очевидно. И вообще можно сказать: всѣ мысли, обыкновенно не только проясняются, но и подтверждают-

ся сближеніемъ, какъ бы соприкосновеніемъ одной съ другою; — разносѣть только въ томъ, что соприкосновеніе это бываетъ въ одномъ случаѣ пѣсенѣ, въ другомъ опдаленнѣ. Въ одномъ случаѣ извѣстное представленіе, или событіе совершенно *поставляется въ объемъ* мысли высшей, какъ бы заключаея въ нее; въ другомъ двѣ мысли *сопоставляются одна съ другою*, чтобы судить, можно ли принять одну при дѣйствительности другой; сполнѣ ли онѣ совмѣстно. Всѣ мысли подчиненныя, стояція въ ряду другихъ истинъ, проявляющіяся первымъ образомъ, какъ можно видѣть въ логическомъ ученіи о силлогизмахъ (*). Но мысли высшія, кои придумываются для объясненія обширнаго ряда событий, не иначе могутъ быть прояснены, какъ однимъ сопоставленіемъ съ извѣстнымъ рядомъ явленій — для сличенія предполагаемаго съ дѣйствительно извѣстнымъ.

54. Высшія философскія мысли, придумываемыя для объясненія извѣстныхъ обширныхъ

(*) Въ *Урокахъ Логикѣ*, кои также надѣюсь со временемъ выдать, сіе назначеніе и образованіе силлогизмовъ я старался изложить яснѣе, нежели какъ находилъ въ обыкновенныхъ Логикахъ. *Пр. Сов.*

объемовъ событій, не иначе могутъ быть прояснены и подтверждены, какъ симъ послѣднимъ способомъ. — Сіе совершается такимъ образомъ, что, сопоставленная въ умозрѣніи мысль сопоставляется въ соотвѣстственность съ самымъ бытомъ дѣйствительнымъ, и спрашивается: спрого ли соотвѣстствуетъ мысль философская быту дѣйствительному. Изыскивается, все ли въ быту дѣйствительномъ такъ и спонитъ и живетъ, какъ должно стоять и жить, еслибы онъ дѣйствительно былъ приспособленъ по идеи придуманной; переводитъ ли и легко ли еще переводитъ мысль созданная ко всемъ тѣмъ событіямъ и явленіямъ, какія мы знаемъ въ дѣйствительности въ извѣстной совокупности феноменовъ? — Разногласіе вида, какой принимаетъ дѣйствительность, покоровшись дѣйствию идеи придуманной, съ тѣмъ видомъ, какой она имѣетъ, живя подъ дѣйствіемъ своихъ идей, есть вѣрный и рѣшительный признакъ, что идея, нами образованная не созрѣла до той идеи, которая ожидается и проникаетъ природу.

Такое сличеніе, есть единственный возможный и въ тоже время совершенно надеж-

ный и вѣрный способъ повѣрки нашихъ умозрѣній. — Правда въ семь сличеніи берущая шѣже мысли, сопоставляющіяся съ шѣмиже явленіями, какія и первоначально переводими къ представленіямъ созерцательнымъ: но вмѣстѣ приводить и новый элементъ: болѣе основательное познаніе дѣйствительнаго съ оптимизмомъ въ умственной работѣ, съ недѣлчивостію къ порывамъ своего воображенія. Съ сими предосторожностями дорогъ и одинъ новый пересмотръ. — Но открывающееся при семъ сличеніи согласіе предусматриваемаго гаданіемъ съ самою дѣйствительностію такъ сильно дѣйствуетъ на умъ нашъ, что заставляетъ гадаемое доселѣ приниматься за истинную дѣйствительную. — Сей способъ повѣрки умозрѣній тайно, или явно допускали всѣ Философы. Ибо всѣ Философы всегда старались прилагать свое ученіе къ жизни и приводить въ согласіе съ бытомъ дѣйствительнымъ. И вліяніе всякой Философіи по толику тольکو возрасало и усиливалось, поколику она, скажемъ такъ, хорошо умѣла укладываться въ рамки дѣйствительнаго, или искусно покарять оное своей формѣ. —

*Совершенство въдѣнія доступное для
Философiи; незакончаемость ея изыс-
канiй, и достижимость истины для
Философа.*

55. Изъ того, что мы сказали о необходи-
мости догадокъ въ Философiи и объ ихъ пе-
реходѣ въ рядъ испинъ, можно довольно ясно
видѣть и доступную для насъ степень ис-
пины въ Философiи, или, можно судить и о
совершенствѣ, къ какому мы можемъ восхо-
дить въ дѣлѣ разумнiя природы. — Именно,
хотя наши умственныя взгляды на жизнь
вселенной должны быть счтваемы предпо-
ложенiями: но они не всегда могутъ оставать-
ся при одномъ семъ неопредѣленномъ значе-
нiи. Сличая ихъ съ бытомъ дѣйствительнымъ,
мы всегда наконецъ принуждены бываемъ
признать ихъ, или правильными взглядами на
природу, или суешными вымыслами своего
воображенiя. Так. обр. для изыскателей Фи-
лософовъ представляется полная возможность
приблизиться къ испинѣ, предметно раз-
смащиваемой: — только сію возможность
не должно превращать, какъ бываетъ нерѣд-
ко въ ясное умственное созерцаніе. Указанны-

ми приёмами мы никогда не въ состояніи будемъ завершить дѣло своего познанія, вознесись до вѣдѣнія въ спрогомъ смыслѣ созерцательнаго. Наши изысканія по дѣлу разумѣнія природы никогда не могутъ быть закончены: хотя многое истинное можетъ быть нами познано и давно уже Философами прояснялся.

56. Въ самомъ дѣлѣ, казалось бы, что упомянутымъ способомъ человѣкъ могъ вполне уразумѣвать истину, завершать дѣло своего познанія. Но не такъ находишь по спрогомъ разсмотрѣніи. Того завершенія можно было бы по всемъ соображеніямъ ожидать тогда только, когда бы мы съ перваго раза могли обрѣсти мысль вѣрную, достаточно проясляющую суще, или ясно и живо усмотрѣть жизнь природы, и больше не имѣли нужды спремиться къ вышшему развитію своего знанія. Сличивъ сію мысль съ бытіемъ дѣйствительнымъ, и увѣрившись чрезъ сіе въ ея истинѣ, — мы бы спокойно пошли въ жизнь съ ея сознаніемъ. Не такъ на опытѣ. — Уже по одно, что человѣкъ не вдругъ попадаетъ на сію мысль вполне вѣрную, не вдругъ узнаетъ мѣру, въ какой мысли и сужденія должны быть утверждаемы; — спавитъ насъ на

разспояніе опть истины очень немаловажное, разспояніе, которое сама Философія не въ силахъ уничтожить, а развѣ только сократить. Нѣкоторая неясность границъ, какія человѣкъ долженъ положить своимъ изслѣдованіямъ, еще больше раздѣляетъ насъ съ надеждою полного, всеобщаго согласія на истинность извѣстныхъ мыслей. Извѣстно, какъ люди доврчивы къ самимъ себѣ, какъ упорны въ мысляхъ, ими созданныхъ, но ихъ же и увлекшихъ. Не рѣдко сами Философы, создавъ мысль умозрительную, и полнымъ проведеніемъ оной поставляясь въ пропиво-рѣчіе съ бытомъ дѣйствительнымъ, скорѣе согласны бываютъ подвергаться сомнѣнію вѣрности обыкновеннаго и общаго нашего сознанія, нежели разсаяться съ упругими мыслями, произведеніемъ ихъ живой фантазіи. — И на сіе еще жаловаться не будемъ. Въ полѣ умозрній, или изысканій должны быть терпимы до жапы и плевелы (вѣроятно и безъ нихъ обойтись не возможно); только бы частный взглядъ или поступокъ въ дѣлѣ общемъ не имѣлъ большаго, прямо разрушительнаго дѣйствія.

Укажемъ на другое обстоятельство, которое должно примирить съ естественною Философамъ кропотливостію—людей скорыхъ на все, хвальныхъ полнымъ разумніемъ истины. Это нѣкотораго рода *незаконнасть* умозрительныхъ изысканій при всѣхъ успѣхахъ, какіе могутъ дѣлать и дѣлаютъ Философы въ открытіи и проясненіи истины.—Въ томъ сближеніи философскихъ догадокъ съ дѣйствительнымъ, о коемъ мы предъ симъ говорили, не льзя конечно не открытъ, что предположенною мыслию вполне и достаточно объясняется, и что остается еще безъ проясненія. Изъ предыдущаго можно было видѣть и то, что чѣмъ больше и легче событія, или явленія объясняются придуманною мыслию, тѣмъ больше возрастаетъ ея достоверность. — Но здѣсь-то и завязывается узелъ изысканій снова. Легко усмотрѣть, что для полноты и строгости въ сличеніи предположенія съ дѣйствительнымъ требовалось бы, чтобъ рядъ дѣйствительныхъ событій, объясняемыхъ составленною мыслию былъ законченъ; — тогда цѣлостію былеваго (*thatsächliche*) способствовало бы совершеннѣйшему образованію мы-

сли объяснительной и самое сличеніе сей мысли могло бы быть дѣломъ рѣшительно завершеннымъ. Но кто не знаетъ, что на опытъ сей рядъ событий дѣйствительныхъ, для проясненія коихъ придумывается первая мысль философская, ни въ какое время не заканчивается и долго еще, вѣроятно, на закончится? Понятно, что за симъ и вѣрность придуманной мысли не можетъ быть окончательнымъ образомъ, просто на опытъ, доказана;—и что слѣдоваш. судя строго, — для человѣка дѣло подобнаго сличенія незакончаемо, и вмѣстѣ съ тѣмъ и полная истина недоступна.

57. Теперь, хотя, не могли жить безъ истины, и для ея полученія дожидаться полного, законченнаго наведенія (*inductio*), мы и пользуемся тѣмъ, что доставляютъ намъ наши ограниченныя способности, и усвоаемъ, какъ непреложную истину то, что наиболѣе имѣетъ на своей сторонѣ вѣроятности: но симъ способомъ усвоается только истина, а не заканчивается ея повѣрка. Правда, что не рѣдко мы угадываемъ истину и безъ полного наведенія; правда, что число фактовъ для объясненія жизни міра, какое мы имѣемъ, довольно уже значительно въ срав-

неніи съ шѣмъ числомъ, какое нужно было бы для испроверженія предположенія, нами придумываемаго по шеперешнему ходу развитія вселенной: все однакожъ подпвержденіе истины споль же рѣское нами здѣсь не совершается, какъ оно совершается въ доказательстввахъ логически спрогихъ (*).

Согласимся даже, что догадки, подпвердившія шеперь свою вѣрность, и въ слѣдующемъ развитіи вселенной будутъ только больше и больше подпверждать оную. — Уступимъ, что истинность мысли не зависить собственно отъ большаго или меньшаго числа фактовъ, ее подпверждающихъ, а зависить отъ сего только наше убѣжденіе въ оной; и что слѣдовап. мысль предполагаемая можетъ безошибочно признана быть истинною и при маломъ числѣ фактовъ, что наконецъ наши надежды догадками уразумѣть жизнь вселенной, совершенно основательны: все спрогоспіе мышленія шребуеть — не вдругъ выдавать свои философскія умозрѣнія за истины непреложныя, и свои выпреннія рѣше-

(*) Какимъ образомъ истины высшія, и не вполне доказанныя, мы можемъ принимать со всѣмъ убѣжденіемъ, увидимъ ниже.

нія долго ёще считаць догадкамі.—Онъ неизбѣжны; скажемъ даже, нѣкоторыя изъ нихъ истинны, пошому что удерживають за собою поле сраженія послѣ длинной борьбы съ другими догадкамі подобнаго произхожденія: но истинны вполнѣ только для тѣхъ, кои не знаютъ всѣхъ требованій спрогой науки; а дѣло Философа безпрестанно прояснятъ ихъ истинность. Онъ знаетъ, какъ часно ошибаемся мы въ самыхъ ясныхъ и очевидныхъ по видимому случаяхъ. Ему не безызвѣстно, какъ нужно бытъ медлену на заключенія въ изысканіяхъ учебныхъ; какъ въ повѣркѣ извѣснаго предположенія можно, и послѣ оказавшейся доспапочности онаго, онасапья, не возникнетъ ли еще предположеніе новое столь же доспапочное; и—видимое согласіе предположенія повѣреннаго съ дѣйснвительностію не естьли плодъ неправильнаго взгляда на самое дѣйснвительное?

Конечно, еслибы познанія человѣческія не росли поспоянно, или бы вдругъ переспапали усовершанья: то всякій изъ насъ, поснавленнѣй, или оспапавившисъ на извѣснпй спепенн вѣдѣнн, на всегда оспапая бы на онай, не зналъ бы, или забылъ бы пошреб-

носишь изслѣдованія, не могъ бы спрашивать самаго себя объ основаніяхъ извѣснаго убѣжденія: тогда цѣль Философіи была бы подъ рукою, испинное въ гошпови. Но человекъ находилса въ сосполянн движенія; его способности въ сосполянн развитія; зависимо опъ сего развитія и вмѣспъ съ нимъ возрастаепъ и спремленіе къ болъшей точности въ мысляхъ, къ болъшей ясности, вѣднія. Поднимаясь и одною ступенью выше въ своемъ умспвенномъ развитіи, человекъ дѣлаепъ уже новые вопросы, видипъ опкрытымъ предъ собою новое и всегда обширнѣйшее поле изслѣдованія. Не рѣдко упомянный своими изысканіями, онъ гошовъ бы былъ закончить оныя: но спойпъ только освѣжипсья покоемъ силамъ его; и снова оживепъ его бодрость. Даже дѣяшельность разумная, съ упадкомъ силъ ослабѣвшая въ одномъ изъ насъ, пробуждаепса, какъ бы воскресаетъ съ новою свѣжеспію въ другомъ недѣлимомъ. Такимъ образомъ племя Философовъ и каждый Философъ въ частности, супъ какъ бы невольные мученики человеческой жажды испинаго. Для нихъ *какъ бы нтъ* испины: ибо они заняпы однимъ и непре-

рывнымъ опыканіемъ оной (сею истиною за шо пользуются другіе). Философъ—первый предусомтрѣлъ истину, уразумѣлъ ее; но онъ не наслаждается ся сознаниемъ, занятый подтвержденіемъ и проясненіемъ оной, умѣщеніемъ ся въ ряду мыслей, сочепаніемъ ея съ другими, безконечнымъ ся развитіемъ.

58. Впрочемъ на сіе соспояніе непрерывнаго исканія онъ не навѣки осужденъ своимъ геніемъ; бывають и для него минуты отдыха, когда изъ своей высиренней сферы опускается онъ въ бытъ житейскій. Здѣсь онъ не можешь уже слѣдовать своей непрерывной пореваемости къ большій, идеальной ясности разумѣнія. Недоспнжимый для него идеаль истиннаго здѣсь уже всегда, шайно или явно предполагается достигнутымъ; самъ уже даешь здѣсь жизнь и силу многимъ проявленіемъ души нашей. Поставляясь природою въ необходимости дѣйствовать, люди не могутъ сдѣлать шага, не предполагая шого идеала по крайней мѣрѣ доспнжимымъ. Да и благороднѣйшія лица рода нашего слишкомъ твердо высказали въ словахъ и дѣлахъ своихъ увѣренность свою въ горнихъ нешннгахъ, что-бы могли усомниться въ нихъ нижшіе, не

столь щедро надѣленные дарами природы, и пошому самому предоспавленные водипельспву другихъ. — Вспунивъ такимъ образомъ въ ликъ непрудившихся, но вошедшихъ въ чужой прудъ, обладапелей истины, Философъ раздѣляетъ и общую всѣмъ вѣру въ извѣспныя, болѣе или менѣе высокія и вѣрныя истины,—до новаго опредѣленія своего въ горнія выси умозрѣнія.—Вообще въ Философѣ для правнльнаго объ немъ суда должно оппичипъ челоуѣка и изыскапеля. Какъ изыскапель, онъ всегда будептъ занятъ безкончнымъ дѣломъ развитія истины, бѣльшимъ и бѣльшимъ проясненіемъ понятій о природѣ; какъ челоуѣкъ, онъ всегда усвоиптъ извѣспныя предспавленія общія, какъ непреложныя.

59. И не симъ еще однимъ способомъ *достигаепся* истинное; можемъ мы по довѣрїю приниматъ нѣчто за истинное: но можемъ доходить до истиннаго и изслѣдованіемъ всеообразипельнымъ. Не пускаясь въ подптвержденіе сей истины, принадлежащее Гносеологїи, мы на почкѣ зрѣнія общаго смысла можемъ смѣло сказатъ, что какъ всѣ люди въ своихъ мысляхъ о дѣйспвіяхъ и явленїяхъ природы успѣвающъ соспавиптъ предспавле-

нія довольно вѣрныя: такъ и Философъ, не можетъ въ своихъ объясненіяхъ сущаго не попадать на идеи правильныя. Нельзя предсказать себѣ; никакой скептицизмъ не успѣетъ убѣдить, или основательно доказать, чтобы все наши умозрѣнія, особенно правильно составляемые подъ руководствомъ опыта, были одинъ обманъ. Ту вѣру и вѣру справедливую, что наши мысли иногда близко выражаютъ бытъ природы, долженъ раздѣлить и Философъ съ тою только разностию, что онъ, больше упражнялся въ мышленіи, и имѣвъ случай больше примѣчать уклоненія нашихъ понятій отъ природы, меньше можетъ довѣрять себѣ. Но, — большія объявляя преобладанія на вѣрность познаній, и меньше полагая истины во всемъ кругѣ своего разумѣнія, — Философъ не можетъ въ своихъ изысканіяхъ не дойти къ той мысли, что сомнѣній и недовѣрчивости къ своему знанію нельзя просиравать въ безконечность, не проверяя своей разумности; что есть моменты, достаточны указующія, когда мы поступаемъ сообразно съ нормальнымъ нашимъ положеніемъ; что если можно опровергать вѣрность многихъ нашихъ понятій, то не лзя

испровергнушь ихъ всѣ. Кромѣ тѣхъ намѣ-
ковъ на истинность нашихъ познаній, кои
мы уже указали (см. стр. 48 и § 30),— въ со-
знаніи себя оспается для всякаго непрерѣка-
емый ручашель въ истинѣ.

60. И примѣчая неизбежную недоспапчоч-
ность въ познаніи истиннаго, Философъ не мо-
жетъ, по крайней мѣрѣ не долженъ счи-
тать себя, оппчужденнымъ оппъ истины; най-
детъ неосновательною мысль, что въ на-
шихъ представленіяхъ нѣтъ ничего дѣйствитель-
но вѣрнаго. Подобное мнѣніе подходило бы
довольно близко къ образу мыслей спекпиче-
скому, оппъ коего истинный Философъ далеко
по разсудительному (besonnen) спремленію къ
истинѣ. Въ семъ спремленіи къ чистой и
полной истинѣ, хотя должно быть недовер-
чивымъ къ своимъ представленіямъ: но въ по-
же время можно быть и излишне недовер-
чивымъ. Кто пожелаетъ зайти къ подобной
крайности?—Философъ смѣло можетъ утвер-
ждать, что и неполная истина такъ же есть
истина;— и справедливо. То, что истина из-
вѣстная не вполне нами постигнута, что
не вполне прояснилось наше сознание оной,
не мѣшаетъ ей имѣть нѣкоторую вѣр-

ность въ нашемъ представленіи, не даешь и той мысли, чтобъ въ нашемъ понятіи о предметѣ не было и тѣни истиннаго. Часть истиннаго есть тоже истинное; правда, она не полная истина, но все взявъ отъ истины, и можешь въ развитіи своемъ опдѣлиться отъ примѣси ложнаго и проясниться до полной чистоты. Этимъ-то, скажемъ мимоходомъ, собственно и должно пользоваться, когда хотимъ неуспѣвшаго подняться до совершенныхъ и полныхъ понятій возвысить къ представленіямъ вѣрнымъ. Истинное должно быть бережено, уважено среди всей примѣси, какою оно бываетъ обложено.—Ту мысль, что и неполная истина все есть истина, можно прояснить еще болѣе—общимъ взглядомъ на бытъ природы.—Гдѣ въ природѣ полноцѣ жизни и силъ въ недѣлимыхъ и явленіяхъ частныхъ?—Не всякое ли недѣлимое слабо; еще ближе, все наше бытіе, если сморгнуть на него съ идеальной высоты, не есть ли нѣчто неполное? Со всемъ тѣмъ всякое недѣлимое и наша жизнь вполне имѣютъ своего достоинство. — Конечно достоинство это не есть достоинство, какое имѣетъ жизнь во всецѣломъ ея суще-

ствѣ: но тѣмъ не менѣе естъ достоинство существъ, не опустившихъ опъ своего корня благороднаго, хопя опдѣлившихся опъ жизни общей, чпобъ получить вѣсъ самобытный.

61. Еще болѣе въ своей увѣренности, чпо истина и вышеопытная для насъ доступна, Философъ долженъ убѣдиться тѣмъ, чпо самый общій, просной смыслъ, дѣйствуя по видимому безъ всякихъ предосторожностей, высказываспъ иногда вышшя мысли споль же вѣрно, какъ и самое строгое, разборчивое соображеніе ума образованнаго. Спрашиваспся, изъ какаго источника происпекаспъ это истинное, по видимому споль блиское смыслу просному? — Вникая въ сіе явленіе, не находишь лучшаго объясненія кромѣ того, чпо въ умѣ нашемъ, какъ мы и прежде по соображенію нашли, должно бытъ предрасположеніе угадыватъ вѣрный образъ — представлений и объясненія природы. Въ семъ - то предусмотрѣніи (*προληψις*) находится причина, по чему безъ полнаго наведенія мы угадываемъ уже мысль общую, прежде яснаго изложенія доказательствъ вѣримъ уже мысли, изъ нихъ вытекающей. — Послѣ сего еслибы въ области мыслей мірообъяснительныхъ и

нашлись предспавленія, на которыя и усиленныя изысканія не успѣли предспавить еще всѣхъ доводовъ, или свидѣтельствъ: все можно принимать оныя за истины непреложныя, и должно, какъ скоро внушрнній голосъ нашъ пребуешъ оныхъ неопмѣнно; какъ скоро онѣ споль шѣсно связуются со всею сиснемою нашихъ убѣжденій, что, отвергая ихъ, мы испровергаемъ по всѣмъ соображеніямъ прямое наше счастье. — Так. обр. хотя въ разумѣніи вещей почастномъ — намъ должно будетъ проспираться въ безконечность: разумѣніе міра, въ цѣломъ взяпаго, можетъ бытъ достигнуто довольно скоро.

62. Конечно были лица въ родѣ нашемъ и теперь, можетъ бытъ, найдутся, которыхъ легко восполнимый недостатокъ нашего разумѣнія истины заставлялъ отвращаться отъ бѣднаго нашего рода познаній, искать достоверности вышшей: но подобное забвеніе своего человѣческаго всегда оканчивалось — или неудовлетвореннымъ жажданіемъ, или довольствомъ обольстительнымъ. — Истина, кака доступна уму при насполящемъ его развитіи, хотя не естъ полная, все должна бытъ уважена, признана въ своемъ достоинствѣ. Надобно

помнишь, что не всегда можешь и должно быть цѣлѣю одно идеальное совершенство; что, положивъ проповное сему правиломъ, надобно будешь осудить себя на жизнь въ мѣрѣ, какъ въ пущынѣ. Только не совѣшь понимающее себя умозрѣніе можешь спавить закономъ и цѣлю подобнаго рода преувеличенныя прѣбванія. — При постиженіи природы, не переводя въ себя вполнѣ мыслей Божіихъ, зиждущихъ все бышное, мы шѣмъ не менѣе можемъ довольно приближенно соспавлять въ себѣ обликъ дѣйствительнаго: только въ дорисовкѣ сего очерпанія природы можемъ и должны прудиться безъ конца по безконечному разнообразію недѣлимыхъ надѣленныхъ жизнью общею. —

Посему, строго говоря, для Философа нѣтъ истины законченной; ибо въ своемъ спремленіи къ окончательному подпвержденію истинной мысли онъ находить, что рядъ событий или былей, кои могутъ подпверждать ту мысль, не законченъ, какъ и никогда не закончается. Но *есть истина* незаконченная, неполная, которую простой смыслъ принимаетъ и не можешь не принимать за истину полную. Философъ чувствуетъ сію неполноту позна-

нія, відчуваєшъ въ себѣ призваніе воспользуватися онуою, озаришъ истину новымъ свѣтомъ; усиливается довѣсти совершенство разумнїя до ясности завершительной и доводишъ только до временнаго и по своему, *не лзя больше.*

Степень довѣрія, какой можно имѣть къ философскимъ системамъ, — и предвѣрительный намѣкъ на необходимость самостоятельности въ обдѣлкѣ само-сознанїя философскаго.

63. После сего по явленіе въ области человеческого мышленїя можно считать значительнымъ недоразумѣніемъ, когда или самъ извѣстный Философъ мнитъ, что онъ обрѣлъ вполне истину, или его послѣдователи думаютъ, что наконецъ возникла въ родѣ человеческого совершеннѣйшая Философія. Разумнїе истиннаго для насъ никогда не закончилось, какъ вообще всякая мысль распахъ въ своемъ образованїи, и развивается больше или меньше зависимо отъ приложенїя нашего къ ней вниманїя, или отъ приложенїя ея самой къ другимъ предметамъ знанїя. По сей-то причинѣ и на всѣ вышнїя мысли, *приду-*

64. Особенно въ томъ случаѣ, когда рѣшаешься съ оппечливостію составить систему своихъ убѣжденій, не лзя ничего принимать безъ доказательства, и все объясненія вселенной должны быть поставлены въ одинъ рядъ, даже истинныя. Когда нужно обрѣсти чиспую истину: тогда можно во всемъ усомниться, кромѣ собственнаго бытія и сознанія. И сіе тѣмъ болѣе, что для объясненія вселенной, Философами придумана не одна мысль, а нѣсколько. При той разноспи, какая встрѣчается и споль обыкновенна въ философскихъ системахъ, не можетъ быть, чтообъ все мнѣнія одинаково были вѣрны, равно достойны вѣроянія; которая нибудь мысль, естественнo, имѣетъ большее право на нашу вѣру, ближе другихъ подходитъ къ истинѣ. Но какъ это узнать, если не спрогимъ испытаніемъ,—подвергнувъ предварительнo все мысли, вѣрныя и невѣрныя, одинаковому пересмотру, все поставивъ въ рядъ предположеній, объявляющихъ припязанія на вѣрносшь, и могущихъ перейти въ число истинъ! —

Такой только взглядъ на системы и познанія другихъ совмѣстенъ съ духомъ философскимъ. Всякая слѣпая, или слишкомъ уступчи-

вая довѣрчивость неумѣстна въ Философіи. Самостоятельное изслѣдованіе есть опмичипельный характеръ философскихъ изысканій. Прежде нежели раскроемъ сей характеръ и по сему опредѣлимъ отношеніе самой Философіи къ другимъ обласпямъ человеческого вѣдѣнія, прояснимъ наши мысли касательно цѣли и успѣха философскихъ изысканій, и усранимъ нѣкоторыя опасенія и возраженія, какія могутъ предспавить намъ, послѣ нашего объясненія природы и происхожденія вышнихъ философскихъ мыслей.

Цѣль философскихъ изысканій — отдаленная, едва достижимая; и ближайшій плодъ оныхъ — развитіе сознанія.

65. Какая же, могутъ сказать намъ, цѣль и какой плодъ философскихъ изысканій, когда всѣ умозрѣнія Любомудровъ не имѣютъ другаго достоинства, кромѣ достоинства догадокъ, когда при всей напряженности не доставляютъ намъ полного разумѣнія, не вводятъ имъ въ свѣтлозѣрное царство истины? Та самая, скажемъ въ отвѣтъ недалководнымъ, незнающимъ, — что можно прудиться со всѣмъ рвеніемъ для цѣли опдаен-

ной, едва доспѣжимой когда-либо, — та самая цѣль и есть, чѣмъ ввести въ область истины, доставивъ зрѣлое разумѣніе сущаго. Мы чувствуемъ призваніе узнать природу бытія, возможность объяснить жизнь собственную; и сего довольно для того, чѣмъ признавъ умѣстными всякаго рода изслѣдованія. Еслибъ даже изслѣдованія сіи и не привели насъ къ слѣдствіямъ яснымъ: все надобно помнить, что человекъ не — Божество; самъ собою не создаетъ вѣрнаго, и истина не почиваетъ въ его лонѣ. Его дѣло — искать истины, искать вѣчно; находить ее, но не всю, а опчаспи. Покоримся же устройству своего бытія, — и не будемъ, жаждая несоизмѣрнаго совершенства, съ недовольствомъ смотрѣть на свою участь, оставляя дѣятельность, съ ней совмѣстную. Будемъ въ безконечность возходить въ разумѣніи истины, хотя бы уразумѣть ее въ частичномъ ея соспавѣ не удалось намъ никогда! — Полное созерцаніе истины есть состояніе покоя; имъ можетъ наслаждаться одно Божество; иварь вся призвана къ движенію, ей дано только приближаться къ тому покою; ее еще ждетъ священная суббота! —

Стоя на семъ общемъ поприщѣ возхожденія къ истинѣ, — кто будетъ осуждать собратій, ревнующихъ облегчить участь смертныхъ, сократить время ихъ воздыханія о вѣчномъ; кто будетъ дерзновеннымъ, неблагодарнымъ ропотомъ возмущать священную тишину, царствующую вокругъ скромныхъ искапелей истины; кто будетъ порицать безкорыстную, чистую любовь къ наукѣ, съ самоопроверженіемъ жерпящую лучшими днями и дарами счастья исканію невѣрнаго, опдаленнаго, съ самозабвеніемъ перяющуюся для выгодъ общества, и радости жизни? — Миръ тебѣ, благодарность тебѣ отъ всего человѣчества, пруженикъ святой истины, при ночной лампѣ погруженный въ глубокія думы о назначеніи человѣчества, о его бѣдности и грядущей славѣ! Да облегчайтъ и усладятъ твое бѣднѣе шихія мечты о неземномъ блаженствѣ! —

66. Но благородное стремленіе Философій къ опдаленной, едва достижимой цѣли, если не всегда доводитъ къ ней: за то доставляютъ другой плодъ не менѣе значительный. — Люди не совсѣмъ способные къ возвышенности мыслей, люди, привыкшіе ува-

жасть и цѣнитъ одно близкое, въ разумѣннй предметовъ довольствоваться однимъ знаніемъ вещей ихъ опытныхъ проявленій, вносили на Философію неосновательное нареканіе въ исканіи того, что опдаленно — въ небесахъ, и забвеніи того, что подъ ногами, въ безпольности въ быту жинпейскомъ. Несправедливо. Умъ человѣческій въ напрасныхъ усиліяхъ подняться до вѣдѣнія совершеннаго, успѣваетъ развити свое человѣческое самосознаніе; и одно сіе самосознаніе, необходимо выражающееся изъ философскихъ изысканій, есть такой плодъ, который спонитъ вѣковыхъ усилій цѣлаго человѣчества. —

Самосвѣденіе, самосознаніе есть корень ^жчеловѣчкости; оно связуетъ насъ съ Божествомъ, оно успремляетъ насъ за предѣлы чувственнаго. То, что въ насъ сознаетъ себя, въ тайномъ но тѣмъ не менѣе непреоборимомъ чувствѣ, силился всегда вознесиися до горняго, не можетъ удовлетворити себя ничѣмъ нижшимъ, опытнымъ. Хопимъ ли мы развити свое бытіе въ нормальномъ его направленіи: мы должны уяснити пребыванія сего своего самосознанія. Изъ сего уже изложенія можно видѣти, что здѣсь мы не раз-

умѣемъ подѣ самосвѣденіемъ того, что разумѣютъ обыкновенно подѣ сознаниемъ. Сознаніе въ обыкновенномъ его проявленіи есть только слабый начатокъ и проблескъ того самосвѣденія, на которомъ зиждется все величіе нашей природы. Съ развитымъ самосознаніемъ мы уразумѣваемъ свою зависимость и тѣсную связь съ Божествомъ, свое значеніе въ ряду существъ, насъ окружающихъ, и образъ дѣйствій намъ естественный. Возвести обыкновенное сознаніе до сей высоты самосознанія нормальнаго есть цѣль, достойная усилій самыхъ напряженныхъ.

Природа вложила человѣку различныя стремленія, и часто дѣйствуетъ онъ хотя по своему влеченію, но вопреки ясныхъ требованій здраваго разума; увлекается въ распушія, заходитъ къ униженію того, что въ насъ есть чисто человѣческаго? Часто конечно какой-то тайный голосъ даетъ себя слышать, когда мы готовы бываемъ совратиться съ праваго пути добродѣтели, къ которому предназначены по самой своей природѣ: но не рѣдко и мы дѣйствуемъ вопреки его чистыхъ внушеній. Не опъ нездравости ли это сознанія чисто человѣческаго? — При

семь недоспашкѣ уваженія къ спасительному гласу своего сознанія, при шомъ разрушительномъ для цѣлаго міра вліяніи поспупковъ, совершенныхъ безъ разумнаго самосвѣденія, при шомъ величій, какое оппечашлѣвается на самомъ челѣ человека, вступающаго въ сознаніе самаго себя, своихъ силъ и назначенія, — кпо не возблаготовѣешъ предъ усиліями, неопмѣнный плодъ коихъ еспъ вышшее развитіе нашего человекскаго сознанія?— Согласимся, что человекѣку не всегда суждено уразумѣвашъ истинное: но шо самое, что онъ, посвятивъ себя изысканіямъ философскимъ, убѣдился въ своемъ назначеніи восходить къ богоподобному величію свяшосни, увѣрился, что само устройство природы нашей даетъ намъ надежду больше и больше поспигашъ разумвнємъ мысли Божеспвенныя, изреченныя въ природѣ, и симъ входилъ какъ бы въ участіе тайнъ Божеспвенныхъ, и дѣлалъ ся сознающимъ орудіемъ Божеспвенныхъ плановъ и цѣлсей — одно убѣжденіе въ сихъ истинахъ доспашочно можетъ сравнишь ся съ выгодами, какія доспашаютъ другіе пруды людей мыслящихъ. — Раскрытіе нашего единенія съ Первошущимъ, проясненіе достоин-

ства нашего бытія, нашего значенія въ семь мірѣ и возможности поспепенно усовершенствоваться первое, возвышаться впорое, не могутъ не приносить благословенныхъ плодовъ и въ быту житейскомъ.

67. Многое знаетъ человекъ, многія понятія и мысли по руководству природы сопоставляемъ мы какъ бы невольно и непримѣтно для самихъ себя; еще больше могутъ возрастать наши познанія отъ большаго употребленія силъ разумѣнія, отъ опытовъ жизни, сопоставлявшихъ насъ въ различныя отношенія съ природою и людьми, увлекавшихъ наше вниманіе: — но можно имѣть много силъ, и не имѣть правильнаго сознанія, имѣть обширный запасъ предпознаній, ощущеній и желаній и — не подняться до яснаго разумѣнія того, что происходитъ и какъ относится къ тому, что должно происходить — внутри своего существа. На такой степени разумѣнія видимъ мы многихъ, очень многихъ въ быту обыкновенномъ. Сознаніе въ той нормальной высотѣ совершенства воспрѣчается очень рѣдко; къ нему должно намъ еще только возвышаться. — Большою частію наше самосвѣденіе духовное заглушено

и подавлено бываетъ образованіемъ и развитіемъ въ насъ чувственнаго. Знаешь многое, прилагаешь во многихъ случаяхъ ревность, горьешь всѣмъ пламенемъ чувства и не имѣешь яснаго сознанія своего человѣческаго — есть обыкновенный удѣлъ людей, неподнявшихся до яснаго ощущенія своей небесной высоты. Въ семъ состояніи чловѣкъ есть обучившееся животное. Всего чаще дѣйствуетъ онъ по спрашанью, хотя всего чаще мнитъ угождать самому Богу, — нѣтъ у него закона долго разсуждать, одно и позже нѣсколько разъ передумать, чѣмъ, приведши мысль въ дѣйствіе, самому не раскаиваться, въ оскорбленіи жизни — по всему разлитой. Если онъ не рѣдко совершаетъ и хорошее, то только подъ вліяніемъ хорошаго руководителя, порядочнаго воспитанія, счастливаго настроенія сердца. — Силы воли, ясно сознающей все свое величіе здѣсь не ожидайте; — свѣтлаго разумѣнія, вытекающаго изъ сознанія чисто человѣческаго, здѣсь не воспримите. Если вы вознеслись до него, знайте и помните, что вы принадлежите къ числу не многихъ, коихъ Небо ввело въ разумѣніе своихъ шанъ, и—сообразно съ симъ дѣйствуйте. —

Но, хопя не многіе возносяпся до яснаго разумѣнія своего челоуѣчеспва : — пѣмъ не менѣе общее назначеніе , а за симъ и общая обязанность всѣмъ : возноспсья до сего проясненнаго самосвѣденія ! — Сознаніе еспъ наше сокровище небесное , имъ мы опличены предъ всѣми земными тварями , оно — палладіумъ нашего величія . Его возвращапъ , его очищапъ , просвѣпьяпъ въ себѣ , возводипъ на шу спепень ясности , на которой выражалось бы въ немъ самое небо ; — зрѣлся на земли образъ Божеспва , — вопъ обязанность всякаго челоуѣка , надѣленнаго разумностию !—

68. И если какая либо наука можетъ помогать развитію сего сознанія и ускоряпъ оное , то именно Философія ! Челоуѣку не дано проясняпъ въ себѣ вышнее сознаніе безъ размышленій глубокихъ . Та высота , на которую возносимся мы симъ сознаніемъ — не даромъ намъ достаелся . Если когда и вспрѣчающся примѣры , что челоуѣкъ спановипися на сію высоту по видимому безъ длиннаго ряда мыслей , безъ большаго запаса познаній , и образованія : то здѣсь мы не видимъ только медленнаго восхожденія въ одномъ лицѣ , — за то оно совершенно другими . Здѣсь усвоено

только постигнутое другими. Тотъ, кто захотѣлъ бы развить въ себѣ свое человѣчество самоспопашельно, долженъ былъ бы пройти длинный и упомпашельный путь соображеній и опытовъ.— Не первая мысль, въ насъ родившаяся, увѣряетъ насъ, что наше назначеніе выше чувственнаго. Только глубокія соображенія могутъ развить въ насъ чувство собственнаго превосходства; только выпреннія умозрѣнія даютъ истинное понятіе о нашемъ величій. Къ симъ глубокимъ размышленіямъ и соображеніямъ если возводитъ насъ какая наука: то именно Философія. Ея вліянія на развитіе самочувствія не можетъ имѣть ни одна наука изъ круга наукъ естественныхъ, ни изъ круга положительныхъ, если исключимъ Богословіе. —

Науки естественныя знакомятъ насъ только со внѣшнимъ положеніемъ природы, излагаютъ природу, какъ она даетъ себя видѣть; здѣсь есть намѣтки на наше высшее значеніе, но науки сіи, опасаясь въ своихъ предѣлахъ, не могутъ разъяснить сихъ указаній. — Науки положительныя — дѣло больше памяти, нежели разсудка, наполняютъ больше голову разнообразными условными по-

нiяи и предспавленiями. Въ нихъ не всегда, скажемъ, даже рѣдко обращающа къ число челоѳическому основанiю и спрашивающъ, согласно ли это съ тѣмъ, что говоритъ разумъ; и здѣсь хотя предспавляюща опредѣленiя, произшедшiя изъ правильнаго развитiя челоѳичества: но и сiи науки, оспаваясь въ своихъ предѣлахъ, не могутъ разъяснить оныхъ достаточнo, показать ихъ естественное происхождение изъ природы нашей. Еслибы челоѳкъ оспавивался на нихъ однихъ, и при ихъ посредствѣ не возносился къ вопросу о внушенiяхъ своего разума: — онъ навсегда могъ бы оспавиться неразвязнымъ рабoмъ ума, или и припязательности другихъ.— Между тѣмъ свѣточъ ума природа возггла не въ одномъ недѣлимомъ; къ ясному сознанию назначаетъ она и руководитъ всѣхъ надѣленныхъ разумностию, каждому говоритъ она: входи въ себя; разумь себя.

Теперь, тогда какъ другiя науки всѣ водятъ челоѳка по внѣшнему, какъ бы не собственному для духа, — одна Философiя изпоргаетъ его изъ порабощительныхъ объятий положительнаго и опытнаго; возноситъ его на самую горную высоту, съ которой не вид-

на уже земля, на коей исчезаютъ опъ взо-
ровъ цѣлыя частныя сисшемы мірозданія, и
— говоришь ему: шеперь пыпай свои силы,
рѣшай высочайшіе вопросы швоего разумѣ-
нія! — Забуди, что внушали тебѣ другіе,
самъ развей изъ себя чиспыя и ясныя пред-
спавленія.— Доспапочно предуготовивъ его къ
правильности мышленія, и съ пошй высоты
указавъ на опышныя явленія міра чувспвеннаго
и разумнаго, прямо развиваешь въ немъ жи-
вое убѣжденіе, что жизнь міра есть опсвѣтъ
жизни Божеспвенной, что жизнь самага че-
ловѣка есть даръ Вышняго, и наше назначе-
ніе — бытъ Его сынами, ходишь въ свѣтъ
Его повелѣній? —

69. Здѣсь снова невольню приходишь къ
мысли о высококомъ достоинствѣ философскихъ
ислѣдованій. Сколь ни мало, по видимому, объ-
щаешь пріемъ, къ кошпору должно прибѣ-
гаешь въ сихъ изслѣдованіяхъ: все плоды она-
го при внимательнѣйшемъ разсмошрѣніи дѣла
оказывающаея весьма важны. Сей путь изы-
сканій скоро приближаешь и прямо ведешь
насъ къ испинѣ, къ предметному разумѣнію
природы. — Всякій согласишь, что въ на-
шихъ познаніяхъ много есть поняшій неос-

новашельныхъ ; что, если ешь много и вѣрнаго, по или принимается безъ яснаго сознанія основаній, или не прилагаешся во всей силѣ, во всѣхъ надлежащихъ случаяхъ ; опъ чего и происходитъ нѣкотораго рода шапкошь всей совокупности представлений, непвердосшь самой дѣяшельности. — Посему, если бы явилась наука, которая бралабъ на себя опдѣлишь въ нашемъ сознаніи истинное опъ невѣрнаго, и, сличивъ гаданія ума съ вѣщаніями природы опдѣлишь, что должно опнести въ рядъ истинъ дознанныхъ, и что остаешся считашъ однимъ предположеніемъ число новашельнымъ, или игрою ума: никакъ конечно не призналъ бы усилій шакой науки бесполезными, или незаслуживающими вниманія. Если уже для ума человѣческаго при самоспоаяпельной его дѣяшельности нѣшь другаго пути къ уразумѣнію истины вообще, и особенно истинъ сверхчувственныхъ, кромѣ длиннаго пути гаданій и пересмотра: по не иначе, какъ съ благодарностию должно пользоваться опрѣленіями шакой науки. Философія дѣйствительна ешь шакаго рода наука. Она, какъ мы видѣли, беретъ различныя предположенія, сдѣланныя мужами геніальными

для проясненія природы сущаго, свѣрлепть ихъ съ шѣмъ, что дѣйствительно извѣстно; и — по ихъ согласію или разногласію съ симъ извѣстнымъ опредѣляютъ: копорыя изъ нихъ должны перейти въ рядъ истинъ, и бытъ признаны вполне вѣрными, и копорыя должны оспашься предположеніями неосновательными. Понятно, что работы ея въ семъ отношеніи могутъ и должны оканчивашься всегда не инымъ чѣмъ, какъ именно переходомъ основательныхъ мыслей изъ области предположеній въ рядъ истинъ. Философія слѣд. гаданія ума нашего мало по малу можетъ прояснать до вѣдѣнія, — послѣдней цѣли всякаго мышленія. — Достаточное основаніе на то, чтобы дать ей почтенное мѣсто въ числѣ предметовъ, коимъ даровитость можетъ посвящать усиленное вниманіе.

Устраненіе опасеній касательно слѣдствій философской изыскательности.—

70. А что, скажутъ, если Философія не успѣетъ перевести въ рядъ истинъ всего вѣрнаго, особенно такихъ мыслей, кои весьма плодотворны по своимъ послѣдствіямъ и важны для человѣка? Тогда сомнѣніе, разрушивъ

основу увѣренности человѣческой старую и не создавъ новой, — не погрѣшинъ ли пропивъ спокойствія человѣческаго? —

Правда, скажемъ въ отвѣтъ, человѣкъ любитъ спокойствіе; онъ любитъ почивать на законѣ: но эта склонность къ покою не есть основа человѣческаго счастья и блаженства. Руководясь ею одною, человѣкъ никогда не узналъ бы ни выгоды, ни самыхъ удобствъ жизни: ибо стремленіе къ симъ удобствамъ всегда есть плодъ недовольства наспоющимъ, сомнѣнія въ его доспапочноспи къ полной мѣрѣ наслажденія. При всей склонности къ покою, есть въ родѣ нашемъ и стремленіе къ дѣйствію, къ чему по лучшему, идеальному, стремленіе, которому все наспоющее, соспоявшееся кажется недоспапочнымъ; оно только и освѣжаетъ жизнь общественную и подвигаетъ впередъ наши познанія.—Правда, и сему одному стремленію предаваться невозможно; должно и его удерживать иногда въ извѣстныхъ границахъ умѣренности: но подавлять его опасно, невозможно, пропивно самой цѣли жизни и обязанности развивать жизнь не только въ себѣ но и въ другихъ. Такимъ образомъ, если можно идти пропивъ спокойствія человѣческаго

погрѣшительнo: по можно идти и не погрѣшительнo.—И указать человеку, что въ кругу его познаній есть числая, неопровержимая истина, и на что онъ долженъ еще опыскивать подтвержденіе, — не значить еще погрѣшать противъ его спокойствія; значить только возбуждать къ умѣренной дѣятельности его разумныя силы.

Не всё же истины, важныя для человека, могутъ быть у него опияты. Самъ сомнѣвающийся не оспанется безъ извѣстной увѣренности. Такимъ образомъ опасенія, будпо Философія можетъ лишить насъ какой либо истины, совершенно напрасны. — Истина спойтъ пвердо, независимо отъ нашихъ изысканій; чувство ея слишкомъ сильно въ душахъ человѣческихъ, чтобы могло быть когда либо заглушено на долго. Да и Философія ищетъ не заглушать, а развивать его. Еще въ успокоеніе боязливыхъ можно сказать здѣсь и то, что общая увѣренность въ извѣстныхъ мысляхъ никогда не зависѣла отъ Философін, что на оборотъ сама Философія въ различныхъ ея видахъ всегда была плодомъ нужды своего времени, или отголоскомъ образа мыслей своего вѣка!—

71. Конечно при спорогомъ пересмотрѣ умозрительныхъ мыслей, какой нужно предпринять, чшобъ дойти до увѣренности основательной и справедливой, не всякая мысль философская можетъ перейти въ рядъ дѣйствительныхъ истинъ. Нѣкоторыя по необходимости должно будетъ оставить подъ сомнѣніемъ, потому что настоящее познание быта дѣйствительнаго иногда не представляеть еще столько былей или опытовъ, сколько нужно для того, чшобъ рѣшительно отвергнуть, или принять мысль умозрительную, особенно отличающуюся геніальностію изобрѣшенія. Съ другой стороны нѣкоторыя мнѣнія, выданныя другими за непреложно истинныя, не выдержатъ и слабого испытанія. Еще болѣе, судя по разнообразію мыслей, какія умъ необходимо долженъ пораждаеть зависимо отъ различнаго образованія и направленія, не льзя и ожидать, чшобы всѣ, даже геніальныя мысли могли бытъ удержаны или опнесены къ числу истинъ. Умъ при усиліяхъ подняться до мысли, объясняющей извѣстный рядъ явленій и въ одномъ лицѣ не рѣдко двоится, колеблеться между двумя равносильными по видимому способами

объясненія. Хотя перевѣсъ доводовъ на одной споронѣ можетъ одинъ умъ довольно скоро опредѣлить къ принятію того, а не другаго способа: но при другомъ объемѣ познаній можетъ уже благовиднѣе показаться уму другая спорона. — И по и другое лице между нѣмъ высказали свои убѣжденія; мѣръ ученый получилъ два прошивныхъ взгляда съ равными припязаніями на истинность; и умы вшороспешенные, вопрошая ближе природу, должны уже прислушиваться, доискиваться, или выжидать, не подастъ ли она голосъ, рѣшительно отдающій перевѣсъ одному представленію предъ другимъ. Так. обр. изъ двухъ мыслей одна какъ бы при самомъ рожденіи обрекается уже на смерть, послѣ того, какъ своимъ бореніемъ усиливъ мысль другую.

За по есть такія мысли въ системѣ человѣческихъ представленій, которыя столь необходимы, такъ важны для ума, что онъ нерѣдко, вынужденнымъ себя находить усвоить оныя, какъ чисшыя, полныя истины и безъ полного ихъ проясненія, безъ яснаго ихъ подшверженія. — Не могли подвесити ихъ подъ законы обыкновенныхъ представленій, онъ удерживаетъ ихъ въ видѣ идей, не забы-

вая, и безпрестанно подсперекаясь проясняшь оныя посредствомъ сличенія съ міромъ явленій. Таковы вышшія философскія мысли. При всей своей неясности, онѣ невольно покарляють себѣ умъ нашъ, и оспаюцца въ немъ и послѣ того, какъ разысканія критическія увѣряють, что строгаго доказательства, въ логическомъ смыслѣ понимаемаго, представить на нихъ невозможно.

Знагеніе философскаго сомнѣнія, — и естественность приѣма, указаннаго для философскихъ изысканій. —

72. Но, опираясь на указанный нами медленный приѣмъ, къ какому должна прибѣгать Философія для основательнаго и удовлетворительнаго рѣшенія задачъ своихъ, могутъ представить и другія недоумѣнія, или даже и укоризны на счетъ философскихъ изслѣдованій. — Чшобъ не оспавить вводимой нами науки подъ неосновательнымъ нареканіемъ, и нашихъ мыслей безъ доспапочнаго проясненія, постараемся успранишь и мелочныя недоумѣнія и укоризны, моущія пипаць общую недовѣрчивость и усиливать довольно обыкновенное нерасположеніе къ Философіи. Поводъ

для сихъ недоумѣній и укоризнъ могутъ взять, во первыхъ съ неумѣстной по видимому недоуѣрчивости съ вышшимъ истинамъ, какія объщаетъ прояснить и подтвердить Философія; во вторыхъ опъ кажущагося недоуѣрчива надежной опоры при философскихъ изысканіяхъ, и малозначительности успѣховъ, какихъ можно ожидать опъ Философіи, судя по тому приему, которій указанъ нами, какъ необходимый въ ней и совершенно еспешивенный. —

Руководясь первымъ поводомъ могутъ сказать: если въ самомъ дѣлѣ философскія изслѣдованія необходимо должны принимать такую ходъ: по въ нихъ значить спраждесть истина, поспавляющая и правильная мысли или понятія на ряду съ многоразличными, нерѣдко грубыми ошибками, кои споль обыкновенны въ предположеніяхъ; выходятъ видѣ: будшо истины во все нѣтъ, — тогда какъ общая непреоборимая увѣренность всѣхъ и каждаго, что еспь истины вышшія — непреложныя, въ коихъ и сомнѣвапья никакъ не слѣдуетъ. — Ужели можно терпѣть и позволять подобнаго рода изысканія? Истина дорога чловѣку; надобно блюсти ея не-

прикосновенность, не должно уничтожать ее пустою, совершенно напрасною недоверчивостью.

Руководясь поводомъ послѣднимъ, спануть говорить: какой же плодъ пеперь опть Философіи? Объясняетъ она, по крайнѣй мѣрѣ мы ожидали, что она опредѣленно и рѣско выскажетъ намъ нѣсколько вышшихъ мыслей, которыя разольютъ свѣтъ на всю область нашего вѣдѣнія, дасть твердыя опоры всякаго рода изысканіямъ; вмѣсто того — что находимъ? — Таже самая Философія, на которую мы смотрѣли съ подобнаго рода ожиданіями, — такъ же непердо беретъ за шѣ вышшія истины, какъ непердо идешь въ незнакомомъ полѣ новыхъ открытій; не доверяешь, кажешь, сама своему дѣйствованію; и вмѣсто того, чтобы смѣло воспарить къ горнимъ идеямъ — усиливается мало по малу подниматься до нихъ на подмошкахъ опыта.—

Послѣ сего ожидайте опть нее успѣховъ, ожидайте надежнаго руководства! Не всеобщими, непреложными истинами надѣлитъ она васъ; напросивъ — только разовьетъ въ душѣ вашей сѣть сомнѣній, разрушитъ послѣднія убѣжденія, оставшіяся доселѣ

непреборимыми. Нѣтъ и не можетъ быть лучшаго плода. Самый пріемъ ея въ своемъ началѣ разрушительнъ. Въспо пого, чѣмъ усиливаться раскрыть и подтвердить столь важныя истины, Философія что дѣлаетъ? — Беретъ весь запасъ мыслей, которыя столь для насъ драгоценны, разлагаетъ его на рядъ догадокъ, и подвергаетъ — некончасному пересмотру. Вы хотѣли бы узнать оцъ нее истинное, — вся совокупность истинъ разрѣшена ею въ фантастическія гаданія, — которыя, кто знаетъ, когда еще успѣютъ въ рукахъ ея изъ облака Юноны превратиться въ видъ твердый, стройный? —

75. Но — ужели можно, скажемъ въ отвѣтъ на послѣдній видъ возраженія, — ужели можно обвинять Философію за то, что она, желая достигнуть твердаго, непреборимаго убѣжденія, разлагаетъ мысли на составныя ихъ части, подвергаетъ спрогому пересмотру, испытанію проницательному? — Если вы можете принимать извѣстныя мысли особенно выспренія безъ яснаго сознанія ихъ основаній: вѣрьте имъ, но не призывайте уже на помощь Философію, когда какъ нибудь пробудившійся въ васъ разумъ попребуетъ оцъ васъ оп-

чета въ вашихъ убѣжденіяхъ. — Если же вы получили опытъ природы спольва важныя преимущества, что можете схватить и ясно высказать истинное не думавши, не извлекая его изъ массы мыслей ошибочныхъ, изъ вида необдѣланнаго: — то раздѣлите съ нами ваше богатство. Но мы знаемъ, что въ той самой области, въ которой вы сполько хвалились своими успѣхами, въ области познаній опытныхъ, истинное открываеся не вдругъ; и чѣмъ обширнѣе объемъ, на который простираеся мысль изъяснительная: тѣмъ больше нужно приготовленій, опытовъ, чтобъ получить ее; чѣмъ она возвышеннѣе: тѣмъ неспверже ходъ къ ней. Приглядываясь къ развитію мысли изъяснительной и въ опытныхъ наукахъ, всегда находишь, что она первоначально предспавилась сполько въ гаданіи, подспверждалась въ послѣдствіи опытами больше случайно сполько, нежели намѣренно устроеными. — Теперь, кто можетъ сполько спѣснить свой взоръ (а это очень легко и бываетъ не рѣдко въ изысканіяхъ опытныхъ), что будетъ довольствоваться одними отношеніями и явленіями опыта: спому конечно и пріемъ философскихъ изслѣдованій долженъ

показаться такъ же скуднымъ, мало обещающимъ; поэтъ можетъ, даже по направленію мыслей долженъ съ презрѣніемъ смотрѣть на усилія подняться къ выводамъ большимъ, вышшимъ. Но онъ не въ правѣ думать, чтобы умъ нашъ не могъ объявлять большихъ требованій, кромѣ желанія знать доспапочно жизнь природы въ ея явленіяхъ. Есть вышія требованія ума, требованія, коимъ умъ можетъ съ большею смѣлостію искать удовлетворенія, и—медленный, зато болѣе надежный путь къ удовлетворенію койхъ можетъ указать одно долговременное разсмотрѣніе путей, пролагаемыхъ себѣ разумомъ. — Если мы, раскрывая сей пріемъ, дали въ немъ важное значеніе опыту: то симъ опнюдъ не хотѣли ограничить пареніе ума, или заставили умъ забыть свои, такъ называемыя, идеи, а нашли въ немъ единственное средство внести въ философскія опредѣленія или развитія больше основательности. Не важная была бы выгода, когда бы мы уступили уму право составлять свои догадки не справляясь съ опытомъ, или вздумали утверждать, что умъ, предавшись однимъ своимъ выспреннымъ идеямъ, могъ бы построить міръ наилучшимъ образомъ.

Вѣковые опыты умозрѣній, кажется, доспа-
почно доказали, что идеальныя представленія
чище и яснѣе развиваются въ насъ только по-
мѣръ возрастанія и улучшенія познаній опыш-
наго. Но симъ опытомъ мы не даемъ завлекать
себя къ той крайности въ мысляхъ, будто
истинное лежитъ въ одномъ опытѣ. Есть
основа истиннаго и въ умѣ; есль думаемъ, въ
самомъ умѣ нашемъ предрасположеніе уразумѣ-
вать истину: но сіе предрасположеніе пре-
буетъ содѣйствія природы (ср. § 42) для
своего развитія въ дѣйствительное откры-
тіе истиннаго. — Сколько разрушительнѣе
предложенный нами пріемъ, дѣйствительно
ли онъ только развиваетъ сѣнь сомнѣній, уви-
димъ ниже: но что ходъ, присужденный нами
Философіи для открытія надопытнаго не
твердъ, какъ бы шапокъ, сего не лзя ска-
зать, ни пославить въ вину. Общій смыслъ
конечно не много имѣетъ основательныхъ по-
знаній о природѣ въ сравненіи съ познаніями
о природѣ учебными: но и онъ довольно
твердо переходитъ къ тѣмъ вышшимъ ис-
тинамъ, кои усиливается раскрыть Философія.
Между тѣмъ руководство къ чаяніямъ пер-
ваго, и къ ясному убѣжденію послѣдней—одно:

быть міра дѣйствительный. Если же и въ самомъ дѣлѣ недовольно твердо окажется ходъ сей привычныхъ требованій науки: повинна сему будетъ не въ самомъ приѣмѣ, нами указанномъ, но въ состояніи познаній опытныхъ. Усовершенствовавъ разумѣніе природы опытное: и мы довершимъ ваше разумѣніе мыслями вышеопытными. — Философія можетъ преуспѣвать не иначе, какъ объ руку съ успѣхами наукъ естественныхъ. — Если сія мысль можетъ показаться уничтожительною для Философіи и слишкомъ возвышающею преимущество наукъ физическихъ: то мы замѣнимъ наоборотъ, что въ свою очередь и сіи науки, не иначе могутъ подвигаться и завершаться въ своемъ развитіи, какъ обратнымъ воздѣйствіемъ на нихъ Философіи. — Сіе взаимное ихъ отношеніе яснѣе разкроемъ впрочемъ ниже. —

74. Чтожь касается до первой половины возраженія, то отвѣтъ на нее слѣдующій: и сомнѣваясь въ истинѣ съ пѣмъ намѣреніемъ, чтобъ прояснить ее для своего сознанія—не значить еще уничтожать истину недовѣрчивостию, или имѣть прямое, хотя можетъ быть, скрываемое намѣреніе отвергнуть оную. — Если поставимъ сію мысль непреложнымъ

правиломъ , тогда конецъ всякаго рода изысканіямъ: ибо всякаго рода изысканія , если онѣ должны имѣть надлежащій учебный видъ свой , должны болѣе или менѣе сопровождашься недовѣрчивостію , (*) начинаясь съ полною готовностію опровергнуть свое убѣжденіе , какъ скоро нѣсколькократно повторенныя изслѣдованія увѣряють въ мысляхъ пропивныхъ . Начиная изслѣдованіе мыслей извѣстныхъ съ довѣрчивостію къ нимъ , съ желаніемъ удержашь оныя , легко припши къ заключеніямъ превратнымъ , кои будучь только поддерживашь увѣренность въ мнѣніяхъ , можетъ бысть и ложныхъ . (Правда могутъ бысть мысли важныя , высоты коихъ не досягаешь по видимому самая сила доказательства: но сей случай пребуешь особаго проясненія , и мы придемъ къ нему въ концѣ сей главы ; тамъ увидимъ , что и ихъ принимаешь разумъ не безъ проясненія .) Конечно са-

(*) Изысканій не должно смѣшивашь съ изложеніями , въ коихъ увѣренный въ извѣстныхъ мысляхъ излагаетъ оныя со всеми основаніями . Послѣднія ш. е. изложенія полезны для несвѣдущихъ , но не сполько распространяють кругъ истиннаго , сколько первыя ш. е. изысканія .

мыя изслѣдованія должны бытъ совершаемы съ нѣкотораго рода недоувѣрчивосцію къ своимъ выводамъ; особенно когда слѣдствія, какія даютъ онѣ, новы, необыкновенны. Но, простирая сіи недоувѣрчивоспъ далѣе надлежащихъ предѣловъ, можно оспавлять слишкомъ много мѣста несправедливымъ предубѣжденіямъ, пертъпъ долѣше надлежащаго ясно опровергающіяся заблужденія.—Согласенъ, что есть истины важныя, кои не хотѣлось бы подвергать и минувшему сомнѣнію : но—если уже убѣжденіе человѣческое не иначе можетъ развиваться и усиливаться, какъ только посредствомъ недоувѣрливаго испытанія: то—можно и должно позволить и нѣкотораго рода недоувѣрчивоспъ, какъ злонеобходимое, неизбѣжное. Чпобъ ограничить дѣйствіе сего зла: слѣдуетъ только поощрять изысканія истиннаго и поощрять доспапочно ; иначе человѣческое предрасположеніе ко злу разовьется въ склонность къ испроверженію вѣрнаго, тогда прямо препятствовашъ распространенію зла будетъ значить только помогашъ его разширенію.

Съ другой спороны сомнѣніе такъ возникаетъ естественпо, такъ образуется легко,

и вмѣстѣ приносишь такую пользу, что и подавлять его иногда было бы неблагоразумно. Небольшой навыкъ сближать мысли только дѣйствительно близкія между собою; небольшой опытъ исправленія своихъ спарыхъ мнѣній посредствомъ сего сближенія—раждаетъ уже сильное желаніе опыскать достаточное основаніе на все, чему доселѣ вѣрилъ, или что считалъ вѣрнымъ. — Само собою разумѣется, что первые порывы подобнаго перебора своихъ мыслей не всегда бывають скромны; въ слабости своихъ познаній и силъ всему скоро находятъ достаточныя основанія, человекъ увѣряется довольно поздно. Завсѣмъ пѣтъ однажды пробудившаяся изыскательность рѣдко засыпаетъ снова на спаромъ. Жажда основательности безпрестанно увлекаетъ человека дальше и дальше въ глубь изслѣдованій. Часто самъ пуспившійся въ изысканія бываетъ нерадъ своему предпріятію: предъ нимъ частъ онъ часу открывающія новыя бездны; мысли и звѣнья, дополѣ пѣсно связанныя распадающія; сомнѣніе, какъ острый ножъ въ рукахъ Анапомика, знаетъ только разсѣкать бывшее дополѣ по видимому спройнымъ; какъ огонь или кислота

Химика разрѣшаетъ самыя сложныя составы предпавленій: со всѣмъ тѣмъ какъ безъ химическихъ опытовъ, безъ анатомическаго разложенія мы не зналибы ни состава тѣлъ неорганическихъ, ни строенія тѣлъ органическихъ; какъ только посредствомъ сихъ опытовъ надъ природою мы узнаемъ ея работу и вещества, коими она образуетъ тѣла, — узнаемъ жизнь сихъ существъ: такъ и безъ разбора системы мыслей, безъ изысканія ихъ связи, взаимнаго соотношенія, не лзя узнать истинную систему мыслей намъ естественныхъ, дойти до коренной мысли, легко объясняющей бытiе и жизнь. Сомнѣнiе необходимо и вмѣстѣ полезно. Изыскательность ведетъ къ исправленiю нашихъ мыслей невѣрныхъ, собранныхъ подъ руководствомъ общаго смысла; и можетъ служить къ большому убѣжденiю въ необходимости и неприкосновенности самыхъ истинъ вѣры. Подавляя его при изысканiяхъ философскихъ значилобы обнаруживать малодушную боязливостъ тамъ, гдѣ нужно развивать всю свѣжесть силъ разумѣнiя.

75. Сомнѣнiе можетъ имѣть два направленiя, какъ всякая вещь двойное употребленiе. Мы

одобряемъ сомнѣніе, какъ начало усилій духа человѣческаго прояснить и разширить для себя область истиннаго : — но опровергаемъ сомнѣніе безъ вѣры, которое не знаетъ ничего священнаго, которому не на чѣмъ и остановиться. — Если нѣкоторыя философскія мысли мы до времени и называемъ предположеніями: то опинюдь не попому, чпобы желали испровергнушь всякую истину, все знаніе человѣческое преврапимъ въ однѣ гаданія, но попому, чпо должны были показатъ, какъ вышшія мысли, возникая въ умѣ, мало по малу приходятъ въ немъ въ ясность. — Не можешъ бышь, въ эпомъ мы увѣрены вмѣстѣ съ другими, не можешъ бышь, чпобъ нѣкоторыя философскія мысли, не были вѣрны сами по себѣ, независимо отъ нашего представленія. Но иное дѣло вѣрность мысли внѣ нашего сознанія; иное дѣло ясность сознанія истины, основательность убѣжденія въ ней. Если бы мы могли усвоить только однѣ мысли вѣрныя, а мысли неосновательныя не вкрадывались въ душу нашу : тогда не было бы нужды ни въ какихъ пріемахъ, сопрягающихся съ нѣкотораго рода недоувѣрчивостію. Но когда умъ при развишіи своемъ къ совершенству непримѣш-

но успѣваетъ самъ образоваться, или опть другихъ принять представленія невѣрныя; когда сами гениальные умы въ пареніи своемъ за предѣлы чувственнаго созидаютъ мысли неспройныя: тогда раждается уже не только потребность, но и обязанность очиспить высоту мысли, смѣшавшіяся въ душѣ съ понятіями ложными, перевести въ живое убѣжденіе однѣ представленія вѣрныя. Тогда нужно уже сдѣлать всецѣлую обработку своихъ представлений, чпобъ дать своимъ мыслямъ видъ естественный, оригинальный, усвоить взгляды на бытіе и жизнь — правильные. —

Какъ скоро начашъ сей учебный пересмотръ своихъ убѣжденій, какъ скоро родилась задача съ опчепливостію соспавишь кругъ своихъ мыслей: всѣ мысли доселѣ принятыя въ сознаніе спановяются сомнительными; сознаніе, какъ бы опдѣляетъ себя опть нихъ, чпобъ снова образовать кругъ понятій, но совершенно основательныхъ. Въ семъ случаѣ самыя возвышенныя мысли до рѣскаго ихъ подпвержденія могутъ оспаваться въ общемъ ряду представленій, только имѣющихъ еще припязаніе на довѣріе. Онѣ могутъ и должны перейти въ наше сознаніе, если онѣ ис-

пинны, но не раньше, какъ когда основательныя соображенія покажутъ ихъ непрерываемую дословѣрность. Сами мысли въ семъ случаѣ не измѣняются въ существѣ своемъ, измѣняются только ихъ отношеніе къ уму, который, усмотрѣвъ ихъ необходимость и связь съ другими убѣжденіями сознанія, переводитъ изъ ряда гаданій чужихъ въ рядъ убѣжденій собственныхъ, принимаемыхъ съ яснымъ сознаніемъ ихъ вѣрности. Въ семъ случаѣ изыскатель только на время спавивается въ рядъ неуверенныхъ, чтобы открыть и проложить путь къ живой уверенности. Наука не только позволяетъ, но необходимо требуетъ подобнаго взгляда. — Не споримъ, что проясненіе своихъ мыслей посредствомъ подобнаго пріема, совершается въ душѣ очень немногихъ; большая часть обыкновенно признаетъ мысли вѣрными безъ собственныхъ изслѣдованій, по довѣрію къ ихъ давности, иногда мнимой всеобщности. Можемъ даже сказать, что уверенность въ нѣкоторыхъ вышшихъ истинахъ нераздѣльна съ бытіемъ души нашей: но все это никакъ не даетъ права считать крипическую пересмотръ нашихъ мыслей излишнимъ. Умъ человѣческій всегда бу-

дешъ смѣло возникашь къ изыскапельности, и всегда приходишь чрезъ нее къ живому убѣжденію; ибо сомнѣніе въ рукахъ Философовъ не есть цѣль; оно есть только средство, временный пріемъ, приготоовляющій къ утвержденію своей увѣренности.

76. Послѣ сего можно судить, какъ основательно по опасеніе, будпо раскрытый нами пріемъ разрушилеленъ. Наоборотъ надобно сказать, имъ только собственно и усовершающся и очищающся наши познанія. Истина, поставленная въ рядъ предположеній конечно нисколько опъ того не потеряешь, что ее подвергнушь повѣркѣ, испытанію; въ семъ испытаніи только яснѣе опкроепся ея достоверность, только рѣче опланичпся она здѣсь оппо лжи; очевидное покажетъ превратный видъ сей послѣдней. Между пѣмъ для обличенія мыслей ложныхъ и слѣд. для предполагаемаго очищенія своей увѣренности нѣтъ лучшаго средства, какъ строгое испытаніе. Говорю: строгое испытаніе: ибо часто неумѣренная жажда познаній препятствуетъ принимашъ свѣдѣнія со всею осторожностію; желая узнать какъ можно больше, легко забываешь потребность предварительнаго со-

ображенія. — Допустивъ же оныя однажды, умъ слабый и совершенно увольняетъ себя опъ труда изслѣдованія вѣрности мыслей, какъ будто бы сила ума нашего содѣлывала ихъ дѣйствительными истинами. Тѣмъ недовѣрчивѣе долженъ быть умъ твердый, когда рано или поздно для него наступитъ пора самоиспытельности. Тогда еспешвенно онъ долженъ начать переборку собраннаго матеріала, со всею къ нему недовѣрчивостію. — Но спрашивается: какой вредъ можешь причинить сей недовѣрчивый пересмотръ собранныхъ понятій; ближе къ нашему предмету, что опаснаго предоспаляетъ крипическій пересмотръ различныхъ Философскихъ поясненій на жизнь природы? Ничего, кроме той выгоды, что онъ покажетъ, который изъ высказанныхъ Философами взглядовъ еспешвеннѣе, и который дальше опъ природы. ср. стр. 67. —

77. Согласенъ, тяжело было бы позволить подобный пересмотръ, когда бы онъ не инымъ чѣмъ могъ и долженъ былъ оканчиваться, какъ поперею увѣренности въ вышшихъ горнихъ истинахъ. Такъ сіи истины важны для укрѣпленія духа нашего, такъ нѣкоторыя изъ нихъ оправдны для сердца. Жалко, очень

жалко было бы позволить людям пускаться въ разысканія, необходимо имѣющія разувѣрившъ въ сихъ мысляхъ выпренихъ. Но сколько сія соспрадапельная боязнь за спокойствіе чело-вѣческаго сердца достохвальна: столько слѣдствія оной нежеланны, когда она перераждается въ желаніе долѣе надлежащаго удерживать разумъ опъ изысканій самостоятельныхъ.—Такъ, если бы не было никакихъ средствъ искупить бытіе и твердость тѣхъ вышшихъ истинъ, какъ скоро подвергающа онъ разбору спрогому; — если бы истины выпрениа, проявлясь неизвѣстно какъ въ родѣ нашемъ, спояли въ умъ безъ всякаго соприкосновенія съ мыслями другими—неудоборазгадаемыя, важныя для снспемы нашихъ убѣжденій, но внѣ всякой возможности своего подптвержденія:—можно было бы одобрить усилія положить людямъ преграду, да не знаютъ они шаякихъ сомнѣній, неизбежно влекущихъ за собою отверженіе всѣхъ высокихъ предспавленій. — Но Философская изыскапельность имѣеть подъ рукою очень достапачное средство и къ проясненію и къ подптверженію тѣхъ истинъ. Подвергая оныя своему пересмотру, она шолько приближаетъ

ихъ къ нашему сознанию, расширяеть ихъ вліяніе въ области мыслей, спавишь ихъ руководными во главу нашихъ убѣжденій и шѣмъ пригоповляеть сильное проявленіе сихъ истинъ въ самомъ быпу жишейскомъ. Если шѣхъ истинъ не можеть она подшверждашь по законамъ мышленія подчинительнаго (логическаго): то можеть подкрѣпляшь ихъ сблизеніемъ съ міромъ опыта, — быпомъ дѣйствительнымъ, близости коего къ разумѣнію никшо не оспоривать, важности коего для обсуда нашихъ мірообъяснительныхъ догадокъ не можеть оприцать сама Философія. По правильному понятію о развитіи нашего мышленія она знаеть, что дѣйствительность и видъ извѣстнаго ряда явленій служить для насъ доспапочною порукою въ дѣйствительности и извѣстной природѣ силы, которую мы принимаемъ для ихъ проясненія, что еслибъ мы приняли за правило вѣришь однимъ своимъ чувствомъ шѣлеснымъ: кругъ нашей увѣренности могъ бы бышь обширенъ, но мы не имѣли бы въ немъ шочки опоры и единства, къ коему спремимся въ своихъ представленіяхъ. — По наспроенію своей природы мы должны и можемъ довѣрять не

однимъ только своимъ чувствомъ, но и внутренностямъ, или лучше, прехобаніямъ ума своего. По симъ-то неопразимымъ прехобаніямъ ума возникаетъ и проясняется для насъ наряду съ дѣйствительностью міра видимаго дѣйствительность неподлежащаго чувствуемъ; самъ Философъ по сему же основанію допускаетъ истину міра духовнаго— съ тою только разностью, что онъ яснѣе сознаетъ основаніе, на коемъ зиждется его убѣжденіе въ сихъ вышшихъ мысляхъ. Его изыскательность слѣд. ведетъ только къ проясненію нашего сознанія тѣхъ истинъ, а не къ опроверженію ихъ, какъ обыкновенно подозреваютъ.

78. Припомъ же раскрытымъ пріемомъ Философія почти нисколько не отличаетъ отъ другихъ наукъ. Если бы онъ дѣйствительно былъ опасенъ, давно бы рухнули другія науки. Въ самомъ дѣлѣ, не упоминая о Физикѣ, сравненіемъ съ пріемами которой мы проясляли и пріемъ умѣстный въ Философіи, во всякой положительной (Богословской или Юридической) Догматикѣ, главную задачу составляетъ открытіе мыслей умозрительныхъ, которыхъ бы доспапочно проясляли всѣ мѣста памятниковъ (вѣры или права), принад-

лежація къ одному роду. И опкрытію сихъ мыслей всегда предшеспвовали вначалѣ догадочныя полько соображенія. Въ послѣдствіи мысли, составленныя посредспвомъ сихъ соображеній, оказывшись ли дѣйспвительсно согласными съ мѣспами памяшниковъ и вырнымъ ихъ пониманіемъ, или полько ушверженныя авпориппешомъ лицъ, оныя образовавшихъ, легко и скоро переходящъ въ число истинъ непреложныхъ; бывъ сначала полько зыбкимъ плодомъ усилій ума человѣческаго прояснишь для себя былевое, поможипельное, съ печеніемъ вѣковъ ушверждающа не рѣдко больше и больше: но глазъ разборчивый не можешъ не видѣшь ихъ происхожденія. — Новыя лица съ свѣжими дарованіями, съ новымъ образованіемъ, могушь повпоряпъ въ себѣ происхожденіе и ушверженіе пѣхъ мыслей и больше или меньше усмапривапъ ихъ еспеспвенносшь. Такъ и не иначе могушь зрѣшь всѣ науки. Былевое вездѣ не подвижно; но взгляды на него могушь измѣняпъся, съ большимъ или меньшимъ плодомъ для зрѣлоспи нашихъ познаній.

Наконецъ, чпобъ правильнѣе судипъ объ изысканіяхъ философскихъ, надобно сообра-

зипь довольно обстоятельно и по, что предпріятіе, которое по необходимости беретъ на себя Философія, вступаая въ поприще своихъ изслѣдованій, совѣтъ не маловажное. Для того, чтобъ до основаній изслѣдовать и опредѣлить систему мыслей нашему роду еспешственныхъ, надобно опрѣшиться опъ вѣсхъ предспавленій, какія образуются въ насъ подъ вліяніемъ условій времени и мѣста; только при такой опрѣшенности и прямомъ направленіи можно образоваць въ себѣ предспавленія наиболее согласныя съ нашею природою. Людямъ не наспроеннымъ для изысканій учебныхъ подобное какъ бы отверженіе мыслей можетъ показаться неуваженіемъ къ истинѣ: но, если гдѣ оказывается полное уваженіе къ ней, по именно въ семъ дѣлѣ сопряженномъ всегда съ нѣкотораго рода самопожертвованіемъ. Правильное разумѣніе и исполненіе сего приема еспь всегдашнее пребываніе, и самая нелегкая задача Философіи. Опъ неудачи въ ней сокрушались собспвенно вѣ усилія мыслителей самостоятельныхъ (*).

(*) Абстракція последней школы Гегеля, еспь преувщренное требованіе сего же самаго приема. —

79. Если послѣ сего покажется еще соблазнительнымъ, что мы умозрительныя мысли, поясняющія міръ, назвали гаданіями и усвоили Философіи право прибѣгать къ нимъ: по должно замѣтить, что съ словомъ предположеніе, догадка, мы соединяемъ понятіе гораздо благороднѣе, нежели какое соединяютъ обыкновенно. Догадкою обыкновенно зовутъ такую мысль, которой не хопятъ вѣрить. Еспешвенно, что въ подобномъ смыслѣ не лзя назвать догадками всѣхъ умозрительныхъ мыслей. — Догадкою называемъ мы первоначальное проявленіе нашей разумности, первое движеніе идеи. Въ семъ смыслѣ мы гораздо чаще руководимся догадкою, нежели думаемъ. До развитія сознанія разумнаго въ полную ясность человекъ всегда дѣйствуетъ болѣе по темнымъ догадкамъ. Первыя понятія о духовномъ суть тѣже чаянія, только твердо принимающія нами пошому, что на нижней степені развитія темное чаяніе доводовъ замѣняетъ вполне ихъ ясное изложеніе въ Философіи. И если по требованію сего же чувства иногда бываютъ слишкомъ неперпѣливы къ разномыслящимъ: по именно пошому, что на сей степені не знаютъ еще ошибокъ, слишкомъ довѣрчивы

къ лишь возникшымъ мыслямъ. Между тѣмъ надобно согласиться, что наше сознание необходимо подлежитъ развишю, — и сие развишю зависить не только отъ возрастанія тѣла, но и отъ упражненія въ мышленіи. Сіе - по раскрышю созерцательности дѣлаеть, что мысль, находящаяся въ умѣ одного въ видѣ гаданія, въ умѣ другаго проясняется до свѣтлаго разумѣнія. Теперь, хотя извѣстная мысль и въ томъ въ другомъ случаѣ можетъ быть вѣрною: все наука, занимающаяся развишемъ мыслей въ сознаніи, можетъ первый видѣ ихъ по вѣмъ правамъ называть своимъ именемъ.

80. При томъ же къ числу сихъ догадокъ мы относимъ не однѣ чаянія общаго смысла: но и цѣлосообразительныя представленія мыслимыхъ гениальныхъ. Мы дали мѣсто симъ умственнымъ догадкамъ въ дѣлѣ философствованія пошому, что объясненіе міра не иначе можетъ подвигаться, какъ посредствомъ сихъ идеальныхъ созерцаній. Но вмѣстѣ съ симъ увѣрены, что онѣ не всегда могутъ быть истинны, что слѣд. нужна спрота крипическая переработка, чтобы судить, которая изъ нихъ ближе къ истинѣ. Сей пере-

смотримъ принимаешь на себя палантъ и не можешь принявъ самъ философскій геній. Обсуживая свои мысли, сей послѣдній только усиливается бы больше и больше обдѣлать подъ нихъ понятія міра опытнаго. Извѣстно, какое сильное вліяніе на сихъ необыкновенныхъ людей (разумѣю геніевъ) имѣютъ ихъ оригинальныя догадки. Геній легко связываетъ и понимаетъ самыя далекія и переихищренныя мысли. Да и чадолубивое око изобрѣтателей, какъ извѣстно, не доглядываетъ недоспашковъ въ собственныхъ мысляхъ; только глазъ лицъ спороннихъ можетъ открывать оныя. Не привыкши къ той высотѣ, на которой безболзненно и швердо держится геній философскій, палантъ только медленно и слѣд. осмотрипельно долженъ восходить на оную. Съ сею медленностію онъ скорѣе подмѣчаетъ ошибки генія, и, если имѣетъ довольно самоспашпельности, чшобъ не покориться увлекающей силѣ какаго нибудь генія, лучше можетъ очершнить, скажемъ шакъ, пусть мыслей намъ еспешивенный. Ибо люди сего рода чужды запредѣльности мыслей, споль обыкновенной для геніевъ. Между шѣмъ не лзя бояться и того, чшобъ палантъ могъ когда

либо совершенно испровергнувъ всѣ геніальныя созданія: ибо геніальное произпекло изъ поймае челоѵческой природы, и всегда вынудитъ признавъ и уважитъ себя, какъ скоро произпекло изъ правильного развитія и паренія мысли. Но опнимитъ право суда о достоинствѣ сихъ мыслей у людей, сполщихъ на средней ступени между общимъ смысломъ и выспреннымъ геніемъ, что будетъ? Всякое мнѣніе философское, или равно будетъ испина, что для самой испины едвали выгодно; или всѣ мысли должны будущъ оставаться для насъ въ безразличномъ неважномъ значеніи. Недовѣрчивая искапельность испины, припикая пеперь испыпальнымъ окомъ къ мыслямъ вышшимъ, высказаннымъ геніями, и находя ихъ совершеннымъ оппечаткомъ, или лучше, чиспымъ первообразомъ доступнаго для нее дѣйспивительнаго, съ радоспійю приемлетъ испину, дороже цѣнитъ ее, крѣпче держится, больше усиливается прояснить и развитъ! — Плодъ горькаго сомнѣнія гораздо припнѣе, гораздо пишательнѣе произведеній слабодѣйспвеннаго довѣрія! — Ибо строгое испыпание при спепенномъ, не вольномъ (Iricole) желаніи испины, всегда можешъ и должно

веспи къ основательному суду объ извѣстныхъ мысляхъ, хопябы - по выходящихъ за предѣлы разумѣнія обыкновеннаго.

81. И если умъ обыкновенный не всегда можетъ предсавить въ ясномъ, полномъ видѣ по спроеое согласіе предположительной мысли съ дѣйствительнымъ и симъ оправдать умозрительную догадку: по вина сему лежить не всегда на Философіи, которая не иначе, какъ только съ большою оспорожностію должна прояснять дѣйствительное, а не говорить оракуломъ, какъ бы съ воодушевленнаго преножника; но иногда и на природѣ самаго ума ограниченнаго, для коего и истина ограничена. (Философія виновна только тогда, когда она дерзко разрушаетъ памъ, гдѣ бы слѣдовало только разбираться. При степенности и благонамѣренности она можетъ держать себя выше всѣхъ приязаній неумѣренныхъ, выше всякаго суда превращающаго.) Между мыслями предполагаемыми и бышомъ дѣйствительнымъ, — здѣсь устранимъ одно мнимое противорѣчіе, которое можетъ возбудить недоумѣніе въ людяхъ мало упражнявшихся въ мышленіи, могутъ выходить разногласія, вовсе недоспапочныя къ опроверженію мысли философской. Въ такомъ случаѣ

испочникъ разногласія соспавляепъ обыкновенно или неполное, несвѣрное познаніе самаго дѣйствительнаго, или высшего умоузнанія, копорая необходимо должна поспавляпъ насъ въ нѣкопорое разногласіе съ обыкновеннымъ положеніемъ предметовъ. Въ первомъ случаѣ обязанность: доводити до возможнаго совершенства разумнѣе дѣйствительнаго, въ послѣднемъ — исправляпъ самое дѣйствительное.

82. Въ семъ послѣднемъ случаѣ можно бы даже повѣрку мысли перенести въ обласпъ самаго ума, и спрашивапъ, сколько мысль согласуешя съ другими представленіями нашего ума, подтвердившими исполнѣ свою вѣрность, или и просто съ настроеніемъ нашего духа. Не лзя же представити умъ нашъ безъ извѣстныхъ законовъ, по коимъ онъ природоу нудитя образовапъ свои представленія. Сличеніе съ сими требованіями ума слѣд. могло бы быти поспавлено главнымъ судилищемъ (*κριτηριον*) философскихъ догадокъ, еслибъ оно не заключалось уже въ первомъ. Только поелику съ одной спороны самые законы ума нашего не споль еще для насъ очевидны и ясны, какъ исправныя представленія общаго смысла и слѣд. поелику повѣрка по онымъ всегда можешъ ка-

запсья, какъ и дѣйствительнo бываетъ, нерѣшительнoю; поелику съ другой споронь, нельзя предспавить приуказанномъ нами согласіи ума съ природою, чшобы нѣмъ законамъ или претованіямъ нашего ума не опвѣчало что либо дѣйствительнo въ самой природѣ: по гораздо еспественнѣе удержатъ принятое нами судилище мыслей философскихъ, сосполящее въ повѣркѣ оныхъ дѣйствительнымъ быпомъ (природы и нашего сознанія). Близоспъ къ сему быпу мыслей умозрительныхъ, еспественность его образованія и объясненія по мысли созерцательной — еспъ послѣдняя основа всякой достовѣрности. Подъ быпомъ предметовъ дѣйствительнымъ не надобно пониматъ одно положеніе ихъ внѣ всякаго сознанія и независимо опъ нашего сознанія: но вмѣстѣ и необходимый для нашего ума образъ мышленія о сихъ предметахъ, или представленія себѣ оныхъ. Ибо быпъ вещей выражаепся не въ одномъ временномъ ихъ положеніи: но во всей совокупности ихъ опношеній, къ коимъ принадлежатъ и ихъ неизмѣнное опношеніе къ нашему сознанію.

85. Съ другой споронь быпъ предметовъ долженъ обозначатъ всю совокупность ихъ по-

ложеній и законовъ. Сія совокупность законовъ, какъ извѣстно, не выражается въ жизни предметовъ въ каждое мгновеніе ихъ существованія. Хотя въ сей жизни не можешь ничего проявиться такого, на пріятіе чего не было бы основанія въ самой природѣ предметовъ: однакожь въ каждомъ положеніи предмета всегда выражается болѣе полько одна сторона его, тогда какъ другая остается болѣе сокровенною, и полько опытное око можетъ прозирашь ее. Теперь когда нужно взять всю жизнь, весь бытъ природы, какъ это должно бытъ въ упомянутомъ сличеніи, надобно будешь уже не упустишь изъ вида и стороны или явленія предмета, которыя проявляющся въ немъ рѣже. Еще должно сказать, нѣкоторыя изъ сихъ спорныхъ предметовъ болѣе должны бытъ взяты въ соображеніе, что онѣ составляютъ какъ бы идеальное въ немъ, слѣдов. шакое, къ чему онъ рѣдко поднимается. На примѣръ все лянѣ. Кто мысль о свободѣ челоуѣка захопѣлъ бы повѣрнул бышомъ дѣйствительнымъ: разумѣется съ трудомъ могъ бы убѣдись въ свободѣ челоуѣка, еслибы оспановилъ свой взоръ на обыкновенныхъ всеневныхъ его поступкахъ. Тогда какъ

по моему мнѣнію, которое думаю раздѣлишь можешь всякой, въ семь случаев и одинъ свободный поступокъ одного недѣлимаго въ цѣломъ родѣ человѣческомъ достапочень былъ бы подтвердишь мысль о нашей свободѣ, и перевести ее въ рядъ истинъ непреложныхъ. Не говорю уже о томъ, что свобода есть нѣчто внутреннее, и съ трудомъ можешь быть выведена наружу, что даѣе требованія и чувства нравственные признаваемыя всѣми людьми и слѣд. разумомъ цѣлаго человѣчества суть вѣрная порука нашей свободы, порука имѣющая дѣйствительность неопровержимую.

Прилаганіе. Постановленіемъ указанныхъ границъ для умозрительныхъ изысканій мы вполне сохраняемъ себя отъ тѣхъ запредѣльныхъ взглядовъ, какими особенно въ новѣйшее время изобиловало Нѣмецкое любомудріе. Въ своемъ полетѣ за все возможные границы, новѣйшіе мыслители, чѣмъ защищаясь отъ обвиненій въ уклоненіи отъ требованій здраваго смысла, вздумали утверждать, что наше сознаніе въ обыкновенномъ его положеніи, п. е. непреложное Философіею, содержишь въ себѣ первое обольщеніе (*πρωτον ψευδος*), представляешь нѣчто дѣйствительнымъ, что опровергается развитіемъ мысленія философскаго. Бѣдная защита! — Опираясь на общемъ смыслѣ и поднявшись на его под-

спавкахъ, а послѣ подкапывая оный, Философія рушишь только всецѣло саму себя. Чшобъ не оспашься на высоту умозрѣнїа безъ всякой опоры Философія должна непремѣнно придерживашься общаго смысла, первыхъ убъжденїй нашего сознанїа, и не разрушашь оныя въ послѣдствїи, а развѣ подкрѣпимъ новыми опорами. Впрочемъ къ сему предмету мы еще возвратимся. Теперь обратимся къ защитѣ умѣстности философскихъ изслѣдованїй при всемъ господствѣ вѣры и общаго смысла.

Умѣстность философскихъ изслѣдованїй при всемъ владыкествѣ вѣры и неприкосновенности общаго смысла.

84. Найдутся, можетъ быть, какъ и дѣйствительно бывали, люди, коимъ изслѣдованїа философскїа покажутся излишними при томъ богатомъ запасѣ священныхъ истинъ, копорый доставляетъ намъ вѣра; или и вовсе несомѣстными съ тѣмъ уваженїемъ, копорое мы должны питашь къ религїи и внушенїямъ общаго здраваго смысла. — Люди сїи разсуждають обыкновенно слѣдующимъ образомъ: Исторїа Философїи давно показала безсилїе ума обрѣсти истину; сама Философія, эго, какъ говорятъ, высшее развитїе ума, не рѣдко вмѣсто того, чшобы поборащъ по истинѣ, ниспровергала ее; не лучшели ош-

вергнушь всякое философствованіе, какъ дѣло, препяпспвующее утверждапсь въ испинахъ вѣры? Тогда, какъ Философія все подвергаетъ сомнѣнію, даже и пакое, въ чемъ общій смыслъ человѣческой никогда не думалъ сомнѣваться; тогда какъ она пакаимъ образомъ, мало сказать, перелепъ, произвольно оппказывается оппъ испины, чпобъ. оппкрыпъ, кпо знаетъ что? — не лучше ли, не знакомаясь ни съ какими суешными сомнѣніями, изысканною недовѣрчивостію къ силамъ своего ума — въ проспонтъ сердца держатъ всякому ясныхъ испинъ вѣры и общаго смысла? —

Что сказать на сія скромныя въ семъ видѣ предложенія и совѣты? — Прежде всякаго оппвѣща по, что онѣ происпекаютъ изъ благородной конечно ревности по вѣрѣ, но вмѣстѣ и изъ невѣрнаго понятія о цѣли и проявленіяхъ философствованія, изъ нѣкопной неясности взгляда на способъ нашего убѣжденія въ самыхъ испинахъ вѣры. Онѣ необходимо должны оппкрыватъся при извѣспной любви къ спокойспвію умспвенному и преимущеспвенномъ расположеніи къ дѣяпельнымъ подвигамъ, — при сильномъ желаніи убѣдений швердыхъ, непреложныхъ и недовѣрчивости

къ силамъ собственнымъ. Мы должны поспешно только возвести недовѣрчивыхъ къ тому убѣжденію, что изысканія ума любознательнаго не могутъ быть вовсе замѣнены простымъ усвоеніемъ вѣщаній вѣры и общаго смысла: что на основаніи сихъ послѣднихъ онѣ необходимо и естественнымъ образомъ развиваются, и опинуть не должны вести къ слѣдствіямъ опаснымъ для вѣры, какъ иногда думаютъ.

85. Такъ, скажемъ въ опроверженіи: можно, даже должно имѣть полное довѣріе къ вѣщаніямъ вѣры и общаго смысла: не усвоивъ спасительныхъ внушеній первой, не руководясь послѣднимъ, человекъ не имѣлъ бы ничего швердаго, не зналъ бы, или не памятовалъ бы своего назначенія, не былъ бы въ состояніи подняться до проясненія собственного сознанія. Ибо вообще тогда только и раскрывается въ насъ ясное обличіе человѣческой разумности, когда мы усвоимъ лучшія убѣжденія другихъ лицъ изъ рода нашего, которые по собственнымъ ли дарованіямъ души, или по особенному благопріятному спеченію обшпешельствъ, опередили насъ въ религіозномъ Боговѣденіи, высоко поднялись въ разуменіи или живомъ ощущеніи нашей плѣсной связи

съ Божеспвомъ. Только на основаніи извѣстныхъ убѣжденій, принимаемыхъ по общему смыслу можесть развѣпсья и философскій взглядъ на вещи. — Но на сихъ вѣщаніяхъ вѣры мы погда бы полько могли оспанавливапсья, далѣ внушеній общаго смысла мы погда полько могли бы не просширапсья: когда бы не находили въ себѣ непреодолимаго призванія къ ясности и созканію основательности своихъ убѣжденій; когда бы всякая вѣра въ родѣ челоѣтческомъ была истинная, полько помогала поржественному развѣпю въ насъ челоѣтческой. Но, если надобно согласипсья съ одной спороны въ томъ, что въ родѣ челоѣтческомъ еспь религіи несовершенныя, копорья не во всемъ помогающъ развѣпю челоѣтческаго характѣра въ идеальномъ его совершенствѣ, что соспавляесть неопмѣнное назначеніе всякой Религіи;— съ другой, что всѣ мы своею разумностию необходимо призываемся къ самоощепливости въ своемъ образѣ мыслей и дѣйспвій: то не полько нужно будещъ позволипсь, но должно даже въ обязанность посшавипсь, чтобъ всякой ближе вразумлялъ себя въ основанія своей увѣренности, усиливался развѣпсь еспеспвенный себѣ образъ убѣжденія со всею

ясностию разумнаго сознанія. Какъ скоро подобное самовразумленіе спановишься челоѣку необходимостию: онъ не можетъ уже учебнымъ образомъ раскрывать своихъ убѣжденій, не поспавляясь необходимо въ сферу мыслей вышшую, не спараясь въ дѣнїемъ разумнымъ обняшь убѣженія шой Религіи, которую усвоить досель безъ яснаго сознанія основаній. Мы видѣли уже, какъ совершается обыкновенно наше убѣженіе въ испинахъ сверхопышныхъ. Для принятія извѣспной мысли сего рода нужно спавъ выше ея (см. § 74, 75), усмотрѣшь связь ея съ другими и опношеніе къ тому ряду мыслей, въ соопношеніе съ коимъ она поспавляется. Только опрѣшаясь изъ подѣ власпи сей мысли, дѣлая ее предположительною, мы можемъ усвоить ея послѣ со всѣмъ сознаніемъ уясненнымъ. Такъ и въ дѣлѣ усвоенія испинъ вѣры. Надобно имѣшь сполько возвышенности духа, чпобѣ вознесишь до разумнїя основаній, по которымъ убѣженія извѣспной вѣры шидѣлаешь своими. — Теперь спрашивается: гдѣ же будешь искать *подкрѣпленія* въ основательности извѣспнаго религіознаго убѣженія, если вздумаешь опвергнушь всякую Философію? Въ самыхъ мысляхъ челоѣческихъ сего

подкрѣпленія положишь не возможно, въ требованіяхъ сердца еще менѣе; первыя безъ Философіи могутъ быть ошибочны; послѣднія— превратны; авторитетъ Религіи,—подлежитъ еще только подтвержденію. Так. обр. тамъ, гдѣ ищутъ опчепливаго убѣжденія въ вѣрѣ, только наука, помогающая вышшему развитію нашего самосознанія можетъ подавать надежную помощь. Только чрезъ посредство Философіи убѣжденія вѣры могутъ прививаться къ душѣ во всей чистотѣ; только собственная работа мышленіемъ—оплечительный характеръ Философіи, какъ увидимъ ниже, обращаетъ намъ въ сокъ и кровь истины религіозныя, исправляетъ убѣжденія смысла общаго. Принятія не чрезъ самоспоплетельное изслѣдованіе сіи истины, не всегда сильно питаютъ и обновляютъ жизнь души нашей.

86. Не напрасно природа вложила челоѣку такое стремленіе къ благородной развязности мышленія, къ сему развитію самосознанія, въ которомъ мы указали верхъ челоѣческаго совершенства. Противъ сего стремленія не идетъ никакая Религія. Религія можетъ только оспешать его, содѣйствовать ему.— Почему при всемъ глубокомъ уваженіи къ вѣщаніямъ вѣры и

внушеніямъ общаго смысла никакъ не лѣзя признашь Философію или излишнею, или вовсе ненужною. Вѣра сообщаетъ человѣку истинное, но не лишаетъ его права опискиваться сіе истинное самоспопашельно; вѣра сообщаетъ человѣку истинное, но не всякая; почему и предписывать человѣку довольствоваться одною вѣрою значилобы предписывать ему равнодушіе къ истинѣ.

Область мыслей человѣческихъ никакъ не ограничивается одною вѣрою. Пожелать подобнаго ограниченія и предписать оное возможно и естественпо было бы развѣ тогда, когдабы умъ человѣческой не имѣлъ своего собственнаго настроенія, по коему онъ долженъ былъ дѣйствовать, когда бы не могъ раскрываться до значительной числоты въ каждомъ недѣлимомъ. — Но безъ сего настроенія, безъ стремленія и предрасположенія къ изложенію его въ дѣйствіяхъ, мы не можемъ предсавить ни одного существа въ природѣ, если шолько не хопимъ во всѣ дѣйствія существъ ввести единаго дѣйствующаго Бога, п. е. сдѣлать Его и орудіемъ чисто человѣческихъ поступковъ, и вмѣстѣ по послѣдовательности, виновникомъ дѣйствій не рѣдко пре-

ступныхъ, богохульныхъ. Далѣе—поспавимъ за правило, чпобы, не дѣйствуя самоспояпельно, умъ усволять только, чшо сообщаютъ ему, руководился однимъ довѣріемъ; — чшо будетъ? Тогда способность дѣйствовать самоспояпельно надобно будетъ оспавить, если не одному лицу, то по крайней мѣрѣ только малому числу лицъ; умъ прочихъ долженъ будетъ составлять машину, движущуюся чужою силою, или споять неподвижно на одной почкѣ образованія. — Довѣріе исключительное усвоенное влечетъ за собою мысленное рабство.

87. Конечно человекъ можетъ усвоить извѣстныя мысли вѣрою, можетъ разумѣть многое при одномъ руководствѣ общаго смысла, но пониманіемъ извѣстныхъ мыслей, принятіемъ извѣстнаго предспавленія въ сознаніе не оканчивается дѣло человеческого вѣдѣнія. Въспитъ съ самымъ принятіемъ въ сознаніе извѣстныхъ мыслей при значительной степени разумаго образованія рождаются уже такіе вопросы, рѣшеніе коихъ не возможно въ предѣлахъ общаго смысла, или простой вѣры. Ибо на всякое усвоеніе извѣстныхъ мыслей разумъ нашъ скоро начинаетъ спрбовать dospaпоч-

ныхъ основаній. — При малой степени образованности, при небольшой суммѣ соображеній конечно удовлетворяющъ иногда самыя слабыя основанія, самыя опдаленныя мысли, едва нѣсколько относящіяся къ разсмаприваемому предмету. Не такъ бываетъ, когда человекъ подвигается въ своемъ образованіи, что необходимо воспослѣдуетъ, какъ скоро при благопріятствѣ внѣшнихъ обстоятельствъ свѣжестъ силъ внутреннихъ оплодотворяется вышшими истинами вѣры. Подъ благотворнымъ вліяніемъ Религіи человекъ необходимо возникаетъ къ развитію въ себѣ чисто человеческого характера. Тогда онъ не можетъ уже удовлетворяться основаніями слабыми, сближеніями невѣрными, выводами ошибочными. Припомъ же прежде нежели вполне успѣетъ развиться сей характеръ, много должно воспослѣдовать видоизмѣненій въ мысляхъ, въ числѣ коихъ выходятъ и не совсѣмъ радующія. Это сомнѣнія—горькій, незрѣлый плодъ значительныхъ успѣховъ ума, и вмѣстѣ живой знакъ усремленія сердца къ удовлетворенію себѣ путемъ швердыхъ и основательныхъ убѣжденій! —

88. Какъ скоро началось подобное броженіе

въ мысляхъ, — его неблагоразумно уже оспанавливать опьяніемъ средствъ къ дальнѣйшему преспѣванію въ мысляхъ; умѣйше уважишь это медленное развитіе мысли; въ немъ угопвляешься плодъ зрѣлый, пишательный. Не опклоняйше вопросовъ ума пыпливаго однимъ указаніемъ на давность, общность: ибо въ семь соспояніи умъ не захочетъ имъ однѣмъ покоряться; мысль будетъ доисковаться основанія на самый авторитетъ. — Теперь, хотя по подобной временной непокоривости ума, возникающаго къ самоспоятельности, и можешь показаться благоразумнѣйшимъ дѣломъ та предосторожность, чпобъ не допустишь мысли человѣческія до подобной степени развитія. Испорія дѣйствительно и предспавляетъ примѣры подобныхъ усилій: но сама же Испорія и показываетъ, что въ спереопинной неподвижности — понятій и взглядовъ вѣчно удержатъ не возможно. Это возможно только тогда, когда отъемлются всѣ средства, помогающія развитію организма мысли, — условіе едва ли удобоисполнимое. Тамъ, гдѣ ищущъ образованности, памъ гдѣ Вѣра сама помогаетъ просвѣщенію, спрудно не возникнуть къ спепенному самомыслію. Тамъ и покоряшь вѣрѣ умъ, возникшій

къ такой свободѣ, не иначе уже должно, какъ раскрытіемъ числаго философскаго взгляда на Религію, изложеніемъ всего запаса учености. Здѣсь уже нужно уму-твердому, прошедшему весь періодъ изыскательности, низойти въ кругъ мыслей только еще образующихся, уяснить ихъ направленіе, показать несообразность сомнѣнія, всецѣло проведеннаго, и вести къ убѣжденію путемъ изысканій, а не предписаній своеобразныхъ. (*) — Гдѣ нѣтъ такихъ мужей довольно зрѣлыхъ для того, чтобы руководить другихъ къ зрѣлости вышшей: намъ въ твердой увѣренности, что истинное всегда побораешь, гораздо лучше предоставитъ умъ самому себѣ. Мѣры, не со всемъ нужнымъ соображеніемъ взятыя въ дѣлѣ важномъ, могутъ больше повредить его ходу. — Пропивные элементы старой увѣренности и новаго убѣжденія всегда будутъ бороться, и чѣмъ открытѣе выступаютъ въ своей проповоноложности, тѣмъ ближе примиреніе. Лучшія слѣдствія сей борьбы можетъ подготовлять

(*) Прекрасный отечественный образецъ учебнаго возведенія сомнѣвающихся къ основательному убѣжденію въ нашемъ православіи имѣемъ мы въ *Разговоръ между испытующими и утѣренными*.

только здравая Философія! Ибо Философія, сама развившись на върѣ въ свою очередь, какъ бы въ благодарность развиваешь истины и утверждаетъ важность Вѣры!— Не напрасно новѣйшіе иноспранные Богословы утверждаютъ вѣры между образованными ожидаютъ только на пути ученыхъ изслѣдованій! —

89. Вообще можно замѣтить, что противоположность, въ какую обыкновенно поспавляютъ Философію и вѣру, болѣе кажущаяся, нежели дѣйствительная. Мы не хотимъ симъ превращать одной изъ нихъ въ другую: но можемъ замѣтить, что какъ въ Религіи, такъ и въ Философіи цѣль одна: указать человеку истину, поставитъ его въ надлежащій образъ бытія и дѣйствованія среди сего міра, въ который призвала его Вина всякой жизни; — разность между ними только въ путяхъ, коими онѣ ведутъ человека къ знанію истиннаго. Сообщая истинное, Философія открываетъ и основанія, на которыхъ извѣстная мысль должна быть признана за вѣрную. Она вводитъ всякаго самаго въ пайну рожденія сей мысли, указываетъ, какъ она произникаетъ изъ началъ своихъ, усиливается соприкосновеніемъ съ другими мыслями и возрастаетъ до ясности неоприцаемой.

Развитое сознание своихъ убѣжденій, къ коему успрямляесть и возноситъ Философія, не можетъ передавать истинное иначе, — развѣ приспособляясь къ незрѣлости лицъ, должна иногда сообщитъ истинное въ видѣ положенія! — Памятники вѣры передаютъ истины не языкомъ изысканія, не всегда и съ раскрытіемъ ихъ основаній, съ учебнымъ подтвержденіемъ ихъ непреложности, но языкомъ живаго убѣжденія. Въ органахъ откровенія истинныя мысли возникаютъ преимущественно, не иначе могутъ и передаваться. Вѣра всегда ближе къ общему, простому смыслу человѣческому, какъ все чисто человѣческое необходимо должно болѣе или менѣе съ нимъ сближаться. И Философія не хочетъ итти врозь съ симъ общимъ смысломъ, но усиливается только вознестись на почву вышшую, на почву развитаго сознания своихъ убѣжденій. — Теперь какъ развитое сознание не можетъ быть въ прямой противоположности съ сознаниемъ неразвитымъ, или высреленне наспроеннымъ: то и между Философіею и Религіею раздѣленія полагаемо быть не должно. Изъ двухъ путей, коими можно восходить къ разумѣнію своихъ нормальныхъ отношеній, всегда мо-

жно избирать попу или другой по наспроению своего духа, но исключительно однимъ копорымъ либо довольствоваться невозможно. — Философія при всемъ убѣжденіи въ швердоспи своего хода къ испинному, не можешъ укоряшъ въ усвоеніи сего же испиннаго вѣрою; ни попу, кшо быспро, но довѣриемъ полько вознесся на горнюю высопу число челоѳческаго Боговѣдѣнія, не можешъ уничижашъ другихъ въ медленномъ восхожденіи къ подобному полько самоспоашельному раскрышю своей челоѳчкоспи. — Эпо на пою и на другой споронѣ показывалобы неперпвлиую кичливоспъ.

90. Не рѣдко правда вносили на Философію укоризну въ шайномъ или явномъ испроверженіи испинъ вѣры: но подобныя обвиненія сколь ни часто повпорялись, не всегда были основашельны. Ибо всегда происходили изъ превращааго понятія о наспроеніи умспвенныхъ способностей челоѳка, и самодовольнаго взгляда на соспавленный у себя запасъ познаній и предспавленій. — Съ уничижипельнымъ понятіемъ объ умѣ челоѳческомъ, о благонамѣренноспи изсмѣдованій независимыхъ можно въ самомъ дѣлѣ опасашъ за смѣд-

спвія изысканій философскихъ. Но если умъ человѣческій не лзя счипать спокомъ заблужденій и сердце вмѣспилищемъ злыхъ намѣреній: по опасенія совершеннаго раздѣленія ума съ вѣрою совершенно напрасны, и изслѣдованій философскихъ на одномъ семъ основаніи воспрещать не возможно и не должно. Нельзя же предсавить себѣ, чпобѣ умъ человѣческій, получивъ опѣ природы особую организацію, не имѣлъ собспвенной нормы своимъ дѣйствіямъ. Если же пакъ: по онѣ всегда будетъ спремився къ проявленію сей нормы; и безъ особенной нужды оспанавливать его спремленіе къ сему значилобы иппи пропивъ призыванія природы.— Въ развитіи къ совершенству оспасяся полько споспѣшествовать уму, если можно; или уже предоспавить его совершенно самому себѣ, позволяя дѣйствовать по природному влеченію.

Всякой долженъ согласиться, что истинная вѣра и нормальное развитіе мыслей человѣческихъ должны сойтись между собою. Пбо судя по важности истинъ вѣры и вообще взяпой, можно быть спрого увѣрену, что умъ приближившись къ нормѣ своихъ предсавленій, не опвергнетъ истинъ, всюду для него дра-

гоцѣнныхъ и необходимыхъ; напрошивъ еще признаеть всю недосязаемость и все величїе, превосходство вѣщаній религіознаго чувства. Какое прекрасное явленіе и какъ благословенны плоды его, когда умъ человѣческій послѣ независимаго (опѣ пѣстуна вѣры) изслѣдованія самъ доходитъ до стѣхъ же испинъ, какія вѣщаешь ему вѣра, или упомянутый нерѣшипельными выводами своихъ изысканій, повергаешь въ объятія Опкровенія! Вѣра только можетъ ликовать при такомъ торжествѣ ея вѣщаній. — Послѣ сего воспрещашъ уму подниматься самодѣятельно до высокихъ испинъ вѣры, значить иди прошивъ величїя самой сей вѣры! Положимъ даже, что умъ нашъ въ первыхъ прїемахъ самоспопятельной дѣятельности можетъ на нѣсколько времени какъ бы раздѣляться съ вѣрою; но эпо опнюдь не на всегда, да и вѣра опѣ сего не перяешъ; а что еще важнѣе, самъ человекъ по закону своего развитія не можетъ же прямо безъ предварительно слабаго или и ошибочнаго употребленія силъ развиты все ихъ совершенство. Младенецъ не можетъ ходиты мужемъ, потерпите, доколѣ сіе дитя падаетъ; и оно — со временемъ будетъ стоять пвердо, ходиты бодро! Съ другой спо-

роны и довърчивость вѣры къ собственной непреоборимости и важности убѣжденія съ сознаниемъ пребывающъ, чѣмъ изысканія философскія воспрещаемы не были. — Сознаніе проясненное, какъ мы видѣли, есть верхъ развитія чисто человѣческаго. А Философія истинная никогда не пойдетъ противъ вѣры истинной!

91. Да и что можетъ располагать къ изслѣдованіямъ философскимъ?— Это — или непопулярная остроумная уйма, для которой не довольно связаны и удовлетворительны самыя основательныя изысканія, которая сей часъ раздвигается съ мыслями, какъ скоро примѣчается въ нихъ и неоправданный недостатокъ доказательствъ, предъ которой слѣдуютъ спорами только мысли, утвержденныя горимъ авторитетомъ. Или это прощупывающая увѣренность въ извѣстной системѣ мыслей, увѣренность, для которой всякая мысль сколько нибудь разнующаяся съ нею кажется заблужденіемъ, и заблужденіемъ опаснымъ. Умамъ сего рода надлежитъ только помнить, что не всегда можно и должно рѣшительно по называть безосновнымъ или заблужденіемъ, что намъ кажется зыбкимъ или заблужденіемъ, что подобный образъ мы-

слей предполагаетъ, — съ одной спороны шайное вѣрованіе въ собственную непогрѣшительность, свойственную одному Боже-спву, съ другой обличаетъ мнѣніе, будто въ нашемъ умственномъ наспроеніи нѣтъ никакихъ законовъ. Но истинное можетъ заключаться и не въ одномъ положительномъ, въ извѣстное время утвердившемся. Нашъ разумъ не столько слабъ, чшобъ не прозиращъ мыслей основательныхъ, и не столько далекъ отъ истиннаго, какъ обыкновенно себя представляющъ! —

Так. обр. на изысканія философскія и на систему истинъ вѣры (*) можно и должно смощрѣшь какъ на двѣ отличныя, но не отдѣльныя области, въ коихъ обѣихъ умъ человѣческій можетъ находить истину, съ шюю только разно-спію, чшо въ послѣдней восхождение его къ вѣрному будетъ хотя посѣщнѣе, за шю не споль опщепливо, не споль развязно, само истинное не всегда можетъ быть довольно чистю; въ первыхъ восхождение къ истинѣ будетъ медлен-

(*) Едва ли для благонамѣренныхъ и образованныхъ нужно здѣсь замѣчаніе, чшо подъ вѣрою здѣсь разумѣется не опредѣленная какая либо, по всякая извѣстная по Исторіи. —

нѣ, за по убѣжденіе въ истинномъ будетъ если не шверже, по отчепливѣе усиліе опкрышь его самодѣйственнѣ. —

Право Философіи на отдѣльную собственную жизнь.

92. Правда путемъ своимъ Философія только медленно восходитъ къ своей цѣли, вполне уразумѣшь истину: но сіе обшояпельство недоспапочно къ пому, чпобы на основаніи его можно было пренебрегать, а еще меньше подавлять въ другихъ дѣло философствованія. — Хотябы Философія вовсе не успѣвала въ рѣшеніи главнѣйшихъ задачъ нашего вѣдѣнія, и погда не должна бышь оставлена: попому чпо основаніе бытія вещей и дѣйствій окончательное лежишь не въ ихъ успѣхѣ, не въ совершенствѣ ихъ проявленія, но гораздо глубже — въ попребноспяхъ сущесствѣ, оныя производящихъ. Мы видѣли уже, чпо Философія есть необходимое и естеспвенное произведеніе нашей разумности; видѣли, чпо нѣтъ доспапочнаго основанія опвергать ея изслѣдованія при всемъ владычествѣ вѣры; увидимъ, чпо умъ — основникъ Философіи — не только не противорѣчишь вѣрѣ, но наконецъ долженъ совершенно

сойпись съ нею; — такіе моменшы, копорые доспапочно показывають, что изыскапельность философская не должна быть лишена бытія своего. Всякую вещь погда только успраияють и въ правѣ успранишь, когда она не улегаешя въ ряду вещей, ее окружающихъ, когда она не согласуешя съ порядкомъ сущеспвъ или событій, среди коихъ должна имѣть или получить свое мѣсто. Что можешъ жишь, не мѣшая величавому проявленію жизни вообще, по должно жишь. —

Но одна сія умѣспимоспъ въ ряду другихъ явленій не опкрываетъ еще всѣхъ правѣ и преимущеспвъ, на какія можешъ объвляяпъ припязаніе философская изыскапельность; она говоришь только, что Философія можешъ и должна быть перпима. Другія основанія покажушь, что она должна быть воздѣльваема, что самоспопшельныя изспѣдованія должны быть поддерживаемы, оживляемы. Въ самомъ дѣлѣ, если гдѣ опкрывается величіе и поржеспво ума челоуѣческаго по именно въ его спремленія къ вѣдѣнію законченному — въ Философія, въ его усиляхъ пройпци всю обласпъ, успупленную мышленію челоуѣческому, осмопрѣпъ всѣ ея крайности, заглянушь за самыя ея предѣ-

лы въ глубь недоступнаго мрака, раскрыть всю пользу, какую можно извлекать изъ усмаприваемаго въ своей области, словомъ — завершить свое разумѣніе. Если гдѣ человѣчество собственно понимаетъ само себя, если гдѣ ясное можетъ постигать оно все величіе своего назначенія, уразумѣвать высоту своей природы: по именно въ философскихъ изслѣдованіяхъ. Положимъ, что онѣ не вдругъ приносятъ сіи благословенные плоды, положимъ, что нѣкоторые Философы, поднимаясь на сію высоту умозрѣній являющіяся кометами, незнающими себѣ твердыхъ путей, или зловѣщими звѣздами, которыя озаряютъ яркимъ свѣтомъ путь своего паденія: все можно еще смѣло спросить имѣющихъ сдѣлать подобное возраженіе: развѣ въ другихъ наукахъ умъ человѣческій не обнаруживалъ подобныхъ слабостей. — Если же пакъ: по должно и по еще взять во вниманіе, что паденія ума философствующаго усмапривающіяся ясное именно по причинѣ той высоты, на которую желаетъ вознестись Философія, и того свѣта, какой она разливаетъ на весь горизонтъ нашихъ познаній! Философія хочетъ какъ бы сръпипь Божество, въ свѣтлозарномъ величій

изходящее изъ своего невечерняго свѣта воззвашь къ жизни не-сущее, желаетъ радостно привѣтствовать исходъ Его, зрѣшь дивное проліяніе жизни во вселенную, и успроеніе силъ ея и отношеній. Кпо изъ уваженія къ сей высокой мысли поспигнушь опкровеніе Божеспва во вселенной, особенно въ человѣчествѣ, не опврапишь взоровъ отъ человѣческой слабости, не могшей однимъ взоромъ проникнуть всю глубину мірозданія, однимъ взглядомъ обнять всѣ моменшы, весь черпезъ бытія? — Само человѣчество даже при малой надеждѣ на успѣхъ, по величію одной цѣли, должно было бы выславить даровитѣйшихъ недѣлимыхъ на сіе многопрудное поприще, по крайней мѣрѣ для испытанія силъ; должно было бы воспитать, приготовить для сего умы надежные, дать имъ всѣ пособія. И мѣлкія общества не рѣдко жертвуютъ благороднѣйшими изъ себя лицами для достиженія цѣлей возвышенныхъ: поддержанія и возвышенія своего величія. — Познаніе себя, разумнѣіе жизни вселенной естъ верхъ дѣятельности намъ естеспвенной, разумнѣія человѣческаго!—

Уничпольте Философію вы не замѣните ее никакими другими науками: ибо никакое другое

проявленіе нашей разумности не можетъ сдѣлать ненужною Философію. Та высота соображеній, окидывающая однимъ взглядомъ всю совокупность бытія, всю постепенность событій; по усремленіе къ идеальному, правильно человѣческому развитію мыслей, столь очевидное въ изысканіяхъ философскихъ, совершенно опличаетъ науку Философіи отъ всѣхъ другихъ работъ умственныхъ; тѣсно связываетъ ее съ неоприцаемою дѣйствительностію самаго разума. Разумъ и Философія столь тѣсно связаны между собою, что уступивъ бытіе и признавъ важность одного, надобно будетъ допустить бытіе и важность и другой. — Вѣра помогаетъ только разуму, но не своритъ его.

93. Заключимъ наше оправданіе отдѣльной самостоятельной жизни Философіи въ ряду прочихъ отраслей человѣческаго вѣдѣнія. Кто изысканія умозрительныя считааетъ законченными: тотъ, должно быть, не понялъ всей высоты задачъ ума человѣческаго, не ознакомился хорошо съ стремленіемъ къ полному вѣдѣнію, и съ трудностями возхожденія къ сему вѣдѣнію. — Кто готовъ принимать извѣстныя мысли и вышшія одною вѣрою:

попъ по крайнѣй мѣрѣ не долженъ препяпспвоапы другимъ увѣряпса въ нихъ изслѣдованіемъ. Не всѣ получаюпы опы природы одинаковое наспроеніе умовъ, одинаковую крѣпость духовныхъ силъ. Не всѣ слѣд. призываюпы къ разумнымъ убѣжденіямъ пушемъ одинаковымъ. Дѣло полько въ томъ , чпобы идущій однимъ пушемъ къ испинѣ не выдавалъ сей пушь единспвенно вѣрнымъ , не осуждалъ по настроенію своей недѣлимой природы избирающихъ пушь другой.— Довѣріе на извѣстной степени умспвенныхъ силъ и образовапія , дѣйспвительно хорошо : но само сіе довѣріе , если правильно понимаепъ свое направление , должно поддерживапы и вызывапы изысканія самодѣйспвенныя. Безъ нихъ оно лишлось бы необходимой опоры. Немоцные немогупы требовапы , чпобъ бездѣйспвенны были сильныя; въ свою очередь и крѣпкіе должны оспорожнѣ дѣлапы свои разысканія , должны угождапы не однимъ своимъ порывамъ , но и приспособляпы къ нуждамъ и вмѣсппшельности незрѣлыхъ. —

Отличительныя черты изслѣдованій философскихъ.

94. Такъ не всегда спокойно успѣвала Философія развивать свои силы, совершая свои опьяленные изысканія. Среди бореній должна она была идти къ своей цѣли.— Не иначе и быть могло, судя по коренному характеру и направленію ея изслѣдованій. Тогда какъ здѣсь, въ быту обыкновенномъ, все такъ окрѣпло, многое такъ неосуществленно и вмѣстѣ переменнo — Философія ищетъ постоянного, осуждаетъ все неосуществленное, устремляетъ къ непрерывному усовершенію. Какъ духъ человѣческій, чтобы воспрянуть къ своей истинной жизни, долженъ высвободиться изъ подъ дѣйствія на него предметовъ внѣшнихъ, мыслятъ спастъ выше ихъ: — такъ и Философія, какъ высшее развитіе мысли, саморазумѣніе духа человѣческаго, должна по коренному своему пребыванію спановиться выше всего предметнаго и своеобразнаго. Но сіе-то стремленіе къ отрѣшенности необходимо и поставляетъ ее въ борьбу, какъ бы въ брань съ нѣмъ, что здѣсь утвердилось въ быту общемъ. Не то это значитъ, чтобы здравая Философія усиливалась испровергнуть все по-

ложительное; она очень знаетъ, что въ бытѣ обыкновенномъ оно необходимо. Но само это положительное, не всегда правильно понимая и обсуживая свое назначеніе и значеніе, усиливалоь иногда покорить подъ свой законъ косности и то, что можетъ и должно бытъ оставлено неприкосновеннымъ, — хотя на оборотъ не лзя не замѣнить и того, что сама Философія, въ нѣкоторыхъ проявленіяхъ не совѣмъ возникая къ прямому сознанию своего характера, восставала противъ того, что по всей справедливости должно бытъ уважено.—

Какія бы впрочемъ по Испоріи ни вступали отношенія между бытомъ обыкновеннымъ и Философіею, — все коренной характеръ послѣдней есть именно *возвышенность надъ всѣми дѣйствительнымъ, опытнымъ.* — Не иначе и бытъ можетъ, если Философія должна какъ нибудь удовлетворить требованію задачъ своихъ. — Вопросы ея столь всеобъемлющи; высота, на которую надлежитъ ей вознестись для ихъ рѣшенія столь удаленна отъ зрѣнія обыкновеннаго, что надлежало бы укорить ее въ слабости, если бы она вздумала искать рѣшенія тѣхъ задачъ долу; можно бы подивиться, если бы она всегда и опъ всѣхъ

была въ чести и уваженіи. Не всѣ успѣвають вознесись къ той зрѣлости разумнія, на кошорой дорого цѣнятся мысли, проливающія свѣтъ на весь составъ нашихъ познаній. Не всѣ слѣд. равно способны судить о пріемахъ и характерѣ, какіе необходимо должны бытъ позволены и допущены въ Философїи. — Въ Философїи все человѣчество какъ бы опдаеть опчеть самому себѣ, восходитъ въ самосвѣденію; — не должна ли слѣд. она опрѣшаться опъ всего, что передають намъ предметы и лица? Ибо и обыкновенное сознаніе произникаеть не иначе, какъ когда человекъ, бывъ досель подъ вліяніемъ предмета, выходитъ изъ подъ онаго, разсмаприваетъ впечатлѣніе, какое произвелъ на его личность предметъ, и обсуживаетъ по соспояніе, въ какомъ самая его личность была въ продолженіе его порабоженія предмету. Въ семъ актѣ обыкновеннаго сознанія человекъ высвобождается уже изъ подъ дѣйствія на него предмета, возносятся выше и шого спрадательнаго положенія, въ какомъ удерживало его досель дѣйствіе предмета. — Такъ шочно, и вышшее сознаніе цѣлаго человечества, совершающееся въ Философїи, по необходимости должно соспоять въ опрѣшенности опъ все-

го предметнаго и субъективнаго, однимъ словомъ — подлежащаго намъ опытно. — Раскроемъ значеніе и необходимость характеристическихъ чертъ Философіи, выведенныхъ здѣсь, яснѣе. —

Произхождение, необходимость и существо Философской выспренности (transcendentalitas).

95. Первое характеристическое оплччіе мы назовемъ *выспренностію*. Ею Философія возвышается надъ всѣмъ предметнымъ: — Эта черта совершенно необходима въ Философіи, какъ наукѣ, возводящей къ ясности сознанія.

Въ самомъ дѣлѣ, — когда человекъ образуетъ о предметѣ правильное понятіе, тогда ли, когда возносится мыслию надъ его различными проявленіями и опредѣляетъ по нимъ внутреннюю его природу, или когда находится подъ его вліяніемъ, проникаясь весь ощущеніемъ его дѣйствія на себя, не имѣетъ возможности вознестись выше своего положенія, образовать предспавленіе о предметѣ другое, нежели какое вынужденъ имѣть вліяніемъ самаго предмета? — Самый простой смыслъ не останавливается здѣсь долго въ сомнѣніи. Всѣ

увѣрены, что взгляды на предметы составяются вѣрнѣе тогда, когда мы, свободные отъ ихъ вліянія обсуживаемъ ихъ различныя спороны или проявленія. — Слѣд. безъ свободного соображенія составленныя представленія предметовъ и на простой почкѣ зрѣнія считающся уже недоспапочными ихъ выраженіями: ибо въ нихъ обнаруживается полько частное, относительное проявленіе предмета. Хотя сіе частное проявленіе предметовъ такъ же вѣкопорымъ образомъ основано на природѣ отношеній ихъ къ намъ: но все въ немъ не можетъ выражаться еспественное представленіе сихъ предметовъ безъ примѣси свосличнаго чувства. — Между тѣмъ, если нужно получить вѣрное понятіе о предметѣ: мы должны смотрѣть не какъ онъ являеся намъ въ призмѣ возрѣній субъективныхъ — но въ его собственной природѣ; должны возникнуть къ свободѣ изъ подъ его вліянія. Чѣмъ теперь обширнѣе число предметовъ, природу которыхъ должны мы проникнуть своимъ разумѣніемъ; тѣмъ большая нужна выпренность для ихъ покоренія сознаію. Въ семъ смыслѣ Философія есть полько вышшее и какъ бы

заключительное отдѣленіе нашей мысли отъ предметовъ. —

Спустишесь, если вы когда либо поднимались на высоту умозрительную, спуститесь въ кругъ предметовъ частныхъ : что вы находите здѣсь? — чистый хаосъ , если захотите составить понятіе определенное и отстраните изъ ума своего общее представленіе, составленное вами прежде путемъ обобщенія. Такъ и представляющія предметы въ глазахъ диллани. Каждый предметъ дѣйствуетъ на неразвитое сознаніе отдѣльно; одно впечатлѣніе смѣняетъ другое, и конецъ всѣхъ сихъ смѣнъ — одно упоминеніе, усиленіе. Не такъ бываетъ, когда умъ воспріимаетъ къ свободнѣйшей дѣятельности; здѣсь уже начинается представленіе, образованное однимъ предметомъ, сопоставляясь въ соотношеніе съ другимъ; — что это значитъ? — то, что человекъ начинаетъ уже опрѣшаться отъ предметовъ, вращая въ умѣ своемъ какъ бы самыми предметами, а собственно говоря, представленіями, на коихъ онъ успѣлъ перевести предметы. — Здѣсь уже слѣд. предметъ переходитъ какъ бы во власть ума. — Но, что здѣсь совершается въ маломъ видѣ — въ Философіи совершается

въ большомъ. Что для ума возникшаго къ не-
большой самодѣйственности частныя пред-
ставленія нѣсколько предметовъ: но для фило-
софскаго ума — весь объемъ частныхъ системъ
предметовъ. Какъ по обзорѣннн всѣхъ частныхъ
проявленій одного предмета мы усиливаемся
составить объ немъ опредѣленное цѣльное по-
нятіе: такъ умъ философствующій не можетъ
останавливаться на частныхъ изложеніяхъ дѣй-
ствительнаго, ибо долженъ образоватъ себѣ
понятіе объ образѣ бытія всего сущаго. Это —
его отрѣшенность отъ предметнаго, выпрен-
ность. Основаніе и источникъ ея лежатъ въ
томъ, что умъ не довольствуясь тѣмъ, что
даетъ видѣть опытъ, усиливается проник-
нуть внутреннюю жизнь всего бытнаго, от-
крытъ тѣ представленія, которыя разрѣша-
ютъ загадку всякаго бытія, или разливаютъ
свѣтъ на природу и законы нашихъ познаній
и дѣйствій. Ею только Философъ и можетъ
проразумѣвать значеніе частнаго во всей цѣ-
лости бытія, и такъ обр. возсоздастъ въ мы-
сляхъ своихъ истинную систему природы. —

Хотя образчикъ подобной выпренности
встрѣчается и въ изысканіяхъ природы фи-
зическихъ: но это только слабый ошпѣнокъ

того вращанія мыслей, которое должно совершаться въ головѣ Философа, когда онъ приводитъ въ умъ своемъ въ движеніе всѣ пружины, дѣйствующія въ мірѣ, чѣмъ узнать, дадутъ ли онѣ въ извѣстномъ сочетаніи по образованіе міра, какое предполагается онъ произвести въ своемъ объясненіи. Выспренность философской не достигнетъ никакая Физика, не превращаясь въ Философію Природы.—

96. Впрочемъ сія опрѣшенность, какъ и изъ сказаннаго можно уже видѣть, опнюдь не есть всецѣлое раздѣленіе съ дѣйствительнымъ, по которому бы Философія могла произвольно утверждать извѣстныя мысли, нисколько не беспокоясь о томъ, будутъ ли онѣ согласны съ жизнію предметовъ; или - была въ правѣ осуждать все положительное, предписывая законы, на которыхъ природа не предсказываетъ никакихъ основаній. Мы и прежде уже замѣчали, что дѣло Философіи объяснить жизнь природы; что сіи объясненія тогда только могутъ быть признаны вѣрными, когда согласуются съ бытомъ дѣйствительнымъ. И требуемая здѣсь опрѣшенность Философіи въ своихъ объясненіяхъ природы есть предметнаго

никакъ не пропивоpъчишь пому согласію съ природою, какое должна поспавляшь для себя закономъ всякая Философія. Какую пользу приносила бы Философія, когда бы ея взгляды были одни призраки нашего воображенія, конимъ ничто не опвѣчало бы въ дѣйствительности? Такіе призраки, какъ ни искусно будь они обдѣланы и благовидно предспавлены, никакъ не супъ удовлетворительныя рѣшенія задачъ Философіи. Отрѣшенность Философіи отъ предметнаго еспъ нѣкошораго рода несвязанность частичнымъ, единичнымъ. Почпи вся и прудность философскихъ изысканій въ помъ соспоипъ, что въ нихъ должно откpышь законы и процессъ жизни дѣлаго міра, тогда какъ наши познанія дѣйспвительнаго вводяшь насъ въ разумѣніе жизни только ограниченнаго числа предметовъ. Всякой согласишь, что отъ жизни нѣсколько предметовъ перейши къ жизни дѣлаго міра, — задача довольно нелегкая, особенно когда переходъ сей долженъ бышь совершенъ со всею оспорожностью, и въ немъ должно угадать выбрать на маломъ числѣ предметовъ тѣ черпы, которыя принадлежатъ всему дѣлому. Правда и въ маломъ объемѣ предметовъ, кошорый подлежащъ ближайшему

нашему разумѣнію, не можетъ не быть намѣковъ на природу жизни всеобщей; и въ нихъ должны отражаться и дѣйствовать законы всеобщіе, и онѣ должны имѣть участіе въ жизни цѣлаго. Но въ единичномъ усмотрѣньи цѣлое, — въ его природѣ и законахъ опличить то, что принадлежитъ собственно частному и что господствуетъ всюду — можно не иначе, какъ при большемъ знакомствѣ съ этого рода предметами, и еще болѣе, при большей свободѣ соображенія.

97. Опъ обыкновенныхъ законовъ и частныхъ проявленій предметовъ по опыту-вознесишься до опличенія въ нихъ процесса жизни всеобщей въ самомъ дѣлѣ есть такое предпріятіе, которое требуетъ значительной свободы духа. — Его почти не возможно было бы и совершать успѣшно, если бы въ умѣ нашемъ не было извѣснаго наспроенія для правильнаго разумнія природы, или если бы въ развитіи мыслей не лзя было опличить нѣсколько такихъ представленій, которыя объемлютъ собою всю совокупность сущаго, и разливаютъ значительный свѣтъ на бытъ цѣлаго міра. Ибо только посредствомъ сихъ представленій умъ успѣваетъ становиться на ту почву зрѣнія на пред-

меты, на копорой какъ бы исчезаепъ изъ виду вся дробность существующаго, и зрится одно всеобщее. — Только на основаніи сихъ идей умъ нашъ — можепъ проразумѣвапъ образъ бытія цѣлаго міра при всѣхъ слабыхъ намѣбахъ на сей образъ, какіе даепъ жизнь предметовъ, взятыхъ почаспно. Если бы мы не имѣли въ себѣ способности проразумѣвапъ связь событій и переходные моменты въ ряду явленій: мы не моглибы предпринимать никакихъ разысканій о проявленіяхъ всякой жизни. Но мы опъ природы получили способность, не только при видѣ всякаго явленія или событія спрашивапъ, что подъ ними таится, что въ нихъ выражено, предполагапъ и опъскивапъ сокровенное ихъ значеніе, — но и восполняпъ звенья, недостающія между двумя почками явленія, стоящими въ примѣпной или и шайной связи между собою; еще болѣе: проразумѣвапъ образъ, какимъ извѣстное явленіе могло соспавиться, угадывапъ моменты, копорые необходимо должны были дѣйствовать для его образованія, открывапъ условія, при копорыхъ однѣхъ оно необходимо могло произикнуть. Подобная способность проразумѣнія оказываепся уже и въ мѣлкихъ усліяхъ

объяснишь событія или произведши явленія извѣстныя. Философскія поспросенія, или разьясненія природы суть полько болѣе обширный и болѣе смѣлый пріемъ сего свободнаго разумѣнія былеваго. Какъ въ разумѣніи опытнаго часпнаго, умъ нашъ не оспанавливаеця на однихъ данныхъ, но усиливаетя подсмотрѣшь въ нихъ умозримое, дополнишь его дѣйствительность силами, предварительно дѣйствовавшими и условіями, сокровенно полько впекающими въ бышь явленія. Такъ и въ объясненіи жизни цѣлой природы вся виѣшняя спорона явленій лежитъ передъ нами: но для удовольствовенія виѣшней жаждѣ своего ума, мы должны (проникнушь внутреннія пружины ихъ движущія, угадашь всеобщіе, непреложные законы, въ нихъ господствующіе. И споишь полько вникнушь ближе въ ходъ подобныхъ разьясненій въ наукахъ физическихъ и въ попыткахъ математическихъ чшобъ увѣришься, что въ подобныхъ поспросеніяхъ природы — человекъ не сполько уже наславляетъ сама виѣшность явленій (хотя и она здѣсь оспаетя не безъ вліянія на умъ), сколько самъ умъ свободнымъ соображеніемъ воспоминаешь моменты нужные, но недоспа-

ющіе, поспроивають мысленно событія, лежація въ видѣ уже образованномъ. Въ семъ дѣлѣ мысль наша, какъ живописворный духъ носится надъ разложенными и изолированными началами и своею силою вводя ихъ въ шѣсное сочешаніе, созидаеть природу въ топшъ величественный видъ, какой дала ей рука Творческаа.

Так. обр. возвышенность ума надъ дѣйствивительнымъ споль необходимая въ поспроеніяхъ природы философскихъ, опнюдь не даеть той мысли, чпобъ Философіа могла въ слѣдствіяхъ своихъ совершенно расходиться съ симъ дѣйствивительнымъ, вовсе неуважать его. — Ея задача — дойти до дѣйствивительнаго! — Какъ въ разьясненіи частичностей бышнаго наши гаданія не сущь однѣ уклоненія отъ дѣйствивительнаго, но вмѣстѣ и вѣрныя его исполкованія: такъ и въ изьясненіяхъ природы философскихъ, умъ, возвышаясь надъ вѣсъмъ дѣйствивительнымъ, всегда можетъ болѣе или менѣе вѣрно уразумѣшь внушреннія его начала, и въ мысленномъ поспроеніи сблизиться съ жизнью, какъ она ееть на самомъ дѣлѣ. — Частичность прѣдметнаго и согласіе въ выводахъ съ природою — составляютъ для Фи-

лософiи какъ бы какiя узы: но въ самыхъ сихъ узахъ Философiя можеть и должна дѣйствовать со всею свободою. Сiи узы не больше должны бытъ для нее, какъ двѣ границы ея поприща, между копорыми она должна развити все богатство силъ умственныхъ. Сама природа облегчила для насъ философское разумнiе жизни цѣлаго, предославивъ нашему взору возможность обнимати собою вдругъ нѣсколько предметовъ, и уму давъ способность совокупляти въ одинъ очеркъ, въ одно понятiе, что живиши какъ бы всѣ недѣлимая. Послѣ чего нужна только со стороны самаго ума нѣкоторая несвязанность, — по которой не бояливо отдѣляюся отъ предмета частнаго, безъ робости пускаюся въ глубь общаго.

Постепенное развитiе и необходимость самостоятельности въ Философiи.

98. Что сказать о другой опличительной чертѣ философскихъ изслѣдованiй — опрѣшенности отъ утвержденного лица — положительнаго, или, шакъ назовемъ сiю черту, *самостоятельности*? — То, что и она, хотя съ большею неуступчивостiю позволяюши и шерпяши ее въ Философiи, шѣмъ не менѣе сколько же, если еще не болѣе въ ней необходи-

ма. — По ней умъ философствующій усиливается составивъ такіе взгляды на жизнь природы, основаніе копорыхъ находится только въ необходимомъ во всякое время и естественномъ для него образѣ возрѣнія на природу бытнаго. Когда умъ возникаетъ къ философскимъ соображеніямъ, онъ примѣчаетъ, что онъ самъ собою можетъ открывать многое вѣрное, что доселѣ не было сообщено ему; усматриваетъ, что во многихъ случаяхъ можно, а иногда и необходимо должно, судить иначе, нежели какъ судили другіе, какъ предано, утверждено. Больше и больше упражняясь въ мышленіи, больше и больше упрѣпляясь въ силахъ, — умъ скоро дерзаетъ на болѣе смѣлое раздѣленіе съ положительнымъ. Конечно подобная рѣшимость можетъ приходиться очень не во время, когда умъ еще не получилъ довольно силъ, чтобъ свободно возвыситься до тогоже, до чего вознесъ прежде разумный инстинктъ и творческая свобода фантазіи. Но сіи попытки не суть и конецъ Философіи; въ нихъ она только высунуется на среду, спановився въ раздѣленіе съ утвердившимся образомъ мыслей, возникаетъ только къ самоспопашельному бытію. Составившаяся

однажды задача — свободно, не по спороннымъ опредѣленіямъ смотрѣть на все былевое — не можетъ быть оспавлена. Мысль дополъ будетъ пруднпсья, дѣйствовать и спрадать, доколъ не рѣшишь своей задачи вполнѣ, — не соспавишь на все собственнаго взгляда. Какъ все бышное, какъ всякое дѣйствіе, философспвовање будетъ больше и больше развиваться, время опъ время — удачнѣе мѣрять свои силы съ хилымъ дѣйспвншельнымъ, доколъ не вошедъ въ періодъ полнаго сознанія законовъ своего развитія, усмотришь испорическую необходимость шного самаго, что доселъ оспавалось для него загадкою, казалось превращнымъ. — Въ общеспвѣ благоустроенномъ, тамъ гдѣ спройно развиваются свои силы всѣ опрасли познаній, подобное возникновение мысли къ самоспательности очень можетъ быть допущено. Тамъ вѣрные выводы другихъ наукъ всегда будутъ держать сильный перевѣсъ пропнвъ держовенныхъ порывовъ ума мужающаго.

99. Мы не враги всего утвержденного въ общеспвахъ человѣческихъ ; — очень знаемъ, что многія условныя соотношенія въ сихъ общеспвахъ должны оспаваться неприкосновенными; увѣрены, что во многомъ положительномъ

есть яркіе слѣды разумности; что иногда нужно только возникнуть къ полному самосвѣденію, чтобы убѣдиться, что извѣстное положительное есть довольно вѣрное отраженіе идей разума: но какъ служители науки не можемъ не подтвердить, что самостоятельность въ мысляхъ есть необходимый характеръ философованія; что Философія тогда только успѣетъ возникнуть къ совершенію въ себѣ самой, когда вполне проведетъ, выдержитъ сей характеръ. Ея полной самоощущенности никогда не совершится, доколѣ она будетъ слишкомъ привязываться ко всему положительному, субъективному. — Мы уже и прежде замѣтили, что въ Философій совершается нѣкопорымъ образомъ самосознаніе ума цѣлаго человѣчества. Теперь, какъ въ обыкновенномъ частномъ сознаніи духъ нашъ, не только опредѣляетъ себя опъ нѣхъ предметовъ, которые на него воздѣйствовали, но возникаетъ какъ бы и изъ собственныхъ поступковъ, опредѣляетъ себя опъ представлений, составленныхъ подъ вліяніемъ нѣхъ предметовъ. Такъ и въ Философій, умъ возникая къ самоощущенности, долженъ нѣкопорымъ образомъ опредѣлиться опъ понятій, доселѣ надъ нимъ

власпвовавшихъ , поспавивъ себя на нѣкопое опъ нихъ опдаленіе, на копоромъ можно свободнѣе обсуживапы ихъ, яснѣе видѣпы ихъ природу. Какъ для вѣрности сужденія, для ясности различенія предметовъ чувспвенныхъ нужно извѣстное опдаленіе ихъ опъ нашего глаза: пакъ и для вѣрности сужденія о своихъ ли поступкахъ, или о своихъ убѣжденіяхъ доселѣшнихъ , нужно нѣкоторое распояніе опъ нихъ. Въ жару дѣйствія не судяпы вѣрно о поступкахъ; ими заняпы; равно не можепъ быпы довольно вѣренъ судъ о своихъ убѣжденіяхъ , совершаемый въ ихъ области, на почкѣ зрѣнія спарой. Очевидно , что въ Философіи , копорая усиливается проникнупы къ самому вѣрному взгляду и на наши дѣйспвія и на наши мнѣнія о мѣрѣ, нужна нѣкотораго рода независимоспъ опъ того круга мыслей , изъ копораго мы возникли къ философствованію. — Во всѣхъ наукахъ самоспояпельность взгляда на доселѣшнее развитіе ихъ свѣдѣній сппъ необходимое спребованіе; все науки преуспѣваюпы полько посредспвомъ самоспояпельной обработки мужей различныхъ по умспвеннымъ способностямъ и взглядамъ. Самоспояпельность въ мысляхъ сппъ первое

предписаніе, какое даетъ Логика, руководя къ очищенію мыслей. Если Философіи не сполько позволяють или прощають подобную само-споятельность: то именно потому, что по обширности обзоровъ философскихъ и дѣйствіе подобной самоспоятельности оказывается обширнѣе, спрашиваютъ ненавыкшихъ къ послѣдовательности въ мышленіи, къ свободному вращанію своими представленіями. Впрочемъ сіи спрахи совершенно напрасны, какъ по тому, что сія отрѣшенность есть болѣе кажущаяся, нежели дѣйствительная; ибо отрѣшается не для того, чтобы совершенно раздѣлиться, но только для того, чтобы войти въ ту же увѣренность съ большимъ сознаниемъ ея основательности; такъ и по тому, что самое смѣлое вращаніе понятіями не можетъ опровергнуть все положительное. Самая природа и происхожденіе положительнаго, и подобострастное уваженіе здравой Философіи даже къ полумистическому не оставляють въ семъ никакого сомнѣнія. Положительное можетъ только нѣсколько подлежать измѣненію; сами люди по временамъ чувствуютъ нужду подобныхъ измѣненій, и совершаютъ ихъ.—Философія въ семъ отношеніи можетъ только служить

руководствомъ къ развитію сей нужды, и опорыпную способость лучшаго ей удовлетворенія.—

Природа положительнаго въ ея отношеніяхъ къ Философіи.

100. Во всемъ положительномъ, какъ произникшемъ изъ сознанія человѣческаго, прошедшемъ чрезъ мысленную дѣятельность субъекта подѣ дѣйствіемъ предметовъ или отношеній, можно опличить два элемента: одинъ неподвижный, который всегда можетъ и долженъ оспаться, какъ одблженный своимъ происхожденіемъ естественному дѣйствію предметовъ на мысль, непомраченному неискusstvomъ или преухищреніемъ субъекта; другой безразличный, который привнесень личностію соспавившаго послѣ утвердившееся. Во всякомъ представленіи или положеніи можно предполагать нормальное совершенство, когда оно такъ чисто опливается, какъ должно опливаться при самомъ лучшемъ для принятія соспояніи субъекта, при удобнѣйшемъ къ усмотрѣнію положеніи предмета. Въ семъ идеальномъ совершенствѣ мысли въ ней не лзя было бы опличить перевѣса ни субъективности ни предметности. Но много ли подобныхъ представленийъ между нами? — Во всякомъ

положительномъ, какъ человѣческомъ, если не настоящее, по будущее опкроетъ недоспапки. Наши мысли и дѣйствія, а запѣтъ и наши опредѣленія, переходящія въ нѣчто твердое, суть плодъ не однѣхъ, соображеній мысли подѣ дѣйствіемъ предметовъ, но вмѣстѣ болѣе или менѣе и нашего частнаго наспроенія, временнаго расположенія, даже обспояпельспвъ иногда вовсе случайныхъ. Тотъ нормальный образъ сужденія не всегда достигается. Негоповость ума для правильнаго сужденія о предметѣ, а еще болѣе нецѣлое проявленіе предмета на временной дѣйствительности — необходимо воспящающъ вѣрному оппечапльнїю предметовъ въ душѣ нашей, замедляющъ и ревностное спремленіе благонамѣренности въ упвержденїи одного число еспественнаго. — Послѣ сего опнимите у наукъ ихъ самоспояпельность, воспрешите уму подниматься выше того, что доселѣ упвердилось — что будетъ? Самъ умъ скоро примѣшитъ тягость подобнаго застоя! —

101. Субъективность, (назовемъ такъ недоспапокъ, производящій въ представленїи опъ соспоянїя и спремленїй субъекта) или своеличность еспь довольно нерѣдкїй недоспапокъ

нашихъ сужденій и рѣшеній. Она непримѣнно вкрадывается во всю систему нашихъ мыслей, болѣе или менѣе проникаетъ все положительное. Какъ не осперегайтесь, вы не всегда легко избѣжите своеобразности въ сужденіяхъ: иначе ваши мысли имѣли бы божественное совершенство. Человѣкъ не вдругъ успѣваетъ взглядыться въ предметъ, или принять его въ свое сознаніе въ видѣ его собственномъ. Предметность излишняя, о которой мы упомянули прежде, и перевѣсъ своеобразности суть два коренные врага испинтъ. Первый преобладаетъ при младенчествѣ нашихъ силъ умственныхъ, въ самихъ ли себѣ или въ сравненіи съ предметомъ; послѣдній оказывается при незрѣвшемъ развитіи ума, напой степени, на которой не приучились еще строго отличать моменты, собственные природы предмета. Первый господствуетъ — во времена, когда человѣкъ водится только еще разумнымъ инстинктомъ; послѣдній — когда онъ уже дѣйствуетъ въ сферѣ развитія разсудка! — Теперь большая часть положительнаго идетъ къ намъ именно изъ сихъ степеней развитія. — Сообразите, сколько людей успѣло спастись на эту степень умственного развитія, на кото-

рой проявляется умъ человѣческой во всей своей зрѣлости, созрѣваетъ въ разумъ? — Конечно довольно немного. Да и всегда ли положительное переводящъ въ жизнь лица сего рода? Человѣчество не можетъ еще похвалиться, чѣмъ судьбою его управляли одни мудрецы, чуждые всякихъ ошибокъ. Непримѣтно только можетъ подвигаться впередъ его образованіе; изъ среды себя должно оно поспавлять вождей и общими силами стремиться къ просвѣщенію умственныхъ своихъ взоровъ, къ зрѣлости мыслей, свергающей въ себя узы предметнаго. И Философія здѣсь принимаетъ только на себя дѣло всего человѣчества, когда со всею ревностію, и вмѣстѣ со всею осомпнительностію шрудится надъ указаніемъ и исправленіемъ того, что въ нашемъ положительномъ примѣшалось субъективнаго. Пусть люди иногда гнѣваются на ея усилія: она можетъ быть увѣрена въ благодарности слѣдующихъ родовъ, радоваться сознаніемъ, что она возводитъ къ нравственной свободѣ человѣчество. Ибо познаете истину и истина свободитъ васъ: говоритъ небесная Премудрость. —

102. По самой цѣли своей Философія никогда не можетъ опказаться отъ усилій отдѣлять

въ своихъ опредѣленіяхъ всякую подобную примѣсь субъективную. Ея цѣль уяснить или высказать пакія понятія и сужденія о цѣломъ мірѣ, къ какимъ даюпъ основанія только самыя предметы въ ихъ необходимомъ отношеніи къ намъ. Но если бы въ своихъ изысканіяхъ она поспавила себѣ за правило необходимо и всецѣло сойтись съ извѣстнымъ образомъ мыслей: она моглабы подшвердить нѣчто не вполне вѣрное. Здѣсь уже Философія нѣсколько уклонилась бы отъ первой своей цѣли утвердить истинное, — и ея задача былабы уже утвердить истинное не въ его нагопѣ, но въ извѣстной оболочкѣ. — Система подобнаго рода, если бы даже высказывала истину, непомрачая оной сею оболочкою, не имѣлабы характерической черты Философіи. — Частныя и временныя взгляды имѣюпъ для Философіи и значеніе частное, временное; она должна усиливаться часть опъ часу представляпъ истинное въ вѣрнѣйшемъ, собственномъ его видѣ. — Если уже нельзя усмотрѣпъ предметовъ въ всякой личности: все задача по крайней мѣрѣ осматреть собравъ все возможные взгляды на предметъ, и опредѣливъ, что въ нихъ переменнo и примѣшивается опъ лицъ, при-

нимающихъ предметы въ свое сознаніе, оспавишь одно поспоянное. Это будеть по предспавленіе о предметѣ, какое мы можемъ состспавишь оспорожнѣе и назвасъ наиправильнѣйшимъ. Философія не къ какому другому можеть усиливасъ вознеспись поняспію о цѣлой совокупности предметовъ, какъ именно къ сему, сколько можно опрѣщенному опъ взгляда своеличнаго. —

103. Нужно ли подпверждашь еще что для сей цѣли она должна уже не связывасъ никакого рода часпными воззрѣніями на предметы, или на жизнь міра, или и на наше отношеніе къ Божесству. По необходимому условію для успѣшности своихъ предпріятій, Философія должна спояшь выше всякихъ положисельныхъ изложеній человѣческаго образа мыслей. Не то это значить, чтобы она могла или должна была уничижасъ всякій взглядъ, всякое мнѣніе, сообщенное извѣспнымъ лицомъ съ большимъ или меньшимъ пребованіемъ на довѣріе. Напроеивъ; она можеть смѣло въ каждомъ изъ сихъ своеличныхъ изложеній жизни міра предпологасъ и указывасъ значисельную часпъ истины: ибо всякій субъектъ болѣе или менѣе способенъ къ образованію

въ себѣ представленийъ правильныхъ. Но по значить, что съ одной стороны не всегда можно быть спрога увѣрену, что извѣстный взглядъ на мѣръ и дѣйствование въ немъ Божества образованъ, какъ не лъзя, совершеннѣе; для сего надобно, не связываясь и утвержденною важностию сего взгляда обсудить предварительно, произшекаетъ ли онъ изъ прямого направленія ума, не есть ли плодъ только временнаго развитія мыслей; что въ немъ чисто человеческого. Извѣстно, что самые гени во всѣхъ родахъ не свободны отъ ошибокъ, и не могутъ не носить печати своего времени и мѣста. А Философія ищетъ не приспособительныхъ объясненій бышняго, а всеобщихъ, вѣчно швердыхъ. — Съ другой въ опредѣленіяхъ положительныхъ всякаго рода шу медленности и обьяшности соображеній, которая соспавляетъ поруку основательности, не всегда предполагать можно безошибочно. Сии опредѣленія нужны бывають наскоро, должны всегда приспособлены быть къ нуждамъ своего времени, мѣста, обстояпельствъ. Соспавляясь не рѣдко безъ восхожденія къ вышшимъ вопросамъ ума, онѣ скрѣпляютъ только бытъ человека временный; помогають его по-

пребноспямъ мѣспнымъ и запрудняюпъ до-
стиженіе пого къ чему долженъ человекъ спре-
мисья по своей природѣ всеобщей. Только
возвышася до самосвѣденія разумнаго и слѣд-
довольно поздно и рѣдко узнаюпъ, какъ должно
бышь оспорожнымъ въ ушверженіи положи-
пельнаго, какъ оно при всей облегчипельно-
спи въ наспоящее время со временемъ можепъ
спѣсняпъ. Люди поздно примѣчаюпъ, что поло-
женія, однажды ушвержденныя не всегда могупъ
имѣшь значеніе вѣковое; что другія отноше-
нія, новое развипіе мыслей пребуепъ новыхъ
положеній, что самое совершеннѣйшее соспо-
ніе по (не возможное кажепся на землѣ), въ ко-
шоромъ не руководясъ положеніями, дѣлаюпъ,
какъ внушаспъ самый зрѣлый разумъ; что все
человѣчество рано или поздно призываспся къ
подобному развипію разумному; что наконецъ
предугошовапъ средства, пролагашъ пуши,
руководипъ къ нему еспъ необходимая обязан-
ность и движущихъ судьбами человекешва
и обрабопывающихъ систему его познаній.—
Хопя приспособленіе къ сему послѣднему на-
значенію можепъ показашъся излишнимъ и без-
полезнымъ пошому, что мы не знаемъ человекъ
вообще; онъ всегда—подъ условіями опредѣлен-

ными. Но высказывая на видъ подобную мысль, забывающъ, что приспосабливательныя опредѣленія отношеній пополюку только могутъ быть насть достойны, благодѣтельны намъ, пополюку при ихъ составленіи имѣются въ виду не однѣ обстоятельство частныя: но и природа чисто человѣческая; - частныя цѣли не должны заслѣпяшь собою общую, главную. Если люди должны подниматься къ своей человѣчскости: по извѣстныя ограниченія, принятыя по времени и мѣсту, должны быть достоять только удерживаемы и пополюку только утверждаемы, пополюку способствуютъ къ развитію чисто человѣческаго. — Приводить больше и больше въ ясность подобныя цѣли, и указывать на нихъ движущимъ судьбами человѣчества есть неопредѣленный долгъ Философіи. — Она и Религія и стоятъ только на чредѣ сего рода; онѣ однѣ и могутъ ясно показывать, гдѣ извѣстныя положенія расходящіяся съ природою, идутъ противъ *назначенія* человечества.

104. Подобной отрѣшенности наконецъ пребудетъ и то, — что, какъ въ природѣ никакой предметъ не успѣваетъ въ частномъ, единственномъ проявленіи выразиться во всемъ

своемъ совершенствѣ : такъ и въ мѣрѣ разумномъ мысль не успѣваетъ развиваться во всей зрѣлости и полнотѣ своей жизни , въ головѣ одного лица ; только совмѣстныя усилія многихъ недѣлимыхъ могутъ возводить ее къ той высотѣ совершенства , на которой она должна быть признана чистою истиною . — На семъ основаніи Философія должна стоять выше геніевъ во всякомъ родѣ ихъ проявленія . Какъ ни возвышенны бываютъ Геніи , какъ ни увлекающи , ни смѣлы предсавленія , ими высказываемыя : Философія не можетъ признавать какое либо изъ нихъ вѣрнымъ по одному довѣрію къ умственнымъ силамъ , или высреннему характеру лица , ихъ высказавшаго . Истина мысли для нее опирается не на важности лица , но на естественности самой мысли . Оказалась мысль чисто человѣческою : — Философъ готовъ первый признавать ея вѣрность , готовъ подвизаться въ ея проясненіи , утвержденіи , разширеніи ея владычества . — Философъ долженъ какъ бы перестроить въ природный видъ всю систему нашихъ убѣжденій . При сей задачѣ , признавать какой ли образъ мыслей вѣрнымъ безъ изслѣдованія , значило бы рядить безошчетно .

104. в) Передъ Философомъ споишь какъ бы весь родъ челоѳческой съ своимъ развитіемъ мыслей, какъ вся природа съ своимъ образованіемъ явленій, — съ припязаніями на вѣрность: но, какъ изыскашель, онъ не можешь безъ соображенія опдашь предпочпеніе никакой споронъ. Только шо, что окажется совершенно естественнымъ, можешь бышь имъ принято. — Докомъ онъ не убъдился въ вѣрности извѣснаго вида мыслей: ему принадлежитъ полная свобода изслѣдованія. Опрѣшаясь мыслию въ своихъ поспроеніяхъ природы опъ частностей быснаго, Философъ и въ образованіи мышленія всеобщаго долженъ опрѣшиться опъ развитій разумнія временныхъ; не связуясь важностію мѣснаго образа мыслей, долженъ самъ содѣлаться провозвѣстникомъ непреложныхъ внушеній разума. Только при сей свободѣ и необходимости и можешь Философія вознеспись къ образу мыслей чиспо челоѳческому. — По строгой опчепливости, къ какой обязуешь насъ разумъ, Философъ ничего не можешь предположишь вѣрнымъ, не подвергнувъ изслѣдованію. Всякое развитіе мыслей онъ долженъ разсмошрѣшь въ его началахъ, слѣдспвіяхъ и предположеніяхъ; какъ опъ возможностии природы

онъ сопровождаетъ ея развитіе до бытія дѣйствительнаго: такъ прежде усвоенія всякаго убѣжденія онъ долженъ доходить до самыхъ его истоковъ и основаній. Философъ не можетъ, какъ человекъ съ избыткомъ одаренный высокопарнымъ чувствомъ, парить безопасно; онъ едва довѣряетъ своимъ собственнымъ выводамъ.

105. Такимъ образомъ идетъ Философія къ истинѣ путемъ среднимъ и вѣрнымъ; не хочетъ она шарахаться въ частичномъ, какъ науки частныя, она ищетъ уразумѣть все вообще. — Равно не можетъ безопасно увлекаться образами игриваго воображенія, или рѣшеніями надменнаго разсудка. Ибо усиливается высказанъ образъ мыслей необходимый во всѣхъ проявленіяхъ природы человѣческой. — Цѣль ея открытъ число разумный и естественный намъ образъ мыслей о жизни цѣлаго міра (*). Спрем-

(*) Одна и таже цѣль Философіи можетъ быть обозначена или выражена различно зависимо отъ точки зрѣнія, которой считаешь за нужное придержаться. Говоря предметнѣе цѣль Философіи — уразумѣть образъ бытія вещей: говоря субъективнѣе цѣль ея — развитіе естественный намъ образъ мыслей о природѣ, разсматриваемой въ цѣлости, или рѣшить главнѣйшія задачи нашего вѣдѣнія. — Теряется перевѣсъ и предметности и своеобразности выраженія, когда цѣль Философіи обозначаешь — уразумѣніемъ истины (см. § 65.). Противорѣчія собственнаго въ сѣхъ

леніе къ достиженію сей цѣли—есть плодъ
того стремленія къ самосвѣденію, копорымъ
природа надѣлила каждый умъ человѣческій.
Удовлетворяя только ему, каждый изъ насъ,
уразумѣвъ природу вещей, можешь наконецъ ска-
зать: теперь я ясно вижу; или получивъ яс-
ное убѣжденіе въ предметъ вѣрованія: — уже
не по твоимъ словамъ признаю! — Какъ не-
опъемлемо принадлежишь намъ разумъ: такъ
невосприимимы усилія уразумѣть истину —
безъ примѣси въ ней возрвній чисто субъек-
тивныхъ, или мѣлочныхъ чертъ предмети-
ныхъ. — Если были умы, копорые посмѣва-
лись симъ усиліямъ, или вооружались пропивъ
нихъ: то или по недостатку силъ для
самодѣйственности, или—живости для вып-
ренности. Только не совѣмъ понимающій че-
ловѣческую природу и ея права можешь тре-
бовать довѣрія безусловнаго; можешь частный
образъ мыслей безъ доказательствъ возводить
въ достоинство убѣжденій общихъ! — Само-
спожительность во взглядахъ есть коренной
характеръ философскихъ изысканій, и хо-
тѣшь, чтобъ была Философія, и умъ не дѣй-
ствующихъ способахъ обозначенія одного и тогоже пред-
мета — ишь. —

сповалъ, не судилъ самостоятельно, значить хотѣшь согласишь несогласимое! —

*Лучшая сторона положительнаго; не-
опасность раздѣленія съ нимъ ума
философствующаго.*

106. Но, защищая необходимость самостоя-
тельности Философіи въ своихъ изысканіяхъ и
опредѣленіяхъ, мы сполько говорили о слабой
сторонѣ положительнаго, что недалководнымъ
а еще болѣе недовѣрчивымъ можеть показаться,
будто мы вовсе готовы пренебрегать поло-
жительное. Мы совершенно другаго образа
мыслей. И прежде мы уже оплчили въ по-
ложительномъ элементѣ неподвижный и без-
различный. Отказывая послѣдному во вліяніи
на философскія опредѣленія, мы никакъ не
отвергаемъ необходимости, пвердоспи перваго.
Можемъ даже согласишься, что и пошь безраз-
личный элементъ, не имѣя вѣсу въ философ-
скихъ изслѣдованіяхъ, — въ быпу обыкновен-
номъ можеть и долженъ бышь шерпимъ
до времени. — Во всякомъ положительномъ
необходимо должно бышь много испиннаго; ибо
положительное, хотпя бы шло къ намъ не изъ
время полнаго развитія разума, хотпябы бы-
ло плодъ одного разумнаго инспинкша или

разсудочнаго соображенія, все содержишь довольно вѣрнаго. Извѣстно, что въ инстинктуальномъ состояніи проявленія души человѣческой удивляюшь своею близостию къ разумной зрѣлости. Сами соображенія разсудка не всегда служатъ однимъ нашимъ прихотямъ или выгодамъ. Мы и на степеняхъ разсудка въ пользу общей умѣемъ усматривать собственную и чисто человѣческую. Положенія, утвержденныя дѣйствіемъ чистаго, свѣтлаго разума, безъ сомнѣнія уже высказываюшь одно доспойное уваженія.—Съ другой стороны и всякой субъектъ болѣе или менѣе способенъ довольно вѣрно принимать и передавать другимъ — дѣйствіе на себя предмета; шѣмъ болѣе можно сіе предполагать въ субъектъ, коего мыслямъ опданъ въ родѣ человѣческомъ значительный авторитетъ. То, что произшло изъ естественнаго, необходимаго опкровенія предмета нашему я: по всюду должно бытъ уважено. Особенно Философія должна дорого цѣнить и изыскивать подобнаго рода мысли, ибо ея назначеніе поднимать до подобнаго рода сужденій. Хотя къ сему роду сужденій всякой можешь поднимать по собственной человѣческой природѣ: но

извѣстно, что самое челоѡѡческое проясляетсѡ въ насъ удобнѣе подѡ руководствомъ пред-варившихъ въ развитіи, по слѣдамъ уже дру-гихъ. Так. обр. только бы Философія успѣла найти подобный образъ сужденія о предметахъ: она необходимо должна съ нимъ сблизиться, уваживъ его значимость, даже воспользо-ваться его уваженіемъ между людьми для большаго утвержденія своихъ выводовъ. — Теперь раздѣленіе Философіи опъ подобнаго только положительнѡ проявившагося образа мыслей можетъ и должно быть терпимо до вре-мени сблизенія; ибо съ одной спороны не лзя же шребовать, чтобы и самое истинное приня-мала Философія безъ надлежащаго изслѣдованія; это противъ характера той сознаемой ясной увѣренности, къ какой она усиливается воз-несшись; съ другой — можно быть увѣрену, что безъ спороихъ соображеній Философія ни-какъ не дерзнетъ опвергать уважаемаго между людьми. Между шѣмъ сблизаясь съ положительнымъ посредствомъ обсуда она-го, Философія восполняетъ только недоспа-вавшее при составленіи, или освѣжаетъ осла-бѣвшее по утверденіи положительнаго — сознаніе его основаній. Извѣстно, что выш-

шаго развитаго сознанія не доспаеть еще на спешени разумнаго инстинкта и разсудочной сообразительности. Они посредствуютъ только и приготавливаютъ наше восхожденіе къ сему сознанію. — Так. обр. существенная часть положительнаго всегда будетъ вполне уважена Философіею, и найдетъ въ ней для себя значительную защиту и проясненіе! —

107. Само несущественное въ положительномъ, элементъ безразличный въ здоровой Философіи найдетъ для себя надлежащую оцѣнку. Не можетъ быть подвергнуто и малѣйшему сомнѣнію, что терпимость есть плодъ лучшаго образованія. Полуобразованный, находя извѣстное положительное недоспапочнымъ выраженіемъ вѣрныхъ понятій, усматривая примѣсь субъективности, готовъ вооружиться противъ всего положительнаго, испровергнуть и существенный въ немъ элементъ неподвижный. Философія никакъ не можетъ одобрить подобныхъ пріемовъ, ни вести къ нимъ. Она ясно разуметь, что примѣсь субъективнаго почти неизбежна между людьми; что, и послѣдствія новаго вмѣсто стараго, люди не избѣгутъ подобной примѣси; что сія примѣсь можетъ только постепенно очищаться, и какъ бы оп-

сѣдашь сама собою ; чпо безпокойное колеба-
ніе положительнаго можетъ лишить насъ и
нужной закваски. Умъ зрѣлый знаетъ конеч-
но , чпо необразованные , будучи не довольно
зрѣлы для того , чпобы отличать въ поло-
жительномъ два его элемента , смѣшивающъ
въ немъ доброе съ несовершеннымъ ; и , благо-
говѣя досподолжно предъ правильнымъ , пре-
увеличивающъ достоинство полуиспиннаго ,
гошовы поддерживають его наряду со священ-
нымъ : но въ поже время очень видишь , чпо
на извѣстной степени умственного развитія
или и при застоѣ образованія подобный об-
разъ сужденія почти неизбеженъ , и — только
осторожно стараешся возводитъ незрѣлыхъ
къ сужденіямъ болѣе умѣреннымъ , болѣе здра-
вымъ. И справедливо.— Ибо элементъ безраз-
личный , доколѣ не причиняешъ важнаго вре-
да развитію истины , можетъ и долженъ быть
першимъ , — какъ могутъ и должны быть
первыми до жатвы плевелы среди пшеницы.—

Разумная зрѣлость , разумная развязанность
ешъ удѣлъ очень немногихъ. Но сіи — по не-
многіе и могутъ легче перпѣть и спокойнѣе
устраняють примѣшныя недоспапки. Они не
могутъ не знать опытомъ , чпо мысль мед-

ленно зрѣеть; что слѣд. вводилъ всѣхъ въ свободу приличную одному преуспѣвшему, никакъ неблагоразумно. Незрѣлое неспособно къ образу мыслей мужа совершеннаго.— Кромѣ того самая скромность людей вышшихъ по образованію долго удерживаетъ ихъ отъ рѣшительнаго суда объ извѣстномъ историческомъ явленіи. Они знаютъ, что при излишней довѣрчивости къ своимъ соображеніямъ легко можно ошибиться. Можно рѣшительно судить только о цѣломъ, котораго всѣ части, всѣ соотношенія уже обозначились: но положительное въ своемъ историческомъ развитіи не всегда скоро оживаетъ значительный періодъ бытія своего. (Когда онъ оживетъ свой вѣкъ, оно само собою падетъ.) — Хотя же и въ незначительной части періода своей жизни положительное для философской прозорливости довольно уже ясно даетъ усматривать направление и силу цѣлаго: но Философія знаетъ, что мысль, легко оправдываясь или осуждаясь сблизеніемъ съ законами и требованіями ума, тѣмъ лучше однакожь себя даетъ обсуживать, тѣмъ больше оставляетъ за собою позоръ своихъ проявленій въ опытѣ; что слишкомъ большая подвижность положительнаго

необходимо поспавляетъ людей въ значительную запутанность. Если послѣ сего еще прибавимъ, что для незрѣлыхъ положительно не только необходимо, но и благотворно: ибо связываетъ необузданную свободу, доколѣ не приобрѣлъ надъ нею верха разумъ; что люди, еслибы даже освободили ихъ опъ всего положительнаго, скоро сами на себя снова наложили бѣ успавы; — что доколѣ, держась оболочки положительнаго, не забываютъ, не оставляютъ духа его, оно заслуживаетъ все уваженіе: то легко поймемъ, что Философія скорѣе пожелаетъ служить людямъ своими указаніями, доведшимъ върнзго до очевидности, — а въ поржествѣ вводитъ испину предоспавитъ Промыслу и мудрости государственной! —

108. Вообще строгое подобостраспіе, какое имѣетъ Философія къ испинѣ во всѣхъ видахъ ея проявленія, соспавляетъ надежную поруку въ ея осторожномъ обращеніи со всѣмъ положительнымъ. — Здрава Философія не можетъ, какъ глазъ неопытный, находить истинное только тамъ, гдѣ оно, высказанное явно, получило перевѣсъ надъ грубою оболочкою, въ которую успѣваетъ заключить его необразованный смыслъ человѣческой. Она умѣ-

еще прозирашь истинное среди всей примеси человеческого неразумия. Она умѣетъ уважать и неудачные порывы мысли человеческой къ большому и яснѣйшему себя проявленію. Такъ обр. въ самомъ слабомъ положительномъ она умѣетъ еще опкрыть мерцаніе свѣта разума; и, когда люди, возникая къ большому познанію, дерзають презирать оказавшееся слабымъ положительное, Философія умѣетъ указать сторону, которая въ немъ и теперь еще должна быть признана, и можетъ искупить истинное, когда люди готовы бывать отвергнуты и его среди чуждой примеси. Тогда какъ для смысла проспаго существуютъ почти только крайности истиннаго или ложнаго, Философія сознавая всю трудность и медленность возхожденія къ полному усмотрѣнію истины, не можетъ съ тѣмъ, столь обыкновеннымъ, неуваженіемъ смотрѣть и на тѣ развитія человеческого разумія, въ коихъ истинное опкрылось не во всей чистотѣ, хотя было довольно близко къ своему опкровенію и, такъ сказать, пробивается сквозь грубыя формы, въ какія успѣла заключить его необузданная фантазія.— Въ семъ случаѣ Философія нѣкопорымъ образомъ близка даже къ

важному раздѣленію съ общимъ смысломъ. Болѣе способная усмапривать идеальное и въ его грубой оболочкѣ, нежели смыслъ общій, — Философія, можетъ еще держаться спарыхъ обвѣпшавшихъ формъ, и защищать оныя тогда, какъ смыслъ простойгоповъ въ бурныхъ порывахъ замѣнитъ оныя новыми.— Философія, скорѣе общаго смысла усмапривая недостапки положительнаго, но долѣе придерживалась онаго при смѣнахъ или переходахъ одного образованія мысли въ другое — соспавляетъ какъ бы какую оболочку, которая и помогаетъ дальнѣйшему развитію организма мысли и въ тоже время оспепеняетъ быспропу сего развитія.—

109. Не должно ли бояться, что, позволивъ раскрышную нами самостояпельность или независимость, надобно будетъ осудить всѣхъ людей на несогласимое разногласіе въ мысляхъ, или на безконечное блужданіе въ распущіяхъ мнѣній, безъ швердой надежды приближенія къ испикъ? — Сія опасенія совершенно необдуманны. Умъ во всѣхъ изъ насъ конечно свой, но всѣ мы сходимся между собою въ главныхъ его требованіяхъ. Выходитъ, что его наспроеніе — особенное во

всякомъ недѣлимомъ не опспупаетъ совершенно опъ общаго очерпанія родоваго. — Такъ и въ мысляхъ нашихъ, хопя можно всякому бытъ независимымъ: но сія свобода, какъ и выше уже (см. стр. 216) нами замѣчено, опнюдъ не еспъ собспвенно изпорженіе себя изо всякихъ предѣловъ общаго образа сужденій, но самодѣлптельное восхожденіе къ тому же, къ чему шопъ же умъ въ другихъ дошелъ, шолько другими пушями, раньше или позже, все равно. — Возможность и даже неизбѣжность взаимнаго сближенія между умами супъ dospапочныя поруки единспва, и согласія самыхъ самоспояпельныхъ людей въ ихъ нуждахъ и взглядахъ коренныхъ. — А пребопавъ, чпобы часпное совершенно перялось въ общемъ, по крайнѣй мѣрѣ при наспоящемъ соспоянїи человѣчеспва невозможно, — да и съ устройспвомъ природы несогласно. Развїпше особенностей во всякой обласпи нельзя считапть вреднымъ, оно необходимо. Не сама ли природа всюду выражаетъ общее въ однихъ недѣлимыхъ? — Такъ и образъ мыслей всеобщїй, необходимый можетъ восходитъ къ своей опредѣленности не иначе, какъ посредспвомъ работы умовъ часпныхъ.

Гдѣ совершается развитіе мыслей? Не въ опдѣльномъ ли сознаніи лицъ недѣлимыхъ? Чѣмъ подвигается совершенство представленій? не усиліями ли умовъ члвчныхъ? — Въ опдѣльномъ образованіи (*Gestaltung*) мыслей не всегда проявляется одно ложное, превратное. Въ немъ полагаемъ наша дѣйствительность и многое истинное, котораго по самой его важности никогда не успѣемъ подавить дальнѣйшее изложеніе мысли въ видахъ новыхъ. — Истинное не только въ объемѣ, но и въ силѣ сознанія растеетъ опъ нѣхъ участковъ, которыя въ область познаній привнеситъ всякое лицо особое (см. § 37).

110. Вы скажете: истинное давно уже найдено и указано; не нужно перагаться въ ошибочныхъ путяхъ къ нему; оспается только радоваться, пользуясь имъ! — Но что, если не совершивъ собственныхъ покушеній дойдемъ къ нему, я — и пользуюсь имъ, могу еще всегда опасаться: достоверно ли оно, что я принимаю? На вѣрномъ ли спюю я нуню? — Одна такая нешвердосць, неизбежная, когда воспреощающа изысканія собственные, можемъ имѣть слѣдствія по крайнѣй мѣрѣ спюль же вредныя, какъ всякаго рода сомнѣнія, легко

могущія переходить въ живую увѣренность.— Так. обр. и въ томъ случаѣ, когда бы справедливо было увѣреніе, что истинное вполне уже найдено и высказано, — можно было бы еще употреблять усилія усвоить оное самосполнительно. Но что, если при ближайшемъ разсмотрѣніи взглядъ сей окажется нѣсколько лѣнивымъ? — Въ самомъ дѣлѣ, — безразсудно думать, чтобы въ родѣ человѣческомъ доселѣ не было познано и прояснено много истиннаго, это справедливо: но, чтобы мы знали уже все истинное, разумѣли его вполне, — утверждать сіе еще необдуманнѣе.

Это надобно признавать самымъ ограниченнымъ взглядомъ на науку, когда думаютъ, что она неспособна болѣе къ лучшему образованію въ своихъ началахъ, или къ пополненію въ своихъ свѣдѣніяхъ; что не нужны новыя попытки къ дальнѣйшему ея усовершенію. Свыкшись съ извѣстнымъ развитіемъ науки, поперявъ, такъ сказать, гибкость для слѣдованія за новыми изворотами мысли, можно въ самомъ дѣлѣ извѣстный взглядъ считать завершеннымъ, науку въ извѣстномъ видѣ законченною. Но во всѣхъ наукахъ, какъ ни часто обновлялись подобныя взгляды, новымъ обра-

зованіемъ науки въ рукахъ лицъ болѣе зрѣ-
лыхъ — всегда испровергались. — Правда среди
всѣхъ переменъ — многое оставалось совершен-
но въ старомъ видѣ, какъ вообще можно ска-
зать, что истина при всѣхъ движеніяхъ и из-
воротахъ мысли остается одна и таже: но
только ограниченный взглядъ можетъ смѣши-
вать науку съ самою истиною, человѣческія
познанія — съ истиннымъ, взятымъ предметно.
Истинное спойтъ, зрится всякому, какъ солн-
це; можетъ быть имъ больше владѣють, поль-
зуются, нежели думаютъ, сознають: но мысль
должна различными сторонами своими обра-
щаться къ солнцу, чтобы приходилъ въ боль-
шее и большее сознаніе его свѣта! — Если
гдѣ неумѣстна подобная смѣшенность взгля-
да: то именно въ Философіи, въ которой дол-
жна совершаться, какъ и совершается непре-
рывная повѣрка и вмѣстѣ съ нѣмъ движеніе на-
шихъ познаній. Возрасли познанія наблюдатель-
ныя, умъ долженъ пытать силы въ порывахъ
созерцательныхъ. Оказались безуспѣшными у-
силія разума въ приложеніи къ жизни, — сно-
ва умъ обращается въ область наблюденій,
крипическаго разбора явленій, пока оживлен-
ный лучшимъ познаніемъ опытнаго, опять не-

вольно пускается въ область гаданій цѣло-сообразительныхъ! — Въ семь движеніи мысли опть холода опыша къ пылу созерцаній часть опть часу развиваешся истинное; часть опть часу проясняется его сознаніе. Оспановиппе порывы умовъ частныхъ: оспановипсе движене цѣлаго! —

111. Но можетъ ли еще Философія обсудить вѣрно все явленія человеческого разумнія, какія успѣли открьпться досель? Не подвергала ли иногда Философія сомнѣнію самыя ясныя убѣжденія общаго смысла? — Такъ; Философія въ испорическомъ ея проявленіи не всегда успѣвала вѣрно обсуживать все развитія и проявленія въ области человеческого разумнія. Но Философія по Испоріи не есть еще Философія но идеи, въ своемъ существѣ. — Если смотрѣть на Философію съ сей послѣдней точки, она не только можетъ, но и должна не иначе, какъ вѣрно обсуживать все проявившееся положительно. По идеи своей Философія и зрѣлое развитіе разума должны соснавливать одно и тоже: а зрѣлое развитіе разума неоспоримо есть такая степень въ нашемъ умственномъ развитіи, на кошорой необходимо должны быть правильно поняты и

вѣрно обсужены всея проявленія разумности. Известно, что мысль человеческая шѣмъ лучше понимаетъ и свое направленіе и значеніе своихъ развитій: чѣмъ большій оставляетъ за собою позоръ своихъ дѣйствій.— Но степень зрѣлой разумности не раньше развивается какъ, когда мысль пройдетъ уже другія степени умственного преспѣванія. — Сія степень есть самая высшая въ нашемъ развитіи, и на нее не прежде можно вознестись, какъ прошедъ степени развитія инстинктуальнаго и разсудочнаго. Теперь, если возможно на какой степени умственного развитія высшее сознаніе самихъ себя, и законовъ собственной природы: то именно на ней одной. На ней одной, какъ заключительной въ ходу нашего образованія человеческого, умъ можетъ обсуживать вѣрно, что въ родѣ человеческомъ сполнить опъ образованія мыслей первоначальнаго или переходнаго; на ней одной можно усматривать необходимость, естественное или превратное образованіе и истинное значеніе шѣхъ видовъ мыслей, которые суть пышный, хотя хилый плодъ воображенія, или идутъ изъ періода разсудка. На ней уже необходимо должно правильно видѣть, что

человѣку естественнаго во всѣхъ періодахъ его умственнаго образованія, и что въ его мысляхъ должно имѣть значеніе только временное. — Философія, — хотя не во всѣхъ доселѣшнихъ проявленіяхъ успѣвала — за то по крайнѣй мѣрѣ во всѣхъ усиливалась, всегда предполагала вознестись на сію степень зрѣлаго, чисто человѣческаго сознанія. — За то сколько есть случаевъ, въ которыхъ для вѣрнаго суда о предметѣ или направленіи мыслей, мы принуждены бываемъ обращаться къ ихъ идеалу; и, забывая виды временнаго ихъ проявленія — удерживая въ виду ихъ цѣль благородную, цѣнишь и одно стремленіе къ ней. Совершеннаго — такъ мало въ человѣческомъ мірѣ. — Между тѣмъ и вѣрный обзоръ открывшихся мыслей не предсказываетъ сколько трудностей, чтообы умъ развитый не былъ къ нему способенъ. Опредѣляетъ истинное отъ ложнаго, совсѣмъ не то, что находишь самое истинное. Первое гораздо легче послѣдняго; его можешь легко совершать и проспой смыслъ. И въ умѣ философскомъ - надобно предположить или излишнюю наклопность къ сомнѣнію, или недоспойное небреженіе къ истинѣ, чтообы отказать ему во всякомъ правѣ или способ-

ности обсуживать вѣрно истинное открытое.

Конечно въ Философїи умъ возмужавшій усиливается образовавъ свою увѣренность самъ изъ себя: но симъ онъ не оспориваетъ частной вѣрности у каждаго изъ споронныхъ проявленій разумнаго образа мыслей. Даже Философъ не преминетъ усвоить мысли другихъ, какъ скоро найдетъ ихъ согласными съ законами ума и устройствомъ природы: только доколь онъ восходитъ къ увѣренности разумной, онъ не можетъ сполько связывать себя авторитетомъ, чинобъ отказавшись отъ всякаго самосноятельнаго взгляда на все произведенія разума другихъ. Собственное убѣжденіе, открытіе истины собственными силами для него конечно дороги, но еще дороже истина. — Для нее онъ не пощадитъ прудовъ, пожертвуетъ собственнымъ самолюбіемъ: ибо она первая и самая сильная пружина, дающая движеніе его изыскательности; самый вышшій для него авторитетъ въ царствѣ мыслей. По сему авторитету всякая мысль, откуда бы она ни шла, получитъ отъ него все уваженіе, какъ скоро окажется истинною. — Если еще припомнимъ, что Философъ имѣетъ сполько чувства для истины и

подобострастія къ ней, что можетъ прозирати, оплечати и чптитъ ее среди всей при-
мѣси человѣческаго неразумія: по можемъ смѣ-
ло сказаць, что сомнѣваться, можетъ ли
Философія вѣрно оплечити истинное отъ
ложнаго, значитъ заживо погребати Филосо-
фію, — и самый смыслъ человѣческой. —

112. Въ самомъ характерѣ самостоятельности,
какъ онъ необходимо долженъ открываться
въ Философіи, нѣтъ ничего опаснаго для разу-
мѣнія истиннаго. Какъ своею выспренностию
Философія не раздвѣляется всецѣло съ приро-
дою, напрошивъ успѣваетъ поднятись къ
вѣрному суду о каждомъ частномъ явленіи или
существѣ въ природѣ: такъ самостоятель-
ностию сужденія она успѣваетъ доходить до
вѣрнаго суда о частныхъ взглядахъ или мы-
сляхъ, высказанныхъ въ извѣстное время из-
вѣстными лицами, — сего мало — успѣваетъ
вознесись до усмотрѣнія, какъ долженъ мы-
слиць весь родъ человѣческой. Выспренностию
мы достигаемъ того, что можемъ сказаць
такъ и не иначе могла произойти природа;
и посредствомъ самостоятельныхъ соображе-
ній можемъ дойти до увѣренности: такъ и
не иначе можетъ (въ семъ видѣ это все рав-

но, что долженъ) судить весь родъ человѣчскій. — Основаніе успѣховъ выспренности лежить въ томъ, что законы ума наспроены согласно съ законами природы; основаніе независимости состоитъ въ увѣренности справедливой, что умъ частнаго лица имѣетъ наспроеніе согласно съ наспроеніемъ ума всего человѣчества. — Какъ по согласію ума съ природою, тайно или явно всегда предполагаемому, мы увѣрены, что, послѣдую своему собственному развитію, мысль можетъ дойти до того же, что изложилось въ опытѣ: такъ по тому же согласію одного ума съ умами другихъ тайно или явно предполагаемому, мы смѣло увѣрены; что мысль каждаго образованнаго можетъ дойти сама собою до того же, что признано за вѣрное другими. Какъ въ выспренномъ познаніи природы перевѣсъ одного фактора — мысли не уничтожаетъ собственно дѣйствія другаго фактора — природы: такъ въ самоспопашельныхъ соображеніяхъ перевѣсъ собственной производительности не уничтожаетъ другаго фактора — довѣрія, напросивъ необходимо предполагается, и на немъ развивается. —

113. Не лъзали еще бояться, что разумъ, выдерживая характеръ своей самоспопашельности не успѣетъ самъ собою уразумѣть истинное доспашочно въ надлежащей полнотѣ и совершенствѣ? — И сіи опасенія неосновательны. Разумъ человѣческій по самой природѣ своей естъ способность, конечно не шворить, за то уразумѣть истинное. Подъ дѣйствіемъ предметовъ мы моглибы оспашься безъ истиннаго развѣ тогда, когда бы его или не было дано и какъ бы заключено въ предметахъ, или если бы умъ человѣческій не былъ способенъ воспринять значеніе совершающихся предъ очами нашими явленій и переводить ихъ на понятія. Но всякій видитъ, что сіи условія никакъ не суть что либо дѣйствительное; — предметы для нашего разумѣнія даны; способность составлять объ нихъ правильныя понятія всякой ощущаетъ самъ въ себѣ, всякой ею больше или меньше уже пользовался. Так. обр. гдѣ бы собственно ни положили мы коренную основу истиннаго, — въ творческой ли способности ума нашего, или въ природѣ самыхъ предметовъ, мы всегда равно не можемъ усомниться въ достижимости истиннаго и безъ указаній положи-

пельнаго. Согласимся, что разумнѣе истиннаго очень облегчается, когда руководить насъ къ нему проникшій уже къ оному, что восхожденіе къ истинному пруднѣе для того, кто долженъ еще доходить до него самъ собою. Но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы сіе одинокое восхожденіе не обѣщало вовсе никакихъ успѣховъ. Оно — рѣдко, потому что немногіе любятъ такую напряженную дѣятельность, какой пребудетъ подобное восхожденіе; оно рѣдко, но не столько опасно, чтобы во все уклоняло насъ отъ истиннаго: ибо разумъ одинаковой во всѣхъ, можетъ и въ раздѣленіи въ общимъ ходомъ идти пѣмже путями: Еще болѣе, оно не вездѣ приложимо въ своей послѣдней степенн: ибо люди, проникнувъ до истиннаго усиливаются сообщать его другимъ въ томъ видѣ, въ которомъ самая строгая недовѣрчивость не успѣваетъ пропнвъ него ничего выскатп. За то и самостоятельное восхожденіе къ истинному, даже въ самомъ большемъ объемѣ сего послѣдняго, — не пребудетъ совершеннаго незнанія того, что сдѣлано, обнзслѣдовано, уяснено другими; оно только опвергаетъ то лѣнивое познание истиннаго, въ которомъ все сообщае-

мое принимается на слово, не подвергается никакому суду собственному, совокупляется въ умъ безъ всякой спройности, не обозръвается мыслию съ одной почки единства. — Люди никогда не обходились и не будутъ обходиться безъ пріянія другъ опъ друга извѣстныхъ взглядовъ, познаній опытно дознанныхъ. Самоположительное одолжено своимъ владычествомъ сей наклонности усвоить познанное другими, пользоваться чужимъ добрымъ съ уваженіемъ къ сообщившему оно. И доколь всякій человекъ, въ ондѣльности взятый, будетъ оставаться несовершеннымъ; доколь будетъ сполать и положительное. Только наряду съ симъ положительнымъ всегда будетъ сполать и иппи — и разумное. Ибо и оно происходитъ изъ естественнаго спремленія къ опчепливости сознанія, какъ первое — изъ наклонности къ полнотѣ и обширности познаній. Характеры съ внутреннею силою всегда будутъ спановиться на спорону первого; характеры съ направленіемъ въищней дѣйствительности на спорону послѣдняго!

114. Скажемъ еще больше: если бы умъ не былъ въ силахъ восходить къ истинному, въ родѣ человеческомъ не могло бы ни *возник-*

нуть, ни утвердисься само положительное; одна способность нашего ума видѣшь и опличашь истинное составляетъ швердый оплотъ прошивъ преувеличенїа въ родѣ челоувѣческомъ положительностей:—мысли смѣлыя, но шѣмъ не менѣе вѣрныя. — Положительное безъ разума не могло бы возникнуть. — Ибо, какъ мы видѣли, положительное одолжено своимъ происхожденїемъ разумному инстинкту, или соображенїямъ разсудка или опредѣленїямъ самаго разума. Изъ какаго періода ни будь оно, все оно развилось на разумной способности челоувѣка. Уничтожьте сію способность ума усмапривать истинное; само положительное, если бы какъ нибудь возникло въ родѣ челоувѣческомъ, никакъ не могло бы привившся, и не могло бы удержашь при себѣ умы, когда они возникають къ сознанїю вышшему, что бываешь во все времена. Но умъ нашъ можетъ видѣшь истинное, и прїникая къ положительному усмапривать его согласїе съ общимъ законодательствомъ — и положительное утверждаешь, получаешь весь свой вѣсъ. Если оно произникло по правильному настроенїю ума, не омрачится чуждою примѣсью: оно

можешъ оспашься непоколебимо навѣки. Ибо всякой новый умъ приникая къ нему, можешъ полько убѣждаешся въ его достоинствѣ, и даже небесномъ происхожденіи. — Безъ разума— по общему побужденію природы къ распространенію своего вліянія, всякій умъ необуздываемый равною силою другихъ, скоро упошребилъ бы спаранія связашъ своею припязательностію прочихъ. Только равновѣсіе другихъ умовъ ошепеняешъ припязанія сихъ лицъ, копорыя природа надѣлила особеннымъ богатшвомъ силъ душевныхъ. Легко доходя мыслію до многаго, что ошашешъ для другихъ шайною, и соображеніемъ успѣвая брашъ большой верхъ надъ прочими, лица сіи скоро забываютъ удерживашъ припязанія свои на послушаніе и довѣріе въ предѣлахъ умѣренности.— Возврату ихъ въ сіи предѣлы помогаютъ обыкновенно умы способныхъ показашъ несообразностъ ихъ шребованій, и особенно чувство разумное указующее, гдѣ сіи шребованія восходятъ выше всякаго довѣрія, покорности. — Сіе всеобщее какъ бы разліяніе ума производитъ, что положительное ошашешъ всегда въ помъ распространеніи, въ какое возводитъ его разумъ другихъ и попускаешъ ихъ

незрѣлость.— Смѣло, только безъ дерзости, можешь умъ возносишься надъ всеѣмъ положительнымъ. Онъ всегда можешь достигнуть истиннаго, сойгнись въ положительнымъ, чисто человѣческимъ. Такое положительное произошло въ нашей же разумной природѣ; развилось въ человѣческихъ же мысляхъ. Потому оно и принято бышь можешь и успѣваетъ швердо, что люди, принимая къ нему, или покаяясь ему, усматриваютъ шѣсное его средство съ своимъ человѣчествомъ, прямое его измѣненіе изъ его развитія, чувствуютъ, что усвоив оное, переводя его въ систему своихъ убѣжденій, поставивъ закономъ для дѣятельности, они усвершаютъ только свое бышнее, ускоряютъ свою зрѣлость. Опередившій другихъ въ подобномъ убѣжденіи могутъ по недоразумѣнію жалѣть о шрудахъ и времени, которое употребляютъ другіе, только еще поставленные въ дѣль повѣрки: но зрѣлый плодъ развитаго сознанія скоро вознаградитъ медленность сего спѣванія.

Отношеніе Философій къ прогнмъ наукамъ.

115. Развитыя предъ симъ опшичипельныя черпы философскихъ изслѣдованій, определя-

юшѣ и отношеніе Философіи къ другимъ наукамъ. Своею выпренностію Философія высоко возносітся надъ всѣми науками опытными. Хотя, какъ мы и выше замѣтили, начатки сего характера, произпекающаго опѣ большаго развитія ума, оказывающія уже и въ сихъ наукахъ; но какъ объемъ предметовъ, какіе подвергаются разсмотрѣнію въ сихъ наукахъ, не можеть равняться объему науки, окидывающей своими взглядами всю систему бышняго: то и выпренность философская всегда останеца ниже выпренности физической, и даже математической. Въ природоописательныхъ наукахъ почти и вовсе недостаетъ сего характера. — Самостоятельностию — Философія возносітся надъ всѣми науками положительными, къ копорымъ принадлежиць изложеніе умственныхъ опредѣленій, образовавшихся у различныхъ народовъ, (языка и литературы, нравовъ и права, религіи и служенія);—дѣйственности политической сихъ народовъ и наконецъ исторія человечества. Въ сихъ наукахъ можеть и должна поспешно восходить самостоятельность, независимость взгляда опѣ убѣжденій народныхъ; но никогда не достигнетъ она самостоятельности

философской. — Так. обр. Философія, какъ плодъ разума, которій—выше всѣхъ познаній, возносятся надъ всѣми науками. —

Впрочемъ сей верхъ, какой беретъ Философія надъ прочими науками, опноудъ не долженъ вести къ той мысли, чпобъ Философія могла обходиться или преуспѣвать безъ преспѣянія другихъ наукъ. Нашъ разумъ развивается на предварительномъ развитіи нищемъ и Философія пополику полько можетъ преуспѣвать, поколику умъ человѣческій подвигаетъ другія науки. Так. обр. какъ завершеніе вѣдѣнія, Философія давно уже собираетъ дань со всѣхъ другихъ наукъ и живетъ ихъ жизнию; за то, переработавъ въ себѣ силы общаго союза, проливаетъ жизнь въ шѣ науки, и сполькоже облагоуживаетъ и сколько утверждаетъ ихъ спѣяніе. Въ семъ опношеніи всѣ науки могутъ считаться подчиненными Философіи, поколику ш. е. элементъ философской выпренности или самостоятельности, проникая ихъ, освѣжаетъ ихъ крѣпость, расширяетъ ихъ силы. — Посему полько бѣдный душою можетъ пожелать, чпобъ которая либо изъ нихъ спояла въ совершенной независимости опъ началъ философскихъ. Вооб-

ще, если даже освободишь науки отъ вліянія сихъ элементаровъ: онѣ еще многое будутъ носить въ себѣ, что собственно составляетъ плодъ философскаго развитія мыслей. Ибо всѣ науки имѣютъ только получаютъ стройность и окрѣпость, что подвергаются философскому взгляду, обрабатываются по идеи, если не заимствованной изъ Философіи, то составленной подъ ея руководствомъ. — Известно что самое спросеніе и развитіе всѣхъ наукъ имѣетъ бываетъ совершеннѣе: чѣмъ мысль общая, положенная имъ въ основаніе будетъ строже и вѣрнѣе опредѣлена Философією. — Правда, нѣкоторыя науки могутъ быть обрабатываемы и обрабатываются дѣйствительно въ нѣкоторой независимости отъ философскаго возрѣнія: за то и познанія, какія онѣ доставляютъ, хотя не бесполезны въ жизни, все впрочемъ остаются въ головѣ нашей однимъ сборомъ (fragmenta), или превращаются въ одну механическую ловкость. Для введенія уясненнаго познанія такого рода содержатъ только матеріалы; и богато надѣленный подобными матеріалами во всѣхъ родахъ, послѣ могъ бы только запрудняться ихъ употребленіемъ ко времени, а при боль-

шей даровитости ума скоро обратился бы къ приведенію собраннаго въ систему:— при чемъ философскій взглядъ, хошя несовершенный долженъ былъ бы развиться самъ собою.

Примѣч. Правда, Философію считаютъ иногда роскошью ученою, но это именно отъ одной скудости мышленія, неудовлетворительности образованія не возводящаго, или не вознесшаго до разумнія вышшихъ требованій науки. И тамъ, гдѣ въ мѣстахъ учебныхъ надвѣляютъ голову обучающихся достаточнымъ запасомъ свѣдѣній, а пренебрегаютъ доставленіе прочихъ началъ Философіи, можно и должно ожидать и плодовъ воспитанія только незрѣлыхъ; тамъ образованіе всегда останется поверхностнымъ, пригоднымъ для свѣта, но — скуднымъ для развитія того въ насъ, что есть чисто человеческое. Ищущій образованія полнаго никакъ не можешь обойтись безъ познаній философскихъ. Красота слова и изящество слога никакъ не могутъ замѣнить или восполнить яснаго разумнія.

Тѣми характерическими черпами, которыя мы развили доселѣ, довольно ясно опредѣляеиъся и отношеніе Философіи къ прочимъ отраслямъ и проявленіямъ умственнаго развитія. Чтوبъ прояснить предметъ нашъ еще больше, обозначимъ отношеніе ума къ Религии и Философіи къ общему смыслу, и раскроемъ значеніе Философіи въ ряду прочихъ проявленій нашего разумнія и въ быту житейскомъ. —

Если всѣ науки уступаютъ и должны уступить первенство наукѣ Философiи: то естъ два источника истинъ, которые, какъ спаршиѣ по произхожденiю, оспариваютъ важность Философiи. Эпо—религiя въ положительныхъ ея проявленiяхъ, и смыслъ общiй. Философiя може конечно по произхожденiю и той и другаго. Но, возникая на ихъ развитiи, она усиливается какъ бы довершивъ ихъ дѣйствiе, облагородивъ вѣщанiя общаго смысла высшнейностью, а вѣщанiя вѣры приблизивъ къ разумнiю самоспопашельностью развитаго сознанiя.—

Отношенiе ума къ историческимъ проявленiямъ Религiи, опредѣляемое на философской точкѣ зрѣнiя.—

116. Въ области челоѳческаго вѣденiя нѣтъ ничего запутаннѣе того отношенiя, въ какомъ долженъ бытъ поставленъ умъ къ истинамъ, преданнымъ въ видѣ опкровенныхъ, къ самой Религiи въ ея предметномъ, положительномъ проявленiи. Съ одной спороны недоѳрчивость къ усилiямъ разума, съ другой желанiе поддерживать самоспопашельность его изслѣдованiй поставляли и поставляютъ Богослововъ и Философовъ въ важное разногласiе. Споры всѣхъ

*

время, а особенно новѣйшихъ достапочно показывающъ, какъ должно бытъ осторожнымъ въ развитіи мыслей по сему предмету. Постараемъ указать предварительно основную причину несогласій въ опредѣленіи сего отношенія, попомъ развитъ возможные взгляды на сіе отношеніе и прояснить наконецъ самое отношеніе, какъ оно поспешенно можетъ измѣняясь и споятъ безъ ущерба для откровенія или философской изыскапельности. —

Извѣстно, что не всѣ религіи могутъ бытъ признаны истинными (были и есть въ родѣ человѣческомъ религіи неистинныя, ложныя, въ коихъ образуется понятіе о Верховномъ существѣ и воздается почитаніе сему Существу не достойное Божества, или даже и самаго человѣка. Мы, блаженствуя въ лонѣ Вѣры истинной, не можемъ ощущать тѣхъ противоположностей, въ какія поставляютъ человѣка самаго съ собою религіи ложныя); всякая религія конечно есть выраженіе идей разума (*),

(*) Однажды на всегда замѣшимъ здѣсь, что при семъ изложеніи мы спомъ, какъ и должны споятъ по требованіямъ науки, на точкѣ зрѣнія общей; на кошорой имѣется въ виду не одно откровеніе истинное — Христіанское, но всѣ религіи, преданія въ

но не во всякой—идеи сін предспавлены въ ихъ надмежащемъ совершенствѣ. Какаѣ бы ни была причина сей разности, умъ человѣческій, поднимаясь въ своемъ образованіи, не мо-

качесивъ опкровенныхъ. Доколь мы не опредѣляли способа, какимъ можеть Религія истинная опшичена бытъ опъ невѣрныхъ: до шѣхъ поръ не можеть говорить, какъ бы спояли на почкѣ зрѣнія вѣры извѣстной. Твердо увѣрены, что религія Хрѣстіанская есть религія истинная: но чпобъ проложивъ пупь къ подобной развитой увѣренности другимъ,— должны спать на почку зрѣнія общую, съ которой удобіе усмащриваетса достпннство и значеніе, какое можеть имѣть каждая религія. — Нѣтъ ничего опаснѣе для Философів, какъ говорить предъ людьми, непознавшими всей нужды ея опвлеченій. Математикъ легко прощаютъ подобное опдѣленіе опъ единственнпю вѣрнаго, умѣспнаго случая, чпобъ раскрыть и подпверднть его единственную умѣспность. Не такъ Философів. Разность конечно въ болъшей важности предметовъ: но чего спребуеть развитіе живаго убъжденія, въ томъ конечно нельзя опказашъ по шой одной причинѣ, чшо ты и безъ того думаешь бытъ въ этомъ убъжденъ достпочно. Убъжденіе не всегда есть плодъ зрѣлаго сознанія основаній. Да и убъжденію образовавшемуся безыскусственнпю, кажетса, не слѣдовало бы вооружатьса противъ порывовъ поднятса къ нему, пользующихса пособіями искусства. — Въместо сего, чшо находимъ? — Тамъ, гдѣ

жесть наконецъ не усмотрѣшь несообразности религіи несовершенной, хопя самъ собою въ обыкновенномъ своемъ развитіи не можешь создать и утвердишь Религіи совершеннѣйшей (Въ семъ развитіи онъ можешь только понимать недоспашки вѣры спарой, но не можешь на мѣсто ея пославишь новую шакую, въ которой бы прочіе люди могли находить лучшее удовлетвореніе нуждамъ своего сердца. Эпо дѣло по призванію ли самага Божества, или по одному Его попущенію могушь принимашь на себя только лица, надѣленные

Философъ, опрѣщаясь мыслию опъ всего бышійнаго (конкретнаго) и мѣстнаго, говоришь о предметахъ вообще, — певознесшійся на высоту умозрительныхъ соображеній удерживаетъ въ виду одиъ частности, и изводя на нихъ одиъ черты общія, думаетъ что Философъ опвергаетъ ихъ черты частныя. Совершенно напрасно. Не одиъ общія черты могушь принадлежать предметамъ. Подводя сходные предметы подъ одну черту общую для облегченія ихъ разумнія, не срываетъ съ нихъ черты частныя, опличія характеристическія. — Къ частному естественно не одиъ идушь черты общія. Но когда нужно прояснить значеніе предмета въ цѣломъ, — наука необходимо велитъ обращаться къ чертамъ общей, вышшей. —

особенною выпренностию чувства религиознаго, необыкновенною живостию разумнаго инстинкта. Религія конечно есть выраженіе идей разума; но, какъ не всѣ призваны природою выражать идеи въ произведеніяхъ творчества: такъ не всякій способенъ содѣлаться органомъ небесныхъ откровеній). — Какъ въ искусствахъ дѣло таланта обыкновеннаго только разбирать и обсуживать творенія гениа, а не самому создавать оныя: такъ и въ дѣлѣ Религіи обыкновенный умъ всегда споймѣ только въ отношеніяхъ таланта; его дѣло разбирать, обсуживать. — Но, какъ въ художественныхъ произведеніяхъ, или и во всемъ, что можетъ подлежать суду, талантъ можетъ находить недостатки: такъ и въ религіяхъ несовершенныхъ, умъ, поднявшись къ большей зрѣлости, необходимо успѣетъ открыть недостатки, усмотрѣть примѣсь неразумія въ выраженіи идей разума.

117. Казалось бы, сіе обличеніе слабостей вѣры несовершенной должно было вести людей къ исправленію оныхъ: но не всегда, даже рѣдко, такъ бываетъ. И трудно, должно согласиться, быть довѣрчивымъ къ исправленіямъ произведеній выпренныхъ. Почти

можно сказать, исправленія здѣсь невозможны. Здѣсь можно только опть уваженія одного произведенія переходить къ благоговѣнію предъ другимъ лучшимъ, ошущимо совершеннѣйшимъ. — Не могли самъ подняться до высоты генія и слѣд. замѣнить его, умъ и самымъ яснымъ указаніемъ слабостей въ швореніи генія, не силенъ уронить истинное ихъ достоинство, ни отвлечь людей опть наслажденія ими; люди всегда будутъ наслаждаться работою генія, хопя бы и ошущали, а иногда и ясно усматривали въ ней недоспапки, указанные паланпомъ. Высота идей, развитыхъ въ геніальномъ произведеніи всегда будетъ закрывать въ умѣ наслаждающагося ошущеніе недоспапковъ опдѣлки. Такъ и въ дѣлѣ Религій. Высота мыслей, къ какимъ возносятъ человека религіозныя символы, глубина чувствъ, какія пробуждаютъ въ душѣ религіозныя дѣйствія—закрываютъ собою недоспапки, неизбежныя въ религіяхъ несовершенныхъ; недоспапокъ лучшихъ познаній еще болѣе скрѣпляютъ узы чувства. — И вопъ причина, почему человекъ можетъ не только долго держаться религій несовершенной: но и вооружаться противъ всякаго об-

наженія ея слабостей. Примѣръ видимъ на произведеніяхъ искусства, которыя дѣлаются предметомъ хвалы въ родѣ человеческого: человекъ и къ нимъ уже иногда столько прилѣпляется, что горювъ оскорбляясь неудовлетворительными отзывами другихъ объ искусственномъ произведеніи, имъ почитаемомъ, и воспрещаетъ всякій критическій разборъ онаго. Еще болѣе въ дѣлѣ вѣры. Тѣми чувствами, которыя въ ней развиваются даже въ несовершенномъ ея видѣ, человекъ столько дорожитъ; къ мыслямъ, кои она въ немъ порождаетъ, онъ столько благоговѣетъ, что по сему подобоспросію ко всему, что сколько нибудь связуется съ его Богочченіемъ, онъ самыя временныя опредѣленія вѣры считаетъ неприкосновенными, обряды священными, неподлежащими никакому разумному суду. Вѣра дорога человеку. Для него, особенно при богатомъ избыткѣ пламеннаго чувства и неполномъ развитіи разумности, тягостны, пресупуны кажутся всякія толкованія, или обсуды предметовъ его религіознаго убѣжденія. Онъ услаждается ими предметами, и до пѣхъ поръ, пока не оцущитъ потребности лучшихъ, возвышеннѣйшихъ, онъ будетъ

ревностнымъ гонителемъ всего несогласнаго съ его убѣжденіемъ.

118. Со всѣмъ пѣмъ, отдавая все уваженіе пламенности религіознаго чувства, такимъ образомъ проявляющагося, не лзя не согласишься, что не всѣ умы, и одинъ умъ не всегда бываетъ расположенъ услаждашься только величіемъ предмета, теряясь въ его высотѣ. Въ душѣ есть и стремленіе къ сознанію; совершивъ важное дѣло, вышедъ изъ глубокаго чувства — мы оживляемъ въ памяти прошедшее дѣйствование и состояніе души своей; сего мало, разумность проспираетъ въ насъ свои требованія дальше. То, что было прежде пріято чувствомъ, она подвергаетъ пересмотру разсудка, подводитъ подъ требованія соображенія. Сему пересмотру естественнo можетъ подвергнуться человекъ не только произведенія искусства, выражающаго идеи, но и извѣстное историческое проявленіе Религін. И право на сіе пѣмъ священнѣе, что на той высотѣ, на которую въра возноситъ человека, мы желали бы видѣть его въ совершеннѣйшемъ видѣ, безъ черныхъ пятенъ заблужденія! Хотеть ли онъ сближаться съ Божествомъ, онъ долженъ

имѣшь не только сердце чистое, но и свѣтлое око ума — чтобы самымъ служеніемъ Богу не посрамлять Его святаго величія!—Даже, продолжимъ мысль главную, естъ души, кошорья больше наспроены къ спрогой самоотщепливости, нежели углубленію въ чувствво. Природа не опливаетъ всѣхъ людей въ одинаковую форму. —

119. Теперь, пусть сойдутся между собою два человекъ сихъ различныхъ наспроеній разумной природы; они съ шрудомъ согласятся между собою. Одинъ, съ перевѣсомъ чувства, будетъ шребовать слѣпаго поверженія въ объятія вѣры, доставляющей ему услажденіе. Другой съ перевѣсомъ разумности можетъ обнаружить еще недоумѣнія касательна умѣстности и приличія нѣкоторыхъ выраженій чувства умозрительныхъ, или вещеспвенныхъ. Первый, съ избыткомъ надѣленный чувствомъ идеальнаго, во всемъ скоро и легко находитъ его отраженіе, шягопишся, когда другіе не вдругъ находятъ оное; другой съ шрудомъ будетъ возношиться до сферы горняго, будетъ ушремлять особенное вниманіе на внѣшнюю оболочку, чтобы по ней угадашь, что сокрывается подъ нею, и—дивишь-

ся, когда другіе находятъ въ ней больше, нежели сколько она показываетъ. Другими словами, одинъ будетъ обнимать предметы вѣры чувствомъ, другой разумѣніемъ, одинъ будетъ всегда парить, другой оспорочно подниматься. Одинъ всегда будетъ усиливаться прояснить идею, выражаемую въ дѣйствіяхъ религіозныхъ, обсудить ея значеніе, сообразить, прилично ли, доспапочноли она выражена; другой будетъ шягопиться и оскорбляться всякими изысканіями разсудка, подозрѣвать въ нихъ желаніе подорвать истины вѣры, уничтоженіе священнаго. — Ему всегда будетъ казаться, что другіе не досязаютъ той высоты, на которой стоитъ онъ самъ и поспавляетъ его вѣра: тогда какъ другой будетъ пребывать, чтобы тотъ указалъ ему путь, какимъ онъ возшелъ, способъ, какимъ онъ нашелся на той высотѣ.

Понятно, что зависимо отъ указанной разности настроенія и направленія умовъ и рѣшеніе вопроса объ отношеніи ума къ самой Религіи, — можетъ быть уже не только не одинаково, но и противоположно. Не то это значить, чтобы не было естественной мѣры въ отношеніи ума къ вѣрѣ: но симъ мы хо-

шимъ по сказать, что своеобразное настроеніе больше или меньше всегда можетъ видоизмѣнять судъ о семъ отношеніи. Сія разность суда можетъ по обширному дѣйствию своей причины, и памъ открываешься, гдѣ дѣло касается самой Религіи истинной. Впрочемъ разногласіе долго еще можетъ быть непримѣтно, и двѣ спороны могутъ спояты совмѣстно, доколь одна копорая либо не обнаружитъ неумѣренныхъ припязаній, или не пуснилась въ крайность. — Какъ скоро открывається подобное забвеніе золошой середины: попчасть раждаются споры, обвиненія, проклятія, гоненія. Одна крайность всегда вызываетъ другую, взаимное недоразумѣніе усиливается больше и больше. Узелъ спора стягивается круче и круче.

120. Само собою разумѣется, что сіе склоненіе къ крайностямъ можетъ имѣть различныя степени, едва исчислимыя. Слѣд. если нужно обозначить возможныя различныя рѣшенія упомянушаго вопроса: то не иначе, какъ только взявъ въ разсмотрѣніе самыя крайнія ихъ проявленія, предоставляя частнѣйшія развитія оныхъ изложенію историческому. Нужно ли теперь указать крайнія рѣшенія — оныѣ будутъ

слѣдующія: одно гласитъ: разуму, разсужденію нѣтъ никакого мѣста въ дѣлахъ Религіи; здѣсь мѣсто одной вѣры; другое: вѣра слѣпа, въ дѣлахъ вѣры должно руководиться умомъ и однимъ умомъ. — Это самыя крайности; больше примѣчается склонности къ срединѣ, къ скромности сужденія, когда въ обоихъ положеніяхъ вмѣсто *однѣхъ* поспавляющіе *предпогтительно*; еще больше, когда, совѣтуя опдаваться одному, будущъ требовашь, чтобъ справлялись и съ другимъ. —

Примѣч. Приглядываясь къ спорамъ во всѣхъ родахъ учености, я всегда находилъ, что они собственно касаются не столько существа дѣла, — сколько мѣры, въ какой известная мысль или правдо должны быть допущены. — Кто сообразитъ, какъ трудно уловить и удержать истинную средину: потъ не можешь, кажется, быть столько самонадѣянъ, чтобъ рѣско укоряшь другихъ въ невѣдѣніи, или неблагонамѣренности. Скорѣе онъ долженъ усмиваться развивать до непрерываемой очевидности взглядъ общественный. —

121. Какъ можно думать основательно о семъ отношеніи? Для удовлетворительнѣйшаго отвѣта на сей вопросъ спросимъ предварительно: что должно выпити, если въ дѣлахъ вѣры отвергнушь употребленіе разума, дашь мѣсто

одной вѣрѣ, какъ пребуешь первая крайность? Очевидно всякая вѣра, всякое проявленіе чувства религіознаго, и правильное и неправильное, должны будущъ оспавапья неприкосновенны, священны; тогда Религія не только мало по малу можетъ приняпья недоспойные наросты, но и нѣкопорымъ образомъ освапья самыя спраспы и пороки, предспавля оныя въ богахъ; тогда мнимое угожденіе Божеспву будетъ пребовапья гоненія неоспорожныхъ, преврапно понимаемый образъ примиренія съ Божеспвомъ - кровавыхъ жертвъ человеческихъ. Очевидно, какія слѣдспвія ужасныя. Ибо чувство, неозаряемое умомъ, слѣпо! Возмемъ спеперь другую крайность,—чпю должно быпья, если Религію предоспавишь суду и распоряженію одного ума? — Опяпья слѣдспвія не со всемъ благопріапныя. Умъ, не обуздываемый уваженіемъ давняго, упсверженнаго другими, будетъ спремипья къ безпрерывному измѣненію въ дѣлахъ вѣры; ничего не будетъ спвердаго. Дальше, поелику умъ въ одномъ изъ насъ спакую получаепья спепенъ развитія и образованія, объявляепья спакія пребованія; въ другомъ онъ или поднимаетъ выше, или спойпья еще ниже; а зависимо опъ

сего и требованія различныхъ умовъ будутъ разные: въ дѣлахъ вѣры не будетъ единства;— умъ безъ чувства не пвердѣтъ. Теперь, хотя можно предполагать съ одной стороны, что нѣкогда всѣ люди поднимутся на такую степень образованія, на которой возможно единство; съ другой, что могутъ соспавиться общества людей сходныхъ по своему образованію и потребностямъ сердечнымъ: все одинаковъ опвердѣнія системы вѣрованія на философскомъ основаніи ожидать не возможно. Въ первомъ случаѣ — подобной степени образованія ожидать очень долго, а допоть безъ Религій бытъ невозможно; во второмъ безъ авторитета, безъ водительства, безъ перевѣса на споронѣ котораго либо изъ членовъ долго бытъ не можетъ; а если такимъ образомъ соспавится система вѣрованія, то она будетъ имѣть видъ обыкновенныхъ вѣрованій, распространенныхъ по землѣ. — Такъ обр. ни одному уму исключительно, ни одному преданію, исключаящему изысканія разума дѣло религій предоспавить не возможно. Одно изъ нихъ не можетъ обойтись безъ другаго. Умъ безъ разума—опасный руководитель въ дѣлахъ вѣры! —

122. Теперь стоимъ только приглядываясь къ тѣмъ случаямъ, въ которыхъ мы поспавляемся въ необходимости пользоваться разсудкомъ и когда всецѣло отдаемся вѣрѣ; — и достаточно уяснился мѣра, въ какой можетъ и долженъ имѣть свое достоинство умъ въ области Религiи; еще больше — откроемся въ своей наготѣ основанiя, на коихъ обыкновенно отдается предпочтенiе уму или откровенiю. Во первыхъ надобно согласиться, что умъ не можетъ не входить въ разсмотрѣнiе возможности, общепользности, потребности откровенiя, хотя какъ авторитетъ, оно необходимо нужно въ дѣлѣ, которыми успроется вѣчное благо и спокойствiе челоуѣка. Самъ умъ, даѣе, приступая къ проясненiю нашихъ отношенiй къ Божеству, не можетъ остановиться безопасно на вѣрованiи одного какаго либо народа, а долженъ пройти лѣтпися, воспользоваться познанiями всего челоуѣчества. — Наконецъ — умъ по самому наспроенiю своей природы не можетъ усвоить чего либо довѣрiемъ, не нашедъ на се сколько нибудъ удовлетворительныхъ основанiй. — Во всѣхъ сихъ случаяхъ, даже тогда, когда, нашедъ на прим. истинное откровенiе, умъ испышываетъ его достовѣрность — онъ, пред-

спавляется какъбы стоящимъ выше религiи, выше Откровенiя.— Другiя вступаютъ отношенiя, какъ скоро, узнавъ ближе Откровенiе, мы уеводемъ себѣ оное довѣремъ, и начинаемъ жнпть и дѣйствовать по требованiямъ заповѣдей, изложенныхъ въ религiи, проявившейся во времени. Здѣсь уже умъ начинаеть покорствовать, тогда какъ доселѣ онъ только испытывалъ съ нѣкотораго рода недоувѣрчивостiю.— Теперь, хотя можно сказать еще, что человекъ покорствуеть здѣсь собственно не вѣщанiямъ вѣры, какъ откровенiя, но внушенiямъ погоже разума, который нашеть сiи вѣщанiя согласными съ требованiями своей природы: но это самодовѣрiе бываетъ только съ начала и по не надолго. Умъ, облаженный ствованный убѣжденiемъ въ томъ, чего прежде искало сердце, и въ чемъ разувѣряеть насъ по временамъ разумокъ, скоро можетъ забыть всякiй разъ справляться со внушенiями своей природы, принимаетъ печась вѣры и—его предписанiя какъ бы слышающа съ вѣненiями вѣры.— После сего споннть только не взянть въ соображенiе сихъ различныхъ и противоположныхъ соотношенiй ума къ вѣрѣ, а оспановишься на одномъ изъ нихъ, и — сей часъ зай-

дешь въ крайность при опредѣленіи нормальнаго отношенія ума къ религіи положительной;— какъ не рѣдко и превращающъ религію — дѣло сердца — въ однѣ умозрительныя или исполковательныя изысканія, или дающъ ꙗкой совѣтъ: повѣрь и ты увѣришься: совѣтъ весьма спасительный для душъ ненавыкшихъ мышленію и сужденію' самоспопашельному, но не совсѣмъ умѣстный, когда надобно обратиться къ вѣрѣ умъ швердый, навывкшій соглашашься только на убѣжденія гошовья.

125. Но въ раскрытомъ ходѣ и постепенномъ видоизмѣненіи отношенія ума къ вѣрѣ,—можно видѣть и предѣлъ, до котораго простирается дѣйствованіе ума при сближеніи его съ обласпію вѣры.—Доколѣ умъ не вступилъ подъ знамена вѣры положительной, онъ свободенъ, и можетъ употреблять всѣ силы свои для испытанія, обязанъ ли онъ покаряться ея вѣщаніямъ; справедливы ли ея требованія на довѣріе къ себѣ всѣхъ и каждаго. И нѣтъ ничего естественнѣе и справедливѣе усилій достигнуть развиваго убѣжденія въ истинности извѣстной вѣры. Вѣра связуетъ насъ съ Божествомъ; правоша ея — первое благо наше на землѣ; въ ней основа нашего спокойствія, истокъ

*

нашихъ лучшихъ дѣйствиій. Но чѣмъ самая истинная вѣра можетъ рѣшительнѣе опличена быть отъ ложныхъ, если не тѣмъ, что въ ней разумъ человѣческій найдетъ чистое отраженіе идей, коихъ мерцаніе въ себѣ заспаивало его искапъ большаго свѣта? Чловѣкъ не можетъ наконецъ не сблизкапъ того съ требовапіями разума, что должно получить надъ нимъ господство. И всякому, имѣющему умъ довольно развитый, не естественнѣ ли устремляпъся къ живому и ясному сознанію правоты своей вѣры (ср. §85) чтообъ тѣмъ сильнѣе проявляпъся ея убѣжденія въ жизни? — Самоопченчивость и въ убѣжденіяхъ религіозныхъ есть дѣло достойное чловѣка и вмѣстѣ неотразима по потребности — на вышней степени его развитія. Нельзя конечно принуждапъ къ ней всѣхъ, нельзя требовать ее отъ каждаго. Но образованный самъ будетъ искапъ ее, безъ внушеній споронныхъ самъ употребитъ усилія вознеспъся къ ней; и сколько можно порадовапъся, когда усилія сіи принесутъ надлежацій плодъ свой—убѣжденіе ясное, живое! — Убѣдившись въ справедливости требованій вѣры положительной, умъ уже самъ оставитъ свою излишнюю пышность, и скоро содѣлается живымъ и дѣятель-

нымъ членомъ общества вѣрующихъ. Совершивъ дѣло испытанія, должно уступить мѣсто и увлекающей и оживляющей силѣ чувства.

124. Если и въ области вѣры умъ не можетъ совершенно потеряться и исчезнуть, если и переступивъ въ сію область, онъ будетъ еще удерживать прежнюю изыскательность: то и это воспрещено бытъ не можетъ, и будетъ совершаться по тому же какъ бы праву, по какому умъ въ собственной области не отвергаетъ довѣрія, допускаетъ разумную вѣру. Конечно всякая Вѣра имѣетъ въ виду доставить человѣку полное вѣденіе, и симъ какъ бы освобождаетъ его отъ обязанности больше и больше развивать и расширять свои познанія; — вѣра предполагаетъ замѣнить человѣку недоспающій или лучше неразвившійся еще въ немъ разумъ: — но симъ она не испровергаетъ собственно усилийъ человѣческихъ, ни умственной дѣятельности самостоятельной, напротивъ только еще воспитываетъ къ нимъ. Только неиспичная или превратно понимаемая вѣра можетъ осуждать успѣхи ума въ разъясненіи природы, — или откровеній Божественныхъ! — Вѣра нужна уму, она помогаетъ ему; и умъ не чуждъ вѣрѣ, онъ разви-

ваешь ее, проясняешь наше человеческое сознание Божественнаго (ср. §§ 86. 87. 88). —

Возможность полного сближения ума съ откровеніемъ истиннымъ — безъ ущерба для самостоятельности и изыскательности философской.

125. Не льзя ли бояться, что умъ не сойдепся съ Религіею положительною; не справедливы ли опасенія, что Философія и Откровеніе навсегда останутся въ противорѣчїи? — Сїи страхи совершенно напрасны. Разумѣется, что мы должны взять здѣсь откровеніе — какъ равно и разумъ — въ нормальномъ развитїи. Судя по сему понятїю, и истинное откровеніе и истинная Философія, какъ мы и прежде замѣтили (см. § 90), должны совершенно сойтись въ своихъ внушенїяхъ. Ибо и нашъ разумъ, какъ и истинное откровеніе, данъ намъ отъ Бога, и слѣд. долженъ содержать въ себѣ по крайней мѣрѣ предчувствїе того, что можемъ или должно сообщитъ откровеніе. Теперь, хотя по наспросенїю ума своего, мы не можемъ принять что либо за вѣрное безъ изслѣдованїя, и слѣдов. Философія, какъ главная представительница изыскатель-

ности ума, не можешь сблизиться съ откровеніемъ до шѣхъ поръ, пока не опредѣлишь его достоинства и того довѣрія, какое можно имѣть къ нему: опсеюда однакоже никакъ не слѣдуетъ, чтобы Философія вѣчно должна была оспаваться въ непріязненномъ отношеніи къ Откровенію. — Какъ будто истинны откровенія необходимо должны быть чужды разуму человѣческому. Многое — можешь откровеніе только и подшверждать; и съ сей стороны уже разумъ скоро долженъ сблизиться съ откровеніемъ. Сего мало; можно сказать вообще. Кпо ницетъ извѣспности и не зашелъ до излишней самодовѣренности: шотъ непретънно легко и скоро сблизился съ откровеніемъ. Съ одной стороны пошребность зависимости, глубоко положенная внутри нашей разумной природы, съ другой — невозможность обойтись безъ важныхъ истинъ, сообщаемыхъ откровеніемъ, служатъ доспапочною порукою единства разума и откровенія.

Еслибъ даже мы носили въ душѣ своей одно стремленіе къ самоеспояптельности, и могли удовлетворять нуждамъ сердца своего одитми своими силами: и тогда едвали мы моглибы обходиться безъ откровенія. Но, какъ есть въ духѣ

нашемъ потребность дѣйствовать по своему собственному направленію : такъ есть и необходимость покараться влеченію споронному. И соспоянія ума всегда суть плодъ совмѣснаго дѣйствования обѣихъ сихъ силъ; напряженныя самостоятельныя изслѣдованія наконецъ упомяютъ насъ ; мы ищемъ покоя въ нѣдрахъ вѣры.— Если безжизненный покой какъ бы неспешивенъ уму нашему; если, опдохнувъ на лонѣ вѣры, умъ воспрядасть къ новой самостоятельной дѣятельности : ибо всегда снова долженъ обратиться къ вѣрѣ, чинюбъ снова починъ въ ея объятіяхъ.— Далѣе : и та бѣдность природы нашей, та неизвѣстность, въ которой ославяютъ насъ не рѣдко самыя напряженныя и благонамѣренныя изслѣдованія, заставляющія необходимо предполагать и искать вышшаго озаренія, и слѣд. какъ-бы прямо повергающія въ объятія онкровенія. Человѣкъ не способенъ къ созерцанію предметовъ въ ихъ полномъ свѣтѣ; ему не дано постигать вещи въ ихъ сущности ; онъ долженъ какъ бы скользить по ихъ наружности, спараться проникать основу ихъ держащую и едвали когда либо уразумѣть ее раздѣльно. Теперь, не могши обойтись безъ того, чего такъ

сильно домогаешься, ни превратнымъ покровеніемъ заглушишь требованія своей разумности, — умъ нашъ долженъ бывать по необходимости прибѣгать къ вѣденію вышшему, сообщаемому другимъ, чтобы хотя мало, хотя съ возможнымъ обольщеніемъ облегчить нужды своего сердца. — Мы слабы, и въ такихъ дѣлахъ, каково опредѣленіе отношеній нашихъ къ Божеству всегда дѣйствуемъ болѣе довѣрчивостію; къ ней неопразимо располагаетъ глубокое чувство высоты Божественнаго и нашей слабости человѣческой.

Въ самомъ наспросеніи души нашей находятся ясныя слѣды предрасположенія къ усвоенію откровенія. Съ сей стороны весьма справедливо изреченіе одного изъ Опцевъ Церкви, что душа по самой природѣ своей есть христіанка! Въ самомъ дѣлѣ, что заснавляетъ умъ нашъ вспунать въ напряженное состояніе всегда тяжелой недовѣрчивости, незакончаемаго исканія? — Не желаніе ли, хотя тайное для многихъ, приблизиться къ чистому, Божественному? — Въ душѣ нашей слишкомъ глубоко лежатъ корень единенія съ Божествомъ, чтобы могли удовлетворять насъ познанія ограниченаго, естественнаго: намъ нужно выш-

шее, горнее. Къ нему мы спремимся по на-
правленію, данному природѣ нашей въ самомъ
ея опредѣленіи въ рядѣ существъ объединив-
шихся (недѣлимыхъ). По сей-ли самой причи-
нѣ все паннспвенное увлекаетъ насъ; посему-
ли является ли гдѣ опкровеніе: мы (раз-
умѣтая, если нужды нашего сердца не удовле-
творены доснапочно) со всею спремитель-
стію готовы объявить оное. Посему же самому и
Философія рано ли поздно ли необходимо должна
сблизиться съ религіею положительною испин-
ною. Ибо будетъ ли опкровеніе испинное: пог-
да Философія, если только хорошо пойметъ
нужды челоѣка, подвергнуть испинанію испин-
ны, предлагаемыя въ качествѣ опкровенныхъ, и
убѣдившись въ ихъ горнемъ произхожденіи,
необходимо должна признать оныя священны-
ми и принять не такъ уже, чтобъ считатьъ
ихъ на ряду съ другими мыслями только пред-
положеніями требующими подтвержденія, но
такъ, чтобы находить въ нихъ непреборимую
защиту противъ своихъ сомнѣній (см. § 128).

126. Вспуная въ союзъ съ Опкровеніемъ, не
перяетъ ли Философія кореннаго своего ха-
рактера самостоятельности; или не опказы-
ваешся ли нѣкоторымъ образомъ отъ своего

незакончаемаго исканія истины? — Но изъ того, что мы сказали о самостоятельности философскихъ изысканій, можно видѣть, что сей характеръ оппюдь не ведетъ къ тому, чтобы Философія должна была вѣчно опровергать всякую вѣру, на жизнь и смерть бороться съ вышшимъ спороннымъ внушеніемъ. При всемъ дѣйствіи сего характера самостоятельности умъ человѣческій можетъ соглашаться на извѣсныя истины, хотя не иначе, какъ на основаніи доспапочныхъ убѣжденій. Теперь, какъ истинное опроверженіе не можетъ не сопровождаться сего рода убѣжденіями; ибо Богъ не можетъ идти противъ разума однажды даннаго, не можетъ давать опроверженія такъ, чтобы не оставить на немъ доспапочныхъ признаковъ его небснаго произхожденія: по согласіе ума на истины опроверженія истиннаго оппюдь не будетъ противъ главнаго характера Философін, напротивъ будетъ совершенно въ духъ законовъ природы нашего ума. Извѣсно, что умъ по настроенію собственному долженъ всегда принимать вѣрное, какъ скоро оно оправдалось предъ судомъ его. Слѣдов. не тогда Философія можетъ поступать противъ собственнаго характера, когда при-

нимаешь опроверженіе, — но тогда, когда бы вздумала безразсудно опровергать опроверженіе, въ обоихъ случаяхъ разумѣется, истинное (ср. § 90).

127. И изыскашельность, спремьящаяся къ большому и большому проявленію нашего вѣденія, не только не подавляется, когда разумъ усвоитъ истины вѣры, напрошивъ еще получаетъ надежную опору. Не лзя усремляться вдаль, возноситься въ высь, не имѣя твердой опоры. Хотя въ собственномъ сознаниі, въ самочувствіи своемъ человекъ имѣетъ довольно надежную опору: но стоишь только припомнить, какъ умозрѣніе въ движеніи своего мышленія посмѣвалось и сему оплоту прошивъ сомнѣній, — чтобы убѣдиться, что человекъ имѣетъ нужду и въ другой болѣе твердой опорѣ, нежели какова — общая увѣренность. Извѣстна слабость людей обыкновенныхъ. Въ умственныхъ ли познаніяхъ, въ нравственныхъ ли расположеніяхъ — они всегда нѣкопорымъ образомъ двоятся между собою. Это неизбѣжная участь людей, стоящихъ на степеняхъ разсуднаго образованія. Живошныя не знаютъ сего раздвоенія; ихъ влечетъ, ими властвуетъ одинъ инстинктъ. Теперь хотя какой-то вышій разумный инстинктъ есть

и въ человѣкѣ: но его дѣйствіе слабѣетъ, когда человѣкъ начинаетъ дѣйствовать по разсужденію. Сіе разсужденіе есть слабый начатокъ нашей свободы; умъ лишь нѣсколько успѣваетъ съ нимъ ознакомиться, какъ начинаетъ вполнѣ и всегда ему отдаваться. Но сіе-то разсужденіе всего чаще ему измѣняетъ; слабое въ своемъ началѣ, оно не можетъ собою руководить человѣка къ шажку, къ чему влечетъ его чувство. Между шажкомъ при полной довѣрчивости къ своему разсудку, образовавшейся часпнѣю уже навыкомъ, часпнѣю мнимою, льстивою свободою сознанія, человѣкъ только съ трудомъ можетъ покарять волю и умъ своему разумному инстинкту. Только уже на высшей степеніи развитія умственныхъ силъ или и при большей силѣ инстинкта, надѣленной отъ самой природы, можетъ онъ свое соображеніе и внушенія своего чувства согласить къ одной цѣли, къ единству дѣйствія. Но природа рѣдко являетъ такихъ людей, въ коихъ разумный инстинктъ успѣваетъ проявиться во всей своей силѣ.— За то, когда являющіяся такія лица, все увлекаютъ за собою, все найдя въ нихъ свою норму, съ подобострашіемъ пріемлетъ ихъ чувства, раздѣляетъ

образъ ихъ мыслей, покарается ихъ цѣлямъ. Если при семъ величественномъ развитіи чело-вѣческой природы, ихъ явленіе и дѣйство-ваніе возвышается еще въ своемъ величій па-инственнымъ напѣемъ и содѣйствіемъ сама-го Божества: то уже рѣшительно въ родѣ чело-вѣческомъ совершается торжествъ утвер-жденія истины (ср. § 89).

128. Ибо и Философъ, какъ ни высоко стоитъ онъ надъ обыкновеннымъ сознаниемъ, — не сто-итъ на почкѣ чувства, на той почкѣ, на когно-рой истины непреодолимо овладѣвають нашимъ духомъ, неопредѣленно созерцаются очами ума. Дѣло Философа, какъ мы видѣли (см. § 51 и срр. 158) прояслять, слѣд. бытъ исполкова-телемъ чувства; его дѣло укладываетъ явленія въ соспавленную идеальную норму и симъ способомъ утверждаетъ значеніе самаго идеала. Но мы видѣли, что работа сія почпи неза-кончаема, что только съ нѣкоторымъ наснѣ-емъ обыкновенному соспаянію продолжается, что Философъ, обращаясь въ быту жишей-скомъ, самъ долженъ признавать нѣкоторыя истины неоспоримо вѣрными, раздѣлять об-щія убѣжденія другихъ. Теперь при той не-законченности выводовъ, — что должно дать

пвердосшь его работъ , что должно поддер-
жать духъ его при маломъ успѣхъ его сооб-
раженій, — при той слабоспи обыкновенныхъ
въщаній общаго смысла , что должно укрѣпи-
лять его въ надеждѣ , что извѣстное пред-
спавленіе содѣланное нормою вселенной —
непреложно вѣрно , если не та живая увѣ-
ренносшь , какая проявляется въ людяхъ , въ
копорохъ яснѣе и рѣшипельнѣе прочихъ раз-
вился и обнаружился характеръ человѣчества?
— Смѣло можемъ сказать : религіозная увѣ-
ренносшь нѣкопорохъ лицъ рода человѣческа-
го есшь наиболѣе надежная опора для фило-
софской изыскапельноспи ; Философія никогда
не моглабы иппи пвердымъ шагомъ , не смѣ-
ла бь рѣшипельно высказать вышшихъ мыс-
лей , каковы на прим. Богъ дѣйспвуесть въ мі-
рѣ , еслибь не было въ родѣ человѣческомъ
такихъ лицъ въ умспвенномъ и нравспвенномъ
опношеніи совершеннѣйшихъ , для коихъ сія
мысль была спольже вѣрна , какъ ихъ жизнь
собспвенная , и кои вполнѣ проникаясь и ожив-
ляясь сего рода мыслями , не сполько не уронили
въ себѣ характеръ человѣчества , напрошивъ
еще возвысили его и рѣшипельнѣйшимъ , шор-
жеспвеннымъ образомъ развили. Для самаго

Философа, какъ онъ способенъ болѣе къ ясному, нежели живому сознанію,—возбудишельная сила другихъ, какъ воздѣйствіе внѣшней природы при образованіи ея объясненій, составляетъ важную необходимую основу. — Свѣтлый лучъ мысли только памъ можетъ съ успѣхомъ открывать свою концеприческую дѣйственность: гдѣ уже пробудилъ жизнь къ развитію—темный лучъ чувства. — Такимъ образомъ именно живое Богосвѣденіе, какъ непреоборимое убѣжденіе, какъ естественное проявленіе разумнаго чувства въ человѣчествѣ, даетъ вѣрную опору Философіи. Его истины составляютъ какъ бы путеводныя звѣзды, поставленныя по мѣстамъ горизонта умозришельнаго, дабы умъ могъ безопасно двигаться въ обширной области человѣческаго мышленія. — Астрономъ знаетъ безпредѣльную глубину неба и смѣло простираетъ въ него взоръ свой, чпобъ все небо наполнилъ свѣтлыми звѣздами. Такъ и Философъ, утвердивъ какъ свѣтлыя звѣзды на небѣ истины опкровенія, спарается прозрѣть во мракъ, лежащій между ними, чпобъ вызвать изъ него переходный свѣтъ силою созерцанія! И его работа тогда только можетъ кончиться, когда снѣ, какъ новый Гершель,

разольепть яркій свѣтъ по всему горизонту мыслей человѣческихъ.

Отношеніе Философіи къ Догматикѣ богословской, какъ наукѣ. —

129. Короче и проще опредѣляется отношеніе Философіи къ Богословію, или опредѣленнѣе къ Догматикѣ. Тоже единеніе, какое мы показали необходимымъ между умомъ и опкровеніемъ, оказываепся еспешвеннымъ и между двумя ихъ предспавипелями — науками, Философіею и Догматикою Богословскою. Правда харакперами своими онѣ довольно разняпся между собою, и именно въ философскихъ изслѣдованіяхъ, какъ мы видѣли, берепть перевѣсъ самоспопшельноспъ, въ опредѣленіяхъ богословскихъ имѣепть мѣсто зависимоспъ. Философія на вѣрноспъ мыслей ищепть основанія въ связи и сущеспвѣ самыхъ мыслей, и довѣряепть больше пребованіямъ ума: Богословіе, какъ и всѣ науки положипельныя, должно шолько излагашъ мысли гошовыя, высказанныя въ священныхъ памяпникахъ, слѣд. въ своихъ ученіяхъ зависѣпть опъ испочника положипельнаго. Но надобно помнипъ, чшо въ крайноспяхъ, взяпыхъ опдѣльноп, приближенія къ полной испинѣ нѣптъ. Бого-

словіе безъ философскихъ основаній не всегда можетъ удовлетворять сознанію образованному, и Философія безъ истинныхъ вѣщаній Откровенія должна идти къ истинѣ путемъ длиннымъ, чрезвычайно упомпительнымъ и едва ли надежнымъ. Да и самъ умъ человѣческій, разсмаприваемый въ себѣ самомъ, не можетъ завлекаться ни къ всецѣлой самостоипельности, ни водиться всегда однимъ довѣріемъ безъ всякаго изслѣдованія.— Въ его природѣ лежишь совмѣстное требованіе шого и другаго.

Почему предположивъ вѣрнымъ съ одной стороны, что Божественное откровеніе истинно дано, и что Догматика излагаетъ оно въ видѣ совершенно вѣрномъ, а съ другой, — что умъ человѣческій при размышленіи объ бышномъ, поступаетъ совершенно согласно съ своими законами, — можно напередъ быть увѣрену, что Философія и Догматика въ семъ случаѣ сошлись бы между собою совершенно. Ибо не лзя думать, чтообъ Божество могло разногасишь въ своихъ откровеніяхъ. — Но какъ не всякая Догматика можетъ быть признана правильнымъ изложеніемъ Божественнаго откровенія, и какъ наоборотъ не всякая философская система можетъ бышь признана

полнымъ выраженіемъ жизни природы : по разности между ними по крайней мѣрѣ въ неважныхъ чертахъ почпи неизбежна. Люди не одинаково понимаютъ природу и положительные памятники во всякое время.—Какъ поступать при оказавшейся дѣйствительной разности выводовъ Богословія съ опредѣленіями Философіи, можно судить по тому, что мы сказали о средствахъ къ соглашенію при опровергающейся разности пребываній разума съ указаніями опыта *mutatis mutandis*. Въ пятой мысли о неизбежности сихъ небольшихъ разногласій можно утѣшать себя по крайней мѣрѣ небезосновательнымъ ожиданіемъ легкаго сближенія ихъ между собою. Примеръ на нашихъ познаніяхъ; не будучи полными обладателями истины, мы все однакожъ постепенно больше и больше уравниваемся съ природою въ своихъ представленіяхъ. — Не освобождая Философію отъ обязанности сближаться съ Отверженіемъ посредствомъ Богословія, можемъ здѣсь напомнить сей послѣдней наукѣ, чтобы она не забывала сближаться съ Философіею. — Богословіе посредствуетъ между отверженіемъ и человѣческимъ разумомъ. Чтобы облегчить послѣднему усвоеніе перваго, она

*

естественно должна принакапъ къ образова-
нію, въ какомъ находилъ философія, чшобъ вся-
чески распространить дѣйствительность чувствъ
Божественныхъ въ кругу общежитія! — Яс-
ное и зрѣлое указаніе идей разума въ оболоч-
кѣ положительнаго—вопъ высокая задача Бого-
словія, въ разумномъ духѣ обрабатываемаго!—

*Отношеніе Философіи къ общему смы-
слу.*

130. Какъ относится Философія къ общему
смыслу? — Хотя сей источникъ истиннаго не
рѣдко прошивопоставляли Философіи, пребу-
я, чшобъ рѣшенія послѣдней нисколько не раз-
нились съ убѣжденіями перваго: но если сказашъ
наше сужденіе,— Философія не имѣетъ и не мо-
жетъ находить въ смыслѣ общемъ заклѣпаго
прошивника своимъ опредѣленіямъ. Онъ упоренъ
сей прошивникъ, неиспребимъ, но получаетъ
все свое значеніе, легко развиваетъ всѣ свои
силы только подъ вліяніемъ и озареніемъ Фи-
лософіи. Философія конечно не въ силахъ дове-
сти его до ничтожества: но она и не захочетъ
попирать его внушеній, если правильно по-
нимаетъ свое назначеніе. Общій смыслъ долженъ
непремѣнно искапъ себѣ помощи отъ Философіи

чтобы удержать свое влияние во всех разви-
тиях силы мысленной; безъ поддержки Фило-
софiи силы его иногда могутъ оказаться скуд-
ны, опредѣленiя шапки, голосъ слабъ. Вспу-
паешь ли онъ въ союзъ съ Философiею: бе-
рутъ силу и вѣсь — получаютъ значенiе всѣ
опредѣленiя здраваго смысла. — За то и сама
Философiя не можетъ обойтись безъ союза съ
симъ слабымъ пропивникомъ: тѣ представле-
нiя быша дѣйствительнаго, въ коихъ мы пре-
жде указали вѣрило философскихъ умозрѣнiй,
всѣ составляюща въ области или подъ руко-
водствомъ здраваго смысла. Самая твердость
Философiи нѣкопорымъ образомъ утверждае-
тся на работѣ здраваго смысла (ср. § 61). Хотя
объемъ свѣдѣнiй или представлений, составляе-
мыхъ подъ руководствомъ общаго смысла, не
разложенъ: за то дѣйствуетъ сильнѣе, непре-
одолимѣе; увѣренность, съ какою утвержда-
ются въ душѣ существа мыслящаго тѣ пред-
ставленiя — совершенно непреоборима. Прав-
да общiй смыслъ не всегда вѣрно передаетъ
намъ явленiя, какъ онъ есть: — за то видъ
сихъ явленiй оспаривается неизмѣненъ и послѣ
того, какъ изслѣдованiя разума убѣждаютъ
въ ошибочности воззрѣнiй чувственныхъ. Такъ

ощущеніе собственнаго бытія въ человѣкѣ ничѣмъ непреодолимо; такъ никогда не пересяпанеть намъ казаться, что солнце, небо движется, а не земля.

Значеніе Философіи въ ряду проявленій теловѣческаго разумнiя. —

151. Вникнемъ ближе въ поспешное развитіе нашей силы разумнiя: и отношеніе Философiи къ тому, что обыкновенно называется общимъ смысломъ, опредѣлился яснѣе. Есть въ человѣкѣ какое-то тайное чувство истиннаго; не во всѣхъ дѣйствуетъ оно совершенно, но тѣмъ не менѣе его дѣйствiя иногда очень вѣрны. Иногда только тайно дѣйствуетъ оно; — не совсѣмъ непреоборимы его гдушенiя: за то сiи внушенiя имѣютъ такую увлекающую силу, что идти противъ нихъ мы не иначе можемъ, какъ съ нѣкоторымъ насилiемъ самимъ себѣ. Не проявлено и почти непрояснимо это чувство: но тѣмъ не менѣе оно во всѣхъ развивается очень рано; въ нѣкоторыхъ лицахъ можетъ быть очень живо, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ дася себѣ разумѣть ясно. Не всегда дѣйствуетъ оно въ человѣкѣ; и особенно примѣтно, что съ раз-

вище́мъ разсудка оно ослабѣваетъ: за то снова является со всею силою, когда изъ сферы разсудка человекъ вступаетъ въ область разума. Въривъ предметному значенію своихъ представлений, твердо опличаешь истинное отъ ложнаго при рѣзкой, полной ихъ противоположности, скоро переходивъ отъ дѣйствія къ причинѣ, по явленію судишь о силѣ, оной производящей, признаешь справедливостъ нравственныхъ требованій и осуждаешь уклоненіе отъ оныхъ, спокойно дѣйствовать въ ряду другихъ существъ — вопль обыкновенное проявленіе общаго чувства, здраваго смысла. Чего не достаетъ въ сихъ дѣйствіяхъ, то именно только строгая опечтливостъ, яснаго сознанія: почему образъ сихъ дѣйствій и мыслей есть дѣйствительно вѣрный, безошибочный. Смыслъ общій едвали можешь оптискивающему на сіе основаній сказать и то: я нужусь такъ мыслишь и дѣйствовать, этоотъ образъ поведенія мнѣ естественный. — Нужно прийти въ помощь разсудку, чпобъ подобная опечтливостъ образовалась.

152. Но приходишь разсудокъ, начинаешь свое дѣло: и скоро то, что было досель твердо, оказывается слабымъ; непреоборимое убѣж-

деніе успунаесть обольспипельнымъ выводамъ разсуденія. Причины сего — не одинаковы во все время дѣйспвоанія разсудка. — Въ первыхъ дѣйспвіяхъ своихъ разсудокъ слабъ, какъ и всякая сима; не можешъ усмопрѣшь и раскрышь всѣхъ опношеній, на основаніи коихъ пребованія чувспва должны бышь уважены, удовлеспворены. Только продолжипельное упражненіе собспвенныхъ силъ можешъ прояснпшь для насъ опношеніе ума къ чувспву. — Въ первыхъ порывахъ къ сочешанію и сблпженію мыслей, всякое сопрпкосновеніе, созвучіе однихъ словъ соспавляешъ уже для разсудка доспапочное основаніе; прпводптъ еще дѣпская игрпвостъ, непзбѣжная прп первомъ развппнп силъ; нѣшь спепеннаго испанія исппны, нѣпъ спрогаго углубленія въ себя самага. Узель, однажды случайно запупаннпй, надолго намѣрпенно оспавляешъ нераспупаннпмъ.

Опсюда еспеспепенно начпнаешъ дпнная борба между разсудкомъ и чувспвомъ, въ копорой рано или поздо послѣднее возмешъ верхъ надъ первымъ. — Но нужно спачала оспепеннпшьса самому разсудку, чпобъ развплся разумъ. Являешся какой лпбо спарець Сократъ, возпнкаешъ мудрець Арпспошель, и начпнающъ разру-

шапсья игры разсудка, начинается работа спройная, оспорожная; но долго еще, долго разсудокъ и по оспепененіи долженъ развиваться свою дѣяпельность, прилагашъ ее къ жизни, пока наконецъ начинаешъ усмапривашъ неудовлешворипельность, незакончаемость въ самыхъ своихъ дѣйспвіяхъ. Человѣкъ, привыкшій дѣйспвовать по правиламъ и навыкамъ разсудка, и, усиливаясь поднѣшъ до разсужденій разумныхъ, все еще сбиваетсь на спезю спарую, копорую ходилъ доселѣ. Да и разсудокъ самъ собою не можетъ уже воспановишъ спой связи въ мысляхъ, копорую успѣлъ распоргнушъ силою своего разложенія.

133. Въ самомъ дѣлѣ что дѣлаешъ разсудокъ? Онъ разлагаетъ понятія, сопоставляетъ оныя съ другими, находитъ между ними разность и сходство; свѣсивая по и другое и подводя предметы подъ одинъ родъ, онъ всегда помнитъ, что при всемъ ихъ сходствѣ разность между ними существенная. Самую связь между предметами онъ гоповъ опнеси къ произведеніямъ собственнымъ. Если онъ когда и подводитъ одно понятіе подъ другое: по сіе подведеніе въ глазахъ его погда полько важно, рѣшишельно, когда одно понятіе совершенно

подчиняется другому. — Сойдутся ли два понятія соотвѣтственныя: ему работа безконечная обглядѣшь, не оказывается ли на которой сторонѣ какой либо излишекъ. — Вошь человѣкъ подстерегъ, кажется, самую силу въ ея дѣйствіи: разсудокъ говоритъ: а не можешь ли бышь, что подобное сочепаніе мыслей есть дѣло одного навыка, а не природнаго хода вещей. Такимъ образомъ тогда, какъ чувство все беретъ совмѣстно, цѣликомъ (оно живетъ конкретнымъ); разсудокъ все дробитъ; ему не легко перейти отъ самаго *есть* къ *нѣтъ*, отъ дѣйствія къ причинѣ: ибо понятія сін суть понятія соподчиненныя.

Хотите ли видѣть дѣйствіе разсудка въ обширнѣйшихъ размѣрахъ: посмотрите на человечество въ настоящее его положеніи. Въ семь состояній оно большею частию находится на степеняхъ разсудочнаго развитія. Чтожь? Есть въ немъ понятія, пребыванія высшія: но сильнаго, рѣшительнаго проявленія сихъ пребываній въ сужденіяхъ и дѣлахъ не видно. Въ зрѣломъ общежитіи человѣкъ приучается жить по расчетамъ корысти; внѣ успѣховъ гражданственныхъ — черпы добродушной гоповности ко всему доброму заглушающа пре-

увеличеннымъ зависимо опъ мѣстныхъ обспо-
япельспивъ уваженіемъ какаго либо провор-
спва, несогласнаго съ совершенспвомъ нрав-
спвеннымъ. И вообще, когда нужно намъ сдѣ-
лапъ доброе дѣло, разсужденіемъ своимъ мы
успѣваемъ заглушипъ голосъ совѣспи — сего
чувспва нравспвеннаго, извинипъ свое укло-
неніе опъ закона. Разсудокъ вездѣ гошовъ
довольспвовапъся слабымъ выраженіемъ ис-
спиннаго, ибо полному его успѣваетъ замѣнипъ
кривымъ развипіемъ соотношеній мысли съ
другими, копорыхъ не слѣдовало бы сопоспав-
ляпъ съ нею. Сказапъ ли? — Сама Философія
долго не успѣваетъ освободипъся опъ обольспи-
пельной основательности дѣйспвій разсудка,
не можетъ подннпъся до мысли, что еспъ
испина, независящая опъ подчиненія одной
мысли подъ другую? Добро — сила разсуж-
денія: но шолько шогда, когда работаешъ
она подъ спрогимъ надзоромъ разумаго ин-
спинкпа?

134. Чѣмъ должна кончипъся сія работа
разсудка? — Или разрушеніемъ всего, или по-
корностію разсудка чувспву. Еслибы мы оспа-
навливались на степени образованія разсудочна-
го: испинное было бы для насъ одно нижшее,

подчиненное испинамъ вышшимъ; едва ли бы-ли бы самая сіи вышшія, особенно заимспву-емыя изъ области умспвенной (а не еспесп-венной). — Умъ человѣческой, особенно при большемъ развитіи разумѣнія, не можетъ на-конецъ не примѣнитъ, что силою разсудка не завершитъ вѣденія. Проходя область поняпій разсудка дѣйспвительнo можно увѣриться, что въ немъ нѣтъ мысли завершительной. Поняпие *сущаго* объемлетъ только всю область мысли-маго: но не сближаетъ насъ съ Богомъ. При-ыходитъ голось чувспва, развиваетъ пламен-ная жажда вышшаго, единенія съ нимъ: и вопъ человѣкъ, не могши обойтись безъ вышнихъ испинъ, наконецъ ощущаетъ уже недовѣрчи-вость къ дѣйспвіямъ самаго разсудка, пре-дается влеченію разумнаго инспинкта, усво-ляетъ его внушенія, подтверждаетъ оныя сколько можно соображеніями разсужденія. Те-перь уже разсудокъ, бывшій дополь преимуще-спвеннымъ власелиномъ въ царствѣ мыслей, покарается въ послушаніе, и начинаетъ ра-боту развитія и усиленія владычества чув-спва; — человѣкъ вступается на степень раз-умности! Приведеніе всего къ спройному един-спву, покореніе высокой цѣли еспъ дѣло разума.

135. Спросимъ ли теперь, въ какомъ отноше-
ніи можетъ и должна стоять Философія къ ряду
постепенныхъ проявленій нашего разумія:
опвѣсть довольно близко; — она не можетъ
уже продолжатъ или подкрѣплятъ разруши-
тельныя дѣйствія разсудка; ея дѣло осмот-
рѣть всего человѣка, обсудить всѣ его поло-
женія и опредѣлить образъ его мыслей и дѣй-
ствій не по развитію одной способности, но
цѣлаго организма силъ и проявленій душев-
ныхъ. — Теперь, хотя Философія не можетъ
отождествиться или слиться съ общимъ
смысломъ, ибо общій смыслъ безопасенъ:
тѣмъ не менѣе она не можетъ и опровергнуть
его, ни вовсе признавъ ничтожными пре-
бываній и опредѣленій разсудка; иначе она ли-
шила бы себя доспапочною защиты. Попро-
шивъ она должна по отношенію къ общему
чувству — взять его, опредѣлить его природ-
ное значеніе, устранить въ немъ недоспа-
пчное: ибо произведеніе естественное не
удерживаетъ въ своемъ развитіи всѣхъ совер-
шенствъ; далѣе, прояснить пребыванія и раз-
судка соображеніемъ его въцаній со всеми
проявленіями природы внутренней и внѣш-
ней; попомъ разборомъ всѣхъ проявленій ра-

зумѣнія возвысиль онѣя до опчешливости, чшобъ по, чшо досель оспавалось однимъ голосомъ безошешнаго чувства, содѣлалось гласомъ просвѣщеннаго ума; — словомъ — темныя опредѣленія общаго смысла возвысиль въ строгія прѣбованія челошеческой природы. — Такимъ образомъ нашъ разумный гнспинкшъ, проясненный дѣйствіемъ Философіи, получилъ новую силу; челошкъ, досель неразвязное орудіе природнаго влеченія, возрасшеть къ ясному разумѣнію своей свободы и горныхъ идей, шаящихся въ душѣ его.

156. Такъ, ешь въ душѣ нашей какош-шо шайное расположеніе мыслншь о совокупности явленій міра шакъ, а не иначе; долженъ бышь извъшшнй какъ бы обликъ природы или органической жизни всего бышнаго, копорый ешешственъ духу нашему; ешь шайныя, важныя мысли, копорыя какъ бы неразрывно соединены съ сущешвомъ нашимъ. Особенно чаяніе Божештва, убѣжденіе въ безмершнн, живое копя темное чувство своей свободы сущь шакія мысли, копорыя сопровождаютъ челошкка на всѣхъ развишнхъ его мышленія, во всѣхъ странахъ его прешельшвія по землѣ. — Такъ шѣсно связаны онѣ съ разумною

природою нашею, шакъ плотно завишы во все видимое спроенiе мiрозданiя, чшо пошъ при- нялъ бы на себя дѣло безконечнаго переспраи- ванiя вселенной, кшо захощѣлъ бы дасть ей спройный видъ безъ одной изъ сихъ мыслей. — Философiя въ сихъ мысляхъ имѣетъ для себя и значительныхъ указателей въ полѣ умозрѣ- нiй и въ поже время важныя средства вос- полнительныя въ опредѣленiяхъ всего бышнаго (ср. § 97.) Во всей природѣ можно смѣдишь сіе восполненiе, когда разумъ усмотрѣлъ его од- нажды, — и вся природа оспается чѣмъ-шо незаконченнымъ для ума, когда онъ опри- цаетъ воспользоваться сими полновѣсными мыслями! — Уяснишь пошъ обликъ еспеш- веннаго намъ образа мыслей о жизни вселен- ной, приблизишь къ сознанию наше необходи- мое къ нему предрасположенiе, развишь шѣ мы- сли до непрерываемой очевидности для всѣхъ и каждаго — вопъ благородное дѣло, какое принимаешь на себя умъ философспвующiй? Счастливиъ умъ, кошорому не приходило на мысль сомнѣваться въ сихъ испинахъ, но еще блаженнѣе ша душа, кошорая вознеслась до развишнаго разумнiя необходимости оныхъ. Философiя шѣмъ выше по достоинству: чѣмъ

больше успѣваетъ приближать ихъ къ сознанию всѣхъ и каждаго. — Она очень облегчаетъ рѣшеніе своей задачи, когда опдѣляется опъ нихъ однимъ предспавленіемъ ихъ въ видѣ прерованій нашего разума.

Знаеніе Философіи въ быту житейсколѣ.

137. Какое значеніе можетъ и должна имѣть Философія въ быту житейскомъ? — Разумѣется, задачу Философіи не можетъ быть — представлять бытъ житейскій, образовавшійся во временной и мѣстной дѣйствительности, въ качествѣ необходимаго прерованія науки. Самостоятельная въ своихъ опредѣленіяхъ, она не можетъ принимать на себя видовъ всякаго временнаго изложенія житейскихъ отношеній; плодъ зрѣлаго разума — она можетъ судить, что образовалось доселѣ въ обществѣ по нормѣ, представляемой природою, и не можетъ прикрывать дѣйствительныхъ уклоненій опъ нормы естественнаго. — Она не есть ни историческое изложеніе различныхъ образованій гражданственности, ни статистическое показаніе большихъ и малыхъ отраслей гражданскихъ соотношеній, — сіи зеркала

ла, въ кошорыхъ общество можетъ безъ спыда
смотримъ на свое прошедшее, и со вѣмъ
искусствомъ красить свои черты настоящія.
Она — беззавѣтная служительница истины.—
Для самоспопашельныхъ ея соображеній какъ бы
не существоуетъ несовершенство отношеній
общезитія; знакомая съ горными высями умо-
зрѣнія, она умѣетъ всякой разъ облегчать се-
бя, какъ скоро здѣсь — долу недоспаетъ чистпа-
го воздуха для свободнаго дыханія. За то, спу-
скаясь долу, одно еспешвенное, нормальное
поставляетъ она всюду правиломъ, мѣриломъ
и закономъ!— Не навязываясь припязатель-
но, она хочетъ служить обществу указаніемъ,
къ чему оно должно постоянно спремиться
въ своихъ соотношеніяхъ, какими путями мо-
гутъ люди идти прямо къ счастью неиз-
мѣнному.— Сосредоточивалась въ саму себя, она
творитъ мѣръ вновь, по пѣмъ соображені-
ямъ, какія можетъ составить человекъ на
самой вышней ступени своего умспвеннаго
развитія. — Спрашивается: какое значеніе
въ быту житейскомъ должно быть усвоено
симъ умозрительнымъ построеніемъ отноше-
ній общезитія?— Отвѣтъ правильный на
сей вопросъ, кажется, долженъ быть такой,—

что Философіи должно быть уступлено право сослѣвлять и излагать подобныя поспироченія: но что сама Философія, понимая правильно свою работу и ея отношеніе къ быту обыкновенному, никакъ не поспребуешь скороспѣшнаго переведенія своихъ идеаловъ въ бытъ дѣйствительный. —

158. Бытъ жипейскій можетъ имѣть двоякое значеніе, разсмаприваешь или какъ совокупность отношеній общественныхъ, или какъ случайныя положенія лицъ частныхъ. Въ томъ и другомъ видѣ общезипіе не можетъ не принимать болѣе или менѣе сильнаго вліянія отъ опредѣленій Философіи. — Въ самомъ дѣлѣ, что такое бытъ жипейскій въ большемъ размѣрѣ взятый? — Не справедливо ли, что эпо — совокупность отношеній, въ которыхъ люди поставили себя сначала по неяснымъ спребованіямъ разумаго инспинкпа, а въ послѣдспвіи по соображеніямъ разсудка, поуающаго насъ, какъ можно скорѣе помогаешь своимъ нуждамъ? Только въ послѣдспвіи Наука и Религія, возводя людей къ большему совершенству облагороживающъ и ихъ бытъ общеспвенный. — Теперь, если бы спребованія разумаго инспинкпа были при самомъ пробужденіи челоука къ само-

чувствію — опредѣленнѣе: общественныя отношенія людей между собою образовались бы съ перваго раза какъ не лзя совершеннѣе. Къ сожалѣнію проявленіе инстинктуальной разумности не всегда идетъ къ своей цѣли путемъ прямымъ, ходомъ твердымъ; сами требованія разумнаго инстинкта восходятъ къ ясности и опредѣленности не иначе, какъ при посредствѣ видоизмѣняющихся отношеній, въ которыхъ люди поспавляютъ себя повременно. Промысль судилъ человѣку — самому выработывавшяся (emporarbeiten) къ положенію для него естественному, идеально совершенному, и симъ какъ бы опредѣлилъ рядъ непрерывныхъ видоизмѣненій въ отношеніяхъ общественныхъ. Въ сихъ видоизмѣненіяхъ люди, ощущая большее или меньшее несогласіе своихъ утвержденныхъ положеній съ тѣмъ, къ чему спремило ихъ собственное влеченіе, — скоро вновь усремляются къ улучшенію и облагороженію своихъ соотношеній. Такъ обр. историческое изложеніе отношеній жишлейскихъ по требованіямъ разумнаго инстинкта только мало по малу можетъ восходить къ своему нормальному совершенству. — Само развитіе разсудка въ ходу семъ часто только больш

*

ше запушываетъ отношенія жипейскія , досель образовавшіяся. Для разсудка, какъ мы видѣли , многое кажется непонятнымъ и напраснымъ, чего шакъ рѣзко пребудетъ чувствиво разумное.— Еслибы при сихъ отношеніяхъ не развивался въ чловѣкѣ разумъ: чловѣкѣ могъ бы оставаться для себя неразрѣшимую загадкою , бытъ въ вѣчной борьбѣ самъ съ собою.— Только развивающійся мало по малу , при посредствѣ нѣхъ историческихъ , перемѣнныхъ отношеній общезипія, разумъ успѣваетъ полнѣе проразумѣвать нѣ отношенія, въ копорыхъ люди должны спояны между собою по наспроснiю собсипенной природы. — Указаніе и раскрытіе сихъ отношеній общества по идеаламъ, разума принимаетъ на себя наука Философіи.— Очевидно, что опспрание ее опъ вниканія въ отношенія общезипія, какъ онѣ образовались досель , — значило бы успранить опъ обсуда и проясненія общеспвенныхъ отношеній самый разумъ , и слѣд. осудить родъ чловѣческой на безоппечное вращаніе въ опношеніяхъ неизмѣнныхъ, безъ всякаго лучшаго взгляда на будущность, — безъ благородныхъ , достойныхъ чловѣка , усилій приблизить по крайнѣй мѣрѣ къ пониманію ис-

пинное наше назначеніе, и узнашь ближе средства, могущія искупить бѣдное челоуѣчество отъ его бѣдности. —

159. Не будемъ спорить, что подобныя разъясненія и обсуды не всегда могутъ быть и казаться правильны, не всегда оканчиваются убѣжденіемъ въ превосходствѣ настоящаго: но настоящее — не послѣднее звѣно въ нашемъ развитіи; за его совершенство не лзя ручаться со всею увѣренностію. Дорого и потребуешь всей защиты собственно справедливое; времени для него нѣтъ. — Но и Философію мы должны брать съ ея истинномъ значеніи. Въ семъ значеніи, она какъ наука идеаловъ, какъ наука, усиливающаяся вознесшись къ представленію чисто естественныхъ намъ отношеній не только неопасна, но и благотворна. Не думаемъ, чтобы кто вздумалъ степенно спорить противъ того, что всякое общество пополюку можетъ преусиивать въ своемъ внутреннемъ благоденствіи, пополюку приближается къ положенію, пребуемому природою. Не все положительное, соспоявшееся досель, — есть чистый непомраченный обликъ отношеній общества, какъ оно должно быть по понятію идеальному. Еще болѣе: не все поло-

жизненное навсегда оспается въ помѣ зрѣломъ совершенствѣ, въ которомъ иногда утверждаютъ его лица необыкновенныя. Подвергаясь развитію въ рукахъ другихъ, не совсѣмъ способныхъ понять и удержанъ духъ преобразователей, оно принимаетъ нерѣдко видъ несчастливый. — Теперь, хотя можно предполагать и предполагать справедливо, что лица, утвердившія бытъ общежитія въ извѣстное время, усердно усиливались вознесись къ нормальному образу отношеній общественныхъ: все, какъ съ одной стороны всякое положительное опредѣленіе быта житейскаго есть плодъ временныхъ нуждъ, временныхъ понятій о благи обществу, мѣстныхъ отношеній, — а съ другой, — какъ Философія имѣетъ въ виду совершенство идеальное, которое не изложилось конечно ни въ какое еще время, и не смотря на то, должно бытъ цѣлю образованій общества временныхъ; — для освѣженія жизни общественной нужно именно чаще выснавливать на видъ человѣчеству, къ чему должно оно стремиться во взаимныхъ связяхъ, какой видъ должны имѣть отношенія общежитія. — Стремленіе къ опредѣленію идеальнаго совершенства, возмож-

наго въ быпу жипейскомъ , можешь всегда обновляться и всегда приносить плоды благовословенные. —

140. Здѣсь въ быпу жипейскомъ , чпобы прояснить значеніе , какое можетъ имѣть Философія и въ частныхъ отношеніяхъ людей между собою — всѣ связи и дѣйствія такъ основаны на самосѣи; такъ мало поспушковъ число человеческихъ. Преобладаніе чувственности въ кругу вышшемъ , жажда частной корысти въ лицахъ , движущихъ капиталами сонмы народа рабочаго , мертвая покорность видамъ другихъ не всегда благоразумнымъ въ лицахъ , которыя могли бы и должны были бы одушевлять общество , поспепенно подвигать его къ большему совершенству , вообще какая-то лѣность во всемъ , что касается до цѣлей число человеческихъ , — суть общая язва непримѣнно подѣдающая жизнь общества въ ея корнѣ. — Нѣсколько недѣлимыхъ , воспящаемыхъ въ своихъ благородныхъ порывахъ , въ своей преданности высокимъ предназначеніямъ — что могутъ онѣ сдѣлать ? — После сего кто не пожелаешь , чпобы усердіе къ лучшему , порывы къ чисто человеческому пробуждаемы были сколько можно сильнѣе , чпобъ новые роды воспитыва-

ясь усвоили между прочимъ и благородную ревность къ благу общему, вышшему?— Подобное настроеніе умовъ, если можетъ распространить какая наука, по именно Философія. Развить сѣмя добра, въ каждомъ изъ насъ положенное природою, одушевить людей къ дѣйствіямъ чисто человѣческимъ, оживить чувство благороднаго — пакъ, чпобы оно брало въ насъ перевѣсъ надъ всѣми приманками чувственности, истребляло всякое облыненіе, непримѣнно отдаляющее людей отъ вышшаго совершенства, — есть хопя не прямое назначеніе сей науки, но зиждется на изысканіяхъ собственно принадлежащихъ ей. — Не дѣло конечно Философіи полагать на сердце людямъ ихъ священныя обязанности, но распространить въ обществѣ лучшіе взгляды на наше нравственное величіе, разлейте разумное сознаніе законовъ нашей вкупренней природы: — вы увидите, какъ освѣжится жизнь общеспи-ва, какъ облагородится бытъ житейскій.—

Уступимъ, что Философія не можетъ и не должна имѣть прямого, непосредственнаго соприкосновенія съ частичными видоизмѣненіями гражданственности. (Она имѣетъ въ виду человекъ на поий его высотѣ, на которой онъ

не сущеспвуетъ болѣе для однѣхъ мѣлочныхъ сдѣлокъ общежитія, на кошорой одушевленный для одного праведнаго и свяшаго, живешъ онъ благомъ и для блага цѣлаго).— Но природенное челоувку побужденіе по крайнѣй мѣрѣ въ умственныхъ соображеніяхъ спронтъ еспественный образъ быша какъ вещей, такъ и челоувка, а слѣд. и гражданскихъ отношеній, — и всеобщее неподавимое стремленіе къ утвержденію и сихъ отношеній въ томъ видѣ, въ какомъ пребуешъ ихъ природа, необходимо поставляютъ бытъ гражданскій подѣ болѣе или менѣе сильное и обширное вліяніе умозрительныхъ открытій философскихъ. — Пусть не всѣ люди зрѣлы для безопносительнаго переведенія идеаловъ въ жизнь дѣйспвительную: все Философія, какъ указательница прямыхъ путей къ благоденствію, не можетъ не успремлять взоры смерпныхъ выспръ, лишашъ слабое челоувчешво своего руководешва. — Какъ представительница разума, Философія должна смѣло вразумлять людей въ ихъ отношенія и нужды вышшія. Какъ перпвливыи наспавникъ спокойно должна усиливатъся развить въ людяхъ священныя понанія правды и добра! —

141. Но въ наше время такъ боятся Философiи, такъ опасаются распространенiя ея лучшихъ взглядовъ. Переживъ недавно перiодъ общенародной, пошлой Философiи, когда благороднымъ именемъ любомудрiя прикрывались безпокойныя выходки оспроумiя, послѣ чего готовѣе всего были зло общественное, произпекшее изъ другихъ источниковъ, изъ неуваженiя къ правамъ человѣчества, — относить на счетъ опостыльввшей Философiи, — мы опасаемся, кажется, священнаго имени Философiи. Напрасно. Временное проявленiе Философiи не есть еще вся Философiя. — Къ сожаленiю въ самомъ опечесивѣ мы не успѣли еще съ именемъ Философiи соединить драгоцѣнныхъ воспоминанiй; о Философiи мы знаемъ только по слухамъ или опголоснамъ чужеземнымъ; удивительно ли, что она съ трудомъ только можетъ найтись себѣ входъ? — На среднѣ между богатымъ жизнью, но бѣднымъ собственною дѣятельностiю востокомъ, и изыскапельнымъ, самоспопяпельнымъ западомъ, — мы, противопоставлявъ сначала элементъ неподвижности, въ послѣдствiи можетъ быть чрезъ мѣру увлеклись силою быспропечнаго запада. — Поймемъ свое значенiе, — удержимъ

середину, которая указана намъ природою. Познаніе природы человѣческой, какъ развилась она доселѣ, должно предохранить насъ и опъ неумѣреннаго спесненія ума и опъ безмѣрнаго послабленія порывамъ своего воображенія.— Раскрывъ предъ симъ неумѣспность перваго, прояснимъ теперь несообразность послѣдняго.

142. Въ самомъ дѣлѣ ни обыкновенное устройство общеспія, ни сознаніе свойсва своихъ идеаловъ, необходимое въ наукѣ — не позволяють той спремительности въ переворотахъ быта гражданскаго, которая споль кровавыми слѣдами означивалась въ послѣднее время.— Конечно, если бы въ общеспивъ было сколько можно больше людей съ разумностию развитою, если бы въ рукахъ ихъ вполне находилось распредѣленіе отношеній быта житейскаго, если бы не надлежало имъ иногда бороться съ предрасудками, съ обычаями давними, дѣйствовать сообразуясь съ соспояніемъ умспвеннаго развитія лицъ нижшихъ, если бы при сознаніи благонамѣспности собственной, они были увѣрены въ полной покорности другихъ: — еспь надежда, — они могли бы опредѣлить всѣ отношенія быта житейскаго очень, если не вполне, совер-

шенно. — Но много ли найдется въ самомъ образованномъ государствѣ лицъ съ полною зрѣлостію разума? Самое невѣжество не часто ли вооружается противъ благодѣтельныхъ распоряженій благоразумія? — Безпрерывная подвижность отношеній человѣческихъ, обширность соображеній, какія нужны для того, чтобъ всегда искусно давали движеніе такой многосложной машинѣ, каково общество человѣческое, все это требуетъ такой осторожности въ приѣмахъ — что всякая опрометчивость могла бы обнаруживать недостатки обширности во взглядахъ и свѣдѣніяхъ. — Сколько подобныя соображенія могутъ доспапочно ослеплять неумѣренныя припязанія на завершительную зрѣлость понятій объ нуждахъ общества — въ лицахъ, опредѣляющихъ отношенія общественныя: столько съ другой стороны — должны они обуздывать необдуманную спротивность людей, удаленныхъ отъ кормила государственнаго, всегда гонимыхъ требованій совершенства въ постановленіяхъ — полнаго. Приближенные къ кормилу общественнаго устройства, пѣже самыя лица, скоро могли бы убѣдиться, что корабль общества — не столь легокъ въ ходу своемъ ;

что надобно имѣть мочную руку, большее терпѣніе, опытныхъ и благонамѣренныхъ помощниковъ, и предусмотрительную распорядительность, что бы видоизмѣнить положенія общества всякой разъ, какъ не лъзя, лучше.

145. Сама наука въ семь случаевъ,— не должна ли быть оспорозна въ предложеніи своихъ плановъ?— Въ самомъ дѣлѣ, если гдѣ нужна недовѣрчивость къ своимъ соображеніямъ, — то именно тамъ, гдѣ должно опредѣлять нормальное. Конечно опытъ опредѣленія того, что должно быть, Философія по своему характеру откажется не можетъ; она спремится къ естественному; все наспоющее, состоявшееся имѣетъ для нее болѣе временное значеніе; она можетъ слѣдить, какъ оно соспавилось, видѣть, опытъ какихъ моменповъ, вошедшихъ въ дѣйствіе при его соспавленіи, можно ожидать слѣдствій неблагопріятныхъ; и должна опредѣлять, какъ человѣчеству слѣдуетъ уложитъ себя въ раму общественныхъ отношеній по самому наспроенію своей природы. Но, — ея идеалы всегда должны долго соспаваться одними идеалами, никогда не перейти въ дѣйствительность вполне. Иначе и быть не можетъ потому, что идеальное всег-

да въ развиціи своемъ въ умъ — опереживаетъ дѣйствительное въ его образованіи въ жизни. Наша мысль всегда выпрядаетъ выше испорческаго изложенія отношеній, въ какихъ люди должны сполать между собою. Въ семъ отношеніи можно сказать смѣло — идеалы Философіи никакъ не осуществимы къ быту обыкновенномъ. Вопль вы образовали свои соотношенія по пѣмъ требованіямъ, какія объявлялъ доселѣ умъ вашъ: — но не думайте, чпобъ симъ кончилисъ вышія желанія вашей разумности; обгядишесь въ вашемъ дѣйствительномъ, образованномъ подъ виды идеальныя, — вы скоро увидите недоспапки, доселѣ ускользнушіе изъ вида. Вы восполните ихъ, но опять примѣтите современемъ новыя нужды. Так. обр. работа овеществленія идеальнаго есть работа безконечная, есть работа непрерывная (*). При сей подвижности мысли, и при шой влоспи вещества, — кпо не согласишсь, что для успѣшности измѣненій самый лучший пріемъ буденъ топль, чпобы

(*) Нахожу пужнымъ указать здѣсь на одно разсужденіе, помѣщенное въ Сынѣ Опечества за прошлый 1832 годъ въ NN. 11 и 12. *Объ отношеніи идеальнаго къ дѣйствительному и обратно.*

избѣгать переведенія въ дѣйствительность образованій мысли, имѣющихъ значеніе только переходное, между тѣмъ давая самой маперіи, такъ сказать, выспанваться, приходивъ въ дряхлость. И — когда ожиданія обновленія распроспранялся обширнѣе: тогда уже немедленно приступать къ обновленію жизни общественной. Сей моментъ, когда перемѣны быша житейскаго не могутъ быть долѣе откладываемы, — есть самая важная задача Полипики. — Философія, занятая не столько наблюденіемъ текущаго, сколько открытіемъ того, что должно быть усвоено и оспаться неизмѣнно, — не можетъ вмѣшиваться во временный ходъ общежитія. Особенно не можетъ она одобрять судорожныхъ переворотовъ для обновленія машины государственнаго устройства. Она знаетъ, что само общество, какъ всякой организмъ, безпрестанно можетъ и должно обновляться въ своихъ силахъ, и, какъ всякой организмъ, не можетъ вдругъ развиться со всеми совершенствами.

Такъ обр. Философъ, съ твердою увѣренностію въ безконечной усовершенности общественныхъ отношеній, съ ревностію объ ускореніи успѣховъ гражданственности, о при-

ближеніи челоувѣчскости, но въ поже время довольный пѣми успѣхами, какіе Небо судило роду челоувѣческому во всякое время, — спокойно и въ поже время дѣятельно участвуетъ въ облагороженіи всѣхъ отношеній быта житейскаго. Безпокойныя головы не принадлежатъ Философїи. —

144. Вопѣ мы соспавили себѣ понятїе о предметѣ изысканій философскихъ, прояснили прїемъ, посредствомъ котораго Философїя можетъ наибольше успѣвать въ рѣшеніи своей задачи — въ разумѣніи природы вообще, ознакомились и съ характерическими чертами, подъ которыми должны развиваться философскія изслѣдованія: но не знаемъ еще ближе ни испочника, изъ котораго Философїя почерпаетъ свои опредѣленія, ни силы, которою она соспавляетъ ихъ; ни предѣла, на которомъ могутъ останавиться, ни начала, отъ котораго должны выходить философскія изысканія. Мы не знаемъ еще ни начатковъ, изъ которыхъ образуется стройная цѣлость Философїи, ни естественнаго направленія, какое должно быть принято въ соспавленіи матеріаловъ Философїи, ни наконецъ перехода сихъ матеріаловъ въ видъ науки. — Правда на нѣко-

порыя изъ сихъ предметовъ можно уже находить довольно ясныя намѣки въ предъидущемъ изложеніи. Но хода развитій философской изыскапельности мы еще не знаемъ опредѣленнѣе. Мы узнали Философію, какъ твердый организмъ, имѣющій въ себѣ и основу своей жизни и носящій черпны, нужныя для особеннаго бытія какъ организмъ, который все согласное съ своею природою покарлетъ своему составу, и переработываетъ въ себѣ до красиваго представленія въ благородной формѣ, удерживая въ своей работѣ и жизнь свою и силы: но не знаемъ еще Философіи ближе — въ ея движеніи, въ ея разноспороннемъ развитіи. Чшобъ дать полное понятіе о вводимой наукѣ раскроемъ и ходъ ея развитія въ жизнь дѣйствительную, отъ первыхъ ея началъ до раздробленія на разнородныя отрасли, которыя даютъ богатое жизнію стѣмя ея. —

Источники опредѣлений философскихъ.

145. Разумѣется, что Философія на задачи свои должна дать какіе либо опредѣленные опыты. Какъ ни назовише сіи опыты, опредѣленіями ли, или рѣшеніями, всегда можно

спрашиваешь: откуда должна заимствовать ихъ Философія; какой источникъ долженъ дать имъ представленія или взгляды, которые разъяснятъ намъ бытъ природы, и законы ума нашего и нашей свободы? — Сама природа не можетъ быть принята здѣсь въ соотнесеніе; она даетъ матерію мыслямъ, но не образуетъ, не исходитъ ихъ; она пробуждаетъ духъ нашъ къ дѣятельности, но сама не совершаетъ сей дѣятельности; тайнымъ, но непререкаемымъ образомъ вѣдряетъ она намъ представленія частныя, но не представляетъ, не сообщаетъ понятій общѣнравныхъ. Сія послѣдній духъ нашъ составляетъ уже болѣе собственными силами, какъ и вообще мысли образуются, возникаютъ именно въ нашемъ умѣ.—Только—въ самомъ человѣкѣ, къ которому мы естественнымъ образомъ обращаемся отъ природы, указуютъ попеременно при различныхъ источникахъ опредѣленій умопроизводныхъ, представляющихъ три отличныхъ опоры, дальше которыхъ не лзя идти въ изслѣдованіи происхожденія и достоверности мыслей. Это суть или—чувство внутреннее; или озареніе высшее, или наконецъ самъ разумъ.— Спрашивается, изъ котораго изъ сихъ источниковъ Философія дол-

жна почерпать свои опредѣленія?— После того, что мы сказали объ отличительныхъ чертахъ философскихъ изысканій, угадашь не трудно.—

146. Чувствомъ, говорятъ одни, чувствомъ только можно разумѣшь истинное; чувство одно должно рѣшить задачи ума. Въ насъ есть какое-то неразгадаемое тайное убѣжденіе думать такъ а не иначе. И споймъ только прислушиваясь къ сему голосу, чтобъ увѣриться, что, руководясь имъ, всегда можно получать доспапочныя свѣденія для своихъ нуждъ человѣческихъ. — Въ семъ мнѣніи такъ много истиннаго, и въ тоже время столько ложнаго, что на немъ одномъ можно ясно видѣшь, какъ человѣкъ можетъ быть близокъ къ истинѣ и въ тоже время далекъ отъ нея.— Въ насъ есть тайное убѣжденіе думать такъ а не иначе. Справедливо. Когда мы въ чемъ нибудь увѣрены, мы не можемъ думать иначе: но споймъ только вникнувъ ближе въ сіе состояніе увѣренности, чтобъ убѣдиться, что увѣренность наша всегда имѣетъ свои основанія; что сіи основанія палтсся для сознанія только по желанію или неспособности лица привести ихъ въ яность. Въ семъ состояніи человѣкъ, обрадованный, какъ бы какой находкъ, извѣстному

*

убѣжденію, не можемъ, кажется, довольно утвердить его за собою. Занятый удержаніемъ за собою своей мысли, онъ не имѣетъ довольно ни оспорожності, ни усердія для того, чѣмъ войти въ разсмотрѣніе основаній, которыя заставляютъ его думать такъ а не иначе.— Разумѣется, если бы мы могли имѣть одну увѣренность справедливую: — почему бы не позволили подобной твердости убѣжденія? Тогда, поелику ошибки были бы невозможны, не нужно было бы и предостерегать, чѣмъ повѣряли, или проясляли, свою увѣренность, не нужно было бы внушать: смотри, дѣйствительно ли основательна твоя увѣренность, не ошибочныхъ ли ты держишься мыслей. — Къ сожалѣнію мы можемъ погрѣшать и въ то же время можемъ быть столько увѣрены въ своихъ мысляхъ ошибочныхъ, что онѣ представляются совершенно естественными, и инаковый съ ними образъ сужденій — совершенно превратнымъ. — Что будете думать въ подобныхъ случаяхъ? Если поставите за правило слѣдовать одному чувству убѣжденія: вы можете на вѣки оспаваться при своемъ заблужденіи. Конечно оно можетъ долго оспаваться для васъ истинною: но надобно совершен-

но оспановиць преспѣянiе вашихъ мыслей, чшобъ вы оспались при своей увѣренности на вѣки; а поже придици въ познанiе истины, конечно никому нежелательно. — Чего собственно недостаетъ при подобномъ увѣжденiи: то именно яснаго, развилага сознанiя оснований. Это состоянiе есть болѣе состоянiе инстинктуальное, нежели разумное, къ какому челоуѣкъ долженъ возвышаться. Въ немъ только начатки нашего вышшаго развитiя. — Мы не можемъ унижать его: но не можемъ и одобрить, когда бы кто захоуѣлъ на немъ оспанавливаться; еще болѣе, когда бы вздумалъ представлять его источникомъ опредѣлений Философiи. Чувство высказываетъ многiя глубокiя истины: но Философiя не можетъ представлять си истины въ томъ же необходимомъ видѣ, въ какомъ даетъ ихъ чувство. Она должна ихъ переработать — дѣло, которое совершаетъ уже не чувство. — По характеру самоотчетливости, по характеру выспренности, Философiя не можетъ довольствоваться однимъ увѣжденiемъ чувства. Ибо чувство неясно, и больше занято предметомъ единичнымъ. А Философiя на однѣхъ гаданiяхъ и усмотрѣнiяхъ оспановицься не можетъ.

147. Не можетъ Философъ въ составленіи своихъ опредѣлений ссылаться и на собственное озареніе высшее.— Это другая крайность, спольже дамекая отъ истиннаго шакта, копорый свойственъ Философин, споль же, если еще не больше, блиская къ безошечности, спрого осуждаемой Философіею. Тогда какъ прибѣгая къ чувспву, шеряюся какъ бы въ природѣ; ссылаясь на озареніе, — погружающся въ Божество.— Неоспоримо, есть небесное Опкровеніе: но оно сообщено всѣмъ, — чрезъ органы извѣсныя. — Философія ищетъ собственно разъяснить жизнь природы, уразумѣть законы вселенной по указаніямъ, какія даетъ сама природа. Для сего она не можетъ ни предполагать, ни ожидать озаренія особеннаго. Чистое человѣческаго произхожденія, она должна и пользоваться силами чисто человѣческими, должна довольствоваться одною силою разумнія. Она можетъ и должна бываетъ прибѣгнуть къ Опкровенію, только всемірному, безъ ущерба самоотчепливости, — тамъ, гдѣ силы ума человѣческаго не достгаютъ; можетъ и должна она прибѣгнуть къ помощи горней, но только не къ сомнительному озаренію часпному, а къ опкровенію истинному, данному

для всего рода человѣческаго.— Въ дѣлѣ, какое принимаетъ она на себя — зрѣлое разумнѣе естъ самое лучшее озареніе, какаго она можетъ искасть. Его нечего ожидать; къ нему надобно восходитьъ всѣми усиліями, какія для сего попребны.— Самоспопашельность Философіи опвергаетъ всѣ облегчипельные для человѣческой лѣности пріемы. Опчепливость, ясность сознанія— ея законъ, первый и послѣдній.—

148. Послѣ сего очевидно, испочникъ, изъ котораго Философія можетъ и должна почерпастъ свои опредѣленія, естъ самъ свѣпшый умъ человѣческой въ его вышшемъ развитіи — *разумъ*. Симъ мы не ушверждаемъ, чпобы природа или Божеспво своимъ дѣйспвіемъ на духъ человѣческой нисколько не помогали намъ въ образованіи вышшихъ умспвенныхъ опредѣленій: но имѣемъ въ виду указашъ полько испочникъ самый сродный, еспспвенный— шакой, который бы вполнѣ соопшпспвовалъ философской самоспопашельности и выпспренности. — Вышшее умспвенное самосознаніе, на кошоромъ ушверждаешя философская выпспренность и самоспопашельность, ни опкуда больше не развиваешя какъ изъ нашего разума, въ его шаинспвен-

номъ единеніи съ сущимъ и Первосущимъ взяшаго. Философія будучи плодомъ сшрмленія нашего къ самосвѣденію, должна слѣд. всегда усиливашься вознестись къ полному развитію разума и не иначе соспавлять свои опредѣленія, какъ съ его внушеній и требованій. Иначе истинное, какое буденъ сообщать она, можетъ бытъ или не совсѣмъ чисто, или слишкомъ обыкновенно.

Философія, какъ мы замѣтили, есть наука чисто человѣческаго происхожденія (почему въ ней можно находить и слѣды человеческой слабости и человеческого совершенства); въ ней мы, какъ существа свободныя, усиливаемся сами собою развитъ образъ мыслей намъ природный. Конечно для образованія его, мы не можемъ не прибѣгать къ природѣ, не пользовавшись вѣщаніями опкровенія истиннаго: но сила въ томъ, что человекъ самъ собою хочетъ поставить себя и природу въ то мѣсто, какое указано Виновникомъ бытія. Евклидъ брался, нашедъ мѣсто внѣ шара земнаго, сдвинуть самую землю съ ея мѣсна; Философствующій умъ обрѣтаетъ эту почву въ самомъ себѣ, только усиливается міру сему, по непрерывной подвижности измѣняющему свою

почку, указашь его вѣчный образъ бытія, опредѣлишь предѣлы и округъ его оборошовъ. — Доспапочно ли для сего имѣешь онъ силъ, рѣшишь опытъ и другая наука. — Мы должны только указашь средство, какимъ приготовляешся и совершаешся сіе перепоспроеніе вселенной. —

Средство, которымъ приготовляются философскія опредѣленія.

149. Средство, которымъ приготовляешся разумныя опредѣленія, указующія образъ бытія вселенной, не въ другомъ чемъ можетъ соспоять, какъ именно въ мышленіи, семъ дѣйствіи, которымъ обыкновенно проявляешся дѣятельность ума нашего, которое часъ опъ часу болѣе облагораживаешся и возвышаешся въ своихъ опправленіяхъ по мѣрѣ того, какъ образуешся и развиваешся сила умственная. — Оспавленный самому себѣ, умъ еспешвенно долженъ пользоваться только пѣми пособіями, которыми доспавляешъ ему развитіе собственныхъ силъ его. Не по эпозначитъ, чтобъ онъ долженъ былъ погрузитъя всецѣло въ себя одного; изъ себя самага образовашь новый міръ. Эпо не подвинуло бы насъ далеко

въ рѣшеніи задачъ Философіи.—Нѣтъ,— для сего достапочна и попребна ша сила въ насъ, копорая покаряешъ природу въ умспвенную форму, переводитъ въ понятія внѣшній бытъ предметовъ, успѣваетъ проникать во внуспреннюю ихъ жизнь, сила, копорою умъ можетъ какъ бы излагать себя самага вънѣшпо жизненное, въ мысли созерцапельныя, чшобъ сопспавляя въ нихъ свое мысленное построеніе съ природою, — прояснять жизнь всего быпинаго и видѣть свои успѣхи въ разумѣніи міра. — Эпо — сила мышленія, душа Философіи: опнимите мышленіе, рушился за другими познаніями и сама Философія. Только мышленіемъ можетъ и должна Философія приближаться къ истинѣ. Кпо сомнѣвается въ возможности мышленіемъ когда либо уразумѣть жизнь суцаго: потъ уничтожаетъ Философію въ самомъ ея корнѣ. Мы можемъ наконецъ опкрыть истину, и должны для сего употреблять силы своего ума:— вопъ первое пребованіе, какое объявляетъ Философія, первое предположеніе, копорое до времени она можетъ допускать, не предспавляя доказательспвъ. Кпо сомнѣвается въ вѣрности онаго, потъ можетъ воспавать прошивъ философскихъ изысканій:

но никогда не успеешь оппечливо опвергнуть оныя. Чшобъ его возраженія прошивъ доспнжимоспи истиннаго имѣли какой либо вѣсъ, онъ долженъ предварительнo пройши весь запасъ философскихъ опредѣленій; изъ одной предоспорожности посмопрѣшь, не опкроешся ли въ нихъ мысли, на которую и онъ долженъ согласиться. Тогда онъ долженъ найши, чшо не предполагая вѣрною мысли, нами указанной, онъ самъ не могъ бы вооружаться прошивъ опровергаемыхъ умозрѣній; послѣ чего слѣдуетъ только войши въ ясное сознание сего шайнаго предположенія, вѣрно обсудить его: — и связь мыслей необходимо переведешь его къ другимъ мыслямъ и пак. образ. доспавивъ хопя шѣсный кругъ убѣжденій. Если онъ и послѣ сего обнаружитъ еще рѣшипельное сомнѣнiе: мы напомнимъ ему, чшо онъ выпсупаешъ изъ сферы своей, хочешъ создашь испину для человѣка на основаніи нечеловѣческомъ. Для человѣка, а слѣдов. и для Философа дано одно человѣческое движеніе мышления; съ нимъ и чрезъ него должны мы поднаться къ полному разумѣнію испины. —

Въ наспоящемъ положеніи мы не имѣемъ яснаго возрѣнiя на внутреннюю жизнь предме-

повъ; чувство, живо и раздѣльно созерцающее предметы, не опкрываетъ намъ ихъ природу безошибочно. Правда и теперь есть это чувство истиннаго, и теперь съ нимъ мы можемъ отличать истину отъ заблужденія: но оно не столь сильно, чтобы при первомъ, такъ сказать, соприкосновеніи съ предметами показывало рѣзко ихъ отношеніе къ намъ; но — сама природа назначаетъ его къ переходу въ разумнѣе предметовъ сознавательное. Мы должны долго обращаться въ области мыслей правильныхъ и ложныхъ, чтобы наконецъ твердо умѣли отличать оныя и зрѣло знаемъ почву ихъ соприкосновенія и перехода истинны въ ложь. Не иначе, какъ путемъ длинныхъ соображеній можемъ мы дойти до истины. Только сличая отношенія мыслей къ нашему Я и другимъ мыслямъ, слѣдов. сближая понятія между собою, можемъ мы усматривать, какая мысль должна быть признана вѣрною и въ какомъ отношеніи.

150. Но мышленіе наше имѣетъ какъ бы при степени своего развитія; оно или образуетъ только предметы чувственные въ представленія умственные, или составляетъ черты общія предметамъ многимъ или всѣмъ, или на-

конецъ проразумѣваетъ пачинственнѣй образъ ихъ бытія и произхожденія. Пожелающѣ знать, какимъ развитіемъ мышленія по нашему мнѣнію должна пользоваться Философія при составленіи своихъ опредѣленій. — Съ перваго взгляда можно уже видѣть, что подѣ мышленіемъ, какъ кореннымъ средствомъ къ рѣшенію задачъ Философіи, мы не можемъ разумѣть одну игру понятіями, составленными умомъ, безъ справки съ предметами дѣйствительными. Мы не отдаемъя вполнѣ дѣйствию или влеченію одной мыслящей способности; произведеніемъ ея дѣятельности, мы попокику только усваиваемъ извѣстное достоинство, поколику онѣ согласуются съ дѣйствительнымъ положеніемъ или нормальнымъ представленіемъ вещей внѣшнихъ. Мышленіе, копорымъ долженъ пользоваться Философъ, не есть одинъ переборъ понятій опвлеченныхъ, удобоприложимыхъ ко всѣмъ предметамъ, но шѣмъ не менѣе не дающихъ опредѣленнаго представленія ни объ одномъ. Можно и должно пользоваться Философу и сего рода движеніемъ мыслей: но только по совершеніи мышленія спрадательнаго, копорое покаряетъ и сочетаваетъ только то, что даетъ видѣть самъ предметъ;

можно и должно пѣмъ движеніемъ мыслей пользоваться: но полько не должно думать, чпобы имъ и заключалось дѣло философской обработки мыслей; оно должно возвести насъ къ сознанию вышшему, назовемъ такъ, самодѣйственному сознанию идей. Употребите одно мышление опвлеченное (посредствующее переходъ ума опъ опытнаго усмотрѣнія вещей къ идеальному ихъ построению) безъ первыхъ представлений, опъ коихъ оно образуется, и безъ высокихъ идей, къ коимъ оно возводитъ: — вы останетесь висѣть между небомъ и землею; не уразумѣете вѣрно послѣдней, ибо вы пренебрегли ознакомиться съ ея быпомъ дѣйствительнымъ; не узнаете и перваго, ибо не употребили довольно усилий, чпобъ вознестись до него; успѣвъ подняться на довольно высокую, не хотѣли оставить своей низкой, темной почвы зрѣнія. —

Конечно можетъ представляться, чпо мысли опвлеченныя суть какъ бы достояніе, данное душѣ нашей для постиженія предметовъ, сокрывающихся опъ чувственного взора: со всѣмъ пѣмъ, вникнувъ ближе въ систему сего мышления, можно увѣриться, чпо оно есть полько незаконченный порывъ ума опъ

чувственнаго къ горнему.— Возмите понятія самобытнаго (substantia) и перемѣннаго (accidens) необходимаго и случайнаго: что въ нихъ для познанія дѣйствительнаго, что для познанія идеальнаго? Не говоримъ, чтобъ мышленіе сего рода вовсе было не нужно, безъ него не пробудились бы въ душѣ и идеалы вышшаго. Хопимъ только показати, что Философія не можетъ останавливаться на одномъ мышленіи отвлеченномъ, а должна подниматься къ мышленію проразумѣвательному, которое обыкновенно называютъ созерцательнымъ. Уясненіе жизни цѣлой вселенной и ея зависимости отъ Бога, пребудетъ по необходимости сего перевѣса извѣстныхъ дѣйствій мышленія.

151. Отъ мышленія отвлеченнаго обращающіяся обыкновенно къ опытному; надѣются чрезъ него проникнуть въ тайный составъ природы. Несправедливо. Въ Философіи, какъ наукѣ, развивающей вышшее сознаніе о природѣ, и дѣйствія, совершаемыя мыслию при принятіи предметовъ внѣшнихъ, не могутъ только еще приготовляться, обдѣлываться; здѣсь нужно уже имѣть оныя въ готовности. Онѣ должны быть всѣ уже пройдены, обдуманы, должны дать направленіе разумѣнію вышшему;

здѣсь нужно не столько принятіе въ себя впечатлѣній внѣшнихъ, сколько самоспопашельная обработка вышшихъ мыслей и обыкновенныхъ представлений въ ихъ взаимномъ отношеніи между собою, — соображеніе. Принятіе впечатлѣній внѣшнихъ хотя есть дѣйствіе мысли человѣческой, но не есть еще самоспопашельное движеніе мысли въ области гоповыхъ уже понятій, не составляетъ разумнія философскаго.—

152. Подъ мышленіе, какъ орудіе философской работы, мы хотя должны подвеспи все дѣйствование нашей умной способности, но особенно должны разумѣть подъ нимъ только извѣстный родъ свободнаго соображеніямыслей, поспъ, хотяпорымъ однимъ душа человѣческая можетъ проразумѣвать жизнь природы внуспреннюю. Ибо усмотрѣнія чувспвенныя, хотя даютъ основу для разумнія сей жизни, хотя носятъ въ себѣ, какъ какое зерно, пашиспвенное спроеніе природы, но не обнаруживаютъ, не раскрываютъ предъ нами внуспренной ея жизни. Сіе открытіе совершаетъ сама мысль тѣмъ только, что болѣе свободнымъ дѣйствіемъ разоблачаетъ представленія чувспвенныя, обнажаетъ сокровенную въ нихъ жизнь природы

и симъ входиптъ въ соучастіе мысли Божеспвенной, держащей и созерцающей сію жизнь въ немерцающемъ свѣпѣ. —

Сего рода представленія принадлежатъ больше разуму, тогда какъ понятія общія суть плодъ разсудка и представленія опытныхъ произшекаютъ опъ разумѣнія чувственнаго. Философія, какъ наука, произшекающая изъ разума, должна преимущественно дѣйствовать первыми: но, какъ самый разумъ развивается на зрѣлости чувства внуренняго и разсудка, и въ своемъ образованіи не отвергаетъ произведеній сихъ способностей умственныхъ, а только опредѣляетъ каждому изъ нихъ надлежащее значеніе: по и нижшія понятія не могутъ не вникатъ болѣе или менѣе въ работу философскаго соображенія. Впрочемъ высренность философская можетъ воспользоваться сими послѣдними только для утвержденія своихъ надопытныхъ воззрѣній. —

Примѣ. Понятія или представленія вообще раздѣляютъ обыкновенно на *умпроизводныя* (a priori), образованныя силою нашего ума и *бытопроизводныя* (a posteriori) заимствованныя съ опыта. — Очевидно противоположности не надобно понимать строго. И понятія бытопроизводныя производиптъ попъ же умъ, кошорый образуетъ понятія умственные. —

Никакое умственное произведение, какъ равно никакая вещь въ природѣ, не могутъ быть плодомъ одного фактора; по сему только перевѣсь на споръ одного производителя понятій — ума или природы — можетъ обозначаться въ упомянутыхъ наименованіяхъ. Между двумя сими крайними развитіями мыслей можно находить средній видъ — понятія общія, въ составленіи которыхъ какъ бы поравну, участвуетъ природа и свобода ума. —

*Конецъ, который должны заключить-
ся философскія изслѣдованія. —*

153. Симвъ средствомъ, которое мы развили доселѣ, Философъ долженъ уяснить образъ бытія сущаго въ главныхъ его опрасляхъ, сопоставить умственные опредѣленія, разъясняющія бытіе дѣйствительный. Медленно средство, которымъ онъ долженъ пользоваться, за то плодотворно, за то надежно. Оно одно безошибочно можетъ привести къ предѣлу философскихъ соображеній. Опъ зыбкого чаянія мысль мало по малу можетъ переходить въ твердую увѣренность. Сближеніе ея съ другими болѣе проясненными, часть опъ часу можетъ проливать на нее болѣй свѣтъ. Самыя смѣлыя, самыя высшреннія мысли въ своей области находятъ для себя надежную опору, или вѣрную смерть. — Но разумъ выникаетъ

среди всѣхъ перевороповъ мышленія: само мышленіе попому только и совершается, что должно дать бытіе разуму, совершить его развитіе. Разумъ конечно есть нѣчто данное въ человѣческой природѣ; но онъ заявитъ, и пребудетъ большихъ попеченій для своего развитія и предспавленія въ полномъ видѣ.— Сама Философія, будучи плодъ разума развивающагося, тогда только можетъ приблизиться къ своему предѣлу, когда успеетъ предспавить намъ разумъ во всемъ его величественномъ обличіи, какъ бы воплотить его въ системѣ мыслей.— Ясное. На разумъ нашъ можно сморѣть, какъ на нѣчто идеальное, всецѣло еще неосуществившееся, и на мысли созерцательныя — плодъ нашего разума — какъ на его покушенія опредметить, опѣлесить себя. Сей переходъ разума въ жизнь предметную, сіе переложеніе въ систему понятій совершается въ умозрительныхъ усиліяхъ Философовъ. И сіи усилія тогда только могутъ кончиться, когда мы успѣемъ изложить разумъ человѣческой всецѣло въ опредѣленіяхъ науки, какъ Философія; когда успѣемъ высказать въ Философіи чисто, полно и вѣрно все пребыванія и опредѣленія разума.— Говорятъ обы-

*

кновенно, что человекъ есть малый міръ; эта честь принадлежитъ преимущественно разуму его. Только разумъ нашъ можемъ мы считатьъ сокращеніемъ жизни вселенной въ бытіи идеальномъ. Въ сам. д. въ немъ можно предполагать завиднымъ образецъ бытія цѣлой вселенной. Какъ ни представляйте себѣ образъ сего обладанія идеаломъ вселенной, грубѣе или утонченнѣе: все развитіе разума есть развитіе нашего разумѣнія вселенной; и наоборотъ развитіе опредѣлений, проявляющихъ естественное и удовлетворительно бытіе вселенной, есть плодъ и явленіе развитія разума. — Чѣмъ система, объясняющая бытіе природы, будетъ составлена совершеннѣе: тѣмъ совершеннѣе отразится въ ней разумъ. И работа умственного построения природы въ главныхъ ея отрасляхъ тогда только кончится, когда мы успѣемъ въ системѣ философской, какъ художникъ въ искусственномъ произведеніи, опредѣлить всѣ идеи человеческого разума. — Въ семъ только усовершеніи нашихъ умозрительныхъ соображеній можемъ мы наконецъ высказать вполне естественный намъ образъ мыслей о природѣ, правильно объяснить образъ бытія вещей, дѣйствительный или нормальный, рѣ-

шипъ задачи вѣденія, приблизиться полнѣе къ истинѣ, вознеспись на спепенъ яснаго само-свѣденія — какъ ни обозначыте цѣль Философiи.

Исходный пунктъ философскихъ изысканій.

154. Но съ чего начашь сіе приближеніе къ полной истинѣ? — Вопросъ сей очень важенъ, особенно для того, кто не хочеть напрасно поперяшь трудовъ своихъ въ умспвенномъ поприщѣ. Правда очень нерѣдко начинали развитія философской изыскапельности, не рѣшивъ его для себя надлежащимъ образомъ; но — чѣмъ болѣе заблуждало умовъ опъ сей неоспорожности: шѣмъ болѣе нужно имѣть ея вступуающему на поже поприще за другими. Дѣйспвипшѣльно — въ новѣйшія времена въ области предметовъ философскаго изслѣдовавія сдѣлались не необыкновенны и сужденія о шакъ называемомъ исходномъ пунктѣ (point du depart) философскихъ изысканій. Сущесство дѣла соспоипъ въ опредѣленіи: что должна Философiя принять за швердоє, съ чего бы, какъ съ обще признаннаго могла смѣло и швердо начинать свои развитія, не опасаясь уклоненія въ заблужденіе, или укоризны въ не-

основательности? Что подобная почка есть и необходимо должна быть в каждой системе, сомневаться не возможно. Не лзя начинать философскаго изложенія иначе, какъ предполагая вполне достоверною, не требующою доказательствъ какую либо мысль, одну или нѣсколько. Хотя вь самыхъ системахъ сего рода мысль не всегда указывается, хотя многіе, можетъ быть, создали свои системы и не сознавая ясно той мысли, которая дѣйствовала вь ихъ умѣ, какъ непреложно достоверная; хотя вь другихъ системахъ, какъ на пр. Декарта, самая первая увѣренность вь собственномъ бытіи представляется уже слѣдствіемъ другаго представленія: однакоже само сіе тайное или явное, сознаемое или невысказанное представленіе вь системѣ, всегда прямо или непримѣнно дѣйствовало, всегда можетъ быть опыскано. И надобно сказать, что его вліяніе на образованіе другихъ мыслей и всей системы весьма важно; сіе положеніе начальное можетъ приготавливать твердое стояніе системы, или класъ стѣмя разрушенія вь самомъ ея основаніи, можетъ быть и первою истиною и первою ложью. — Конечно вступаая на поприще философствованія

за другими, легче предосперечья опъ важныхъ ошибокъ, предпринявъ первоначально пересмотръ нѣсколька системъ, чшобъ воспользовашься началами той, кошорая покажется, если не удовлетворительнѣе, то по крайнѣй мѣрѣ надежнѣе, безопаснѣе. Но и не прибѣгая къ водительству другихъ, а желая проложитъ путь собственной, — размысливъ предварительнo, что должно бытъ принято исходнымъ пунктомъ (не совсемъ правильно называемымъ у насъ почкою опшравленія) очень неизлишне! —

155. Всякой согласился, что симъ пунктомъ должно бытъ что нибудь въ области предметовъ или мышленія швердое, неопровержимо ясное, чего никто не могъ бы подвергнуть сомнѣнiю. Но не во всѣхъ системахъ Философы успѣли положить въ основанiе своимъ развитiямъ опору подобную, дѣйствительнo вѣрную. — Приглядываясь къ разнороднымъ системамъ, доселѣ образовавшимся, можно различитъ три особыя почки, кошорыя при всемъ различii самыхъ системъ во всѣхъ ихъ поставляемы были въ основныя столпы идеальнаго построенiя вселенной. Сипочки составляли обыкновенно — или абсолютное въ идеяхъ; или абсолютное въ положенiяхъ общихъ; или

наконецъ абсолютное въ предспавленіяхъ опыта вѣшняго и внутренняго. — Впрочемъ сія послѣдняя почка опоры не всегда была сполько счастлива, чшобы въ глазахъ Философовъ имѣть надлежащую цѣну и приложеніе; часто брались за нее только для того, чшобы послѣ опровергнуть дѣйствительность предметнаго. — Всего чаще системы основываемы были на извѣстныхъ положеніяхъ, имѣющихъ очевидность, или признанныхъ непреложными. Въ стремленіи къ разумнѣнію міра завершительному, казалось, слѣдуетъ опираться только на предспавленіяхъ, имѣющихъ самоспавительную вѣрность. — Но уже судя по одному ходу развитія нашего мышленія, можно предвидѣть, чшо въ усвоеніи подобной опрѣщенной мысли легко можетъ выппни самообольщеніе. Извѣстно, чшо до мыслей, ипакъ назовемъ ихъ, абсолютныхъ — вышеопытныхъ мы поднимаемся сполько подѣ руководствомъ быта дѣйствительнаго и поднимаемся тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ спрже держимся его внушеній. Посмѣваясь руководству опыта, и въ натяжномъ опрѣвленіи опъ него, спарался вывести его опрѣвленія, мы сполько обольщаемъ себя самихъ, усволя одному уму шю, въ произведеніи чего

участвоваль значительнымъ, хопя пайнымъ , образомъ опытъ. Споятъ только перебрать мысли, выданныя за абсолютныя, чпобъ убѣдись, чпо въ нихъ нѣтъ собственно чистой работы одного ума, но вмѣспѣ часпю и опыта. — Точка зрѣнія обыкновеннаго опытнаго (вдвойнѣ) разумѣнія, оцупимый для всякаго мѣръ опыта мнѣ кажется самою приличною опорой, надежнѣйшимъ исходнымъ пунктомъ философскаго мышленія : ибо онъ же може и завершать вѣрность сего мышленія. Другія мысли берупся почкою исхода или — по причинѣ преждевременной выпренности, или недостапка самостоятельности. —

156. При семъ образѣ сужденія могутъ обвинять насъ въ грубой преданности чувственному, въ невозвышенности мыслей, по которой будпо мы не могли вознеспись до вышней идеи — Абсолютнаго. — Съ двухъ почекъ зрѣнія, укажемъ напередъ, могутъ обвинять насъ: съ богословской и философской: на первой почкѣ зрѣнія (чпобъ не оставишь и ее безъ проясненія), будупъ желать , чпобъ пускаясь въ философскія умозрѣнія, человекъ , шакъ сказашъ, запасался испинами вѣры, какъ непреложными; чпобъ сіи мысли безъ изслѣдованія

были признаваемы вѣриломъ мыслей философскихъ, а опинюдъ не пакими, на которыя можно еще въ выводахъ Философіи искать подтвержденія, на которыя Философіи предоставлялось бы еще право объявить или не объявить свое согласіе. Неоспоримо, чистыя могутъ быть побужденія, по которымъ хопяпъ оставивъ испины вѣры извѣстной неприкосновенными для изслѣдованія философскаго, вполне достоверны могутъ быть самыя испины сей религіи: но сколь ни основательнымъ можетъ казаться подобный образъ мыслей, онъ не въ духѣ науки; онъ можетъ и долженъ имѣть мѣсто въ жизни, но не можетъ простираеть своихъ требованій на область изслѣдованія самостопельнаго. Мы видѣли (см. § 128), что Философія не можетъ наконецъ не опираеться на убѣжденія религиозныхъ,— но не можемъ думатьъ, чтообъ какія либо убѣжденія надлежало Философіи принимать слѣпо, и оспавляяпъ безъ изслѣдованія.— Какъ наука, она должна устремляеться до послѣднихъ началъ и основаній убѣжденій всякаго рода. Лучъ мысли по возможности долженъ проникать въ самыя темныя таинственныя исходы чувства. Умъ, не припязая на способность объяснить все, долженъ усили-

вашься прояснить сколько возможно болѣе. Если его работы въ семь дѣлъ кончашся и пѣть однимъ, что онъ долженъ будетъ признашь всю недосязаемость чувства:— и тогда плоды его усилий весьма важны. Философъ долженъ слѣдить испину до послѣднихъ ея испоконъ (ср. § 104. 6.); — выводить наружу самыя послѣднія основанія нашихъ убѣжденій.— Тамъ нѣтъ мѣста философской самоспопашельности, гдѣ невинная мысль, воспаряющая къ невечернему свѣту истины, связуется положительнымъ, какъ узамн. Положительное нужно для того, чтобы давать больше твердости полету ума, но не должно ослаблять собою изыскательности, копорую одною умъ и можетъ свободно покаряться положительному, или облагороживаешь и усовершенствует его силу и власть. При благонамѣренности и подобострастной, оспорожной скромности мыслипель никогда не вооружится противъ того, что его возвышаетъ, не обнаружитъ пресуппозита презрѣнн къ святымъ. — Что мы сказали о склоненн ума къ вѣрѣ, о произхожденн изначенн философскаго сомнѣнн, доспашточно, кажется, можетъ опклонить опасенн касательн пренебреженн, какое будпо терпятъ истины вышшя опъ изслѣдованнй

ума. Если послѣ сего еще напомнимъ, что самая истинная вѣра, какъ вѣра Христова, — можетъ прививаться только къ разуму, и раски и преуслѣваться только на развитіи и спѣлости разума, — что претребовать, чтобы истины извѣстной вѣры не были сопретвождаемы никакимъ изслѣдованіемъ, были усвоены безусловно, несогласно съ началами самой вѣры истинной, которая можетъ смѣло гласить всякому: приди и виждь: — что опчетшлivosть въ убѣжденіяхъ религіозныхъ сопспавляетъ попребность людей возникшихъ къ мышленію развитому: то укоризны съ почки зрѣнія богословской, кажется, достапочно будущъ предопвращены, только бы не понимали насъ превратпно.

157. Гораздо легче опвратить укоризны со стороны Абсолютистовъ - Философовъ, кои утверждають, что Философія тогда только можетъ, вполне уразумѣть сущее, когда она исходитъ съ абсолютнаго, съ идеи Самосущаго. Не споримъ, что, сія идея есть самое высокое, что только хранится въ глубинѣ души челоѳческой и развивается изъ оной: но не можемъ согласиться на то, чтобы съ сей одной мысли могло правильно начинаться фи-

лософское изслѣдованіе. Сія идея есть самая возвышенная, а извѣстно, что возвышенное, совершенное въ мысляхъ нашихъ развивается изъ несовершеннаго. Устраните сію первую наспилку нашего мышленія: не выройдітся хорошо и идея Самосуцаго. Можно было бы конечно начинать развитія философскія и съ сей идеи, когда бы можно было безошибочно бытъ увѣрену, что она составлена совершенно правильно. Въ семъ образованіи, перейди опть безусловнаго къ условному и на оборотъ было бы совершенно легко. Но кпо поручишься, что начинающій съ сей идеи рядъ философскихъ развитій, взявъ идею коренную въ вѣрномъ ея видѣ? Только ходъ самыхъ развитій можетъ рѣшишь сіе; но, когда онъ неудаченъ — тогда полько положены труды безуспѣшныя. — Тотъ, кпо начинаетъ рядъ своихъ мыслей сею идеею, всегда въ опасности взять ее не въ совершенномъ образованіи, а несовершенство сего образованія должно имѣть разрушительное вліяніе на всю систему мыслей, какъ и оказывается въ системахъ сего рода. — Далѣе опть сего Абсолютнаго по системѣ Абсолютистовъ нужно низойти къ совокупности вещей бытнхъ — къ міру.

Но сей ходъ есть ли естественный? со всѣмъ нѣтъ; по обыкновенному развитію нашего мышленія мы только поднимаемся до идеи самосущаго, именно при пособіи предметовъ, созерцаемыхъ въ опытѣ. И надобно рѣшишельно сказать въ семъ отношеніи: въ системѣ своего мышленія для насъ легче и естественнѣе и безопаснѣе восходить къ идеи Божества, нежели нисходить опъ ней къ пварямъ. Конечно можно и нисходить опъ идеи самосущаго къ бытному, но только послѣ того, какъ совершенно правильно восхожденіе къ нему опъ бытнаго.

Для вѣрности мышленія всякой долженъ обращаться первоначально къ существамъ, насъ окружающимъ, къ собственному своему сознанию, и при ихъ руководствѣ и посредствѣ больше и больше очищать и выяснять священную мысль — украшеніе рода нашего. Если въ семъ направленіи умъ и не успѣетъ возвыситься до совершенства сей идеи, по крайней мѣрѣ онъ не осквернитъ ея святыни. Но шопъ, кпо начинается съ Абсолютнаго, не инымъ чѣмъ можетъ оправдать свое дерзновенное начинаніе, какъ ссылкою или на особое Божественное откровеніе, на пр. полю-

жипельное, — основаніе, которое, какъ мы видѣли выше, не исключаетъ изслѣдованія, или на опроверженіе собственное, которому какъ частному (субъективному) убѣжденію нельзя довѣрять, или на убѣжденіе всеобщее, которое опякудь не будетъ всеобщее дѣйствительное, но только мнимое: ибо опытъ подтверждаетъ, что образъ предспавленій мыслислей сего рода споль далеку опъ мышленія всеобщаго, что между ними не можетъ бытъ никакого ни сравненія, ни уравненія.

158. Нельзя признавать благоразумною и ту систему развитій философскаго мышленія, въ которой исходятъ съ началъ вышнихъ, съ положеній общихъ, на которыя всякой долженъ согласиться. — Нѣтъ сомнѣнія, что такія положенія могутъ бытъ и есть дѣйствительно: — но опсюда еще не слѣдуетъ, что на нихъ можно было спроить систему мыслей безопасно. Въ построеніи природы идеальномъ мы должны конечно придти къ подобнымъ мыслямъ, получить ихъ; но начинать самое построеніе подобными мыслями не естественно. Какія ни возмиме общія положенія имъ надобно будетъ въ системѣ дать толкованіе, п. е. въ нихъ вложитъ значеніе бытій

ное: но кто поручится, что сіе толкованіе будетъ вѣрное? — Система, на сихъ основаніяхъ построенная, можетъ быть признана вѣрною только тогда, когда она сходится съ дѣйствительнымъ бытомъ: но для нее всегда будетъ почти невозможно безъ опаснаго скачка перейти къ нему. Объемъ и значеніе общаго, когда мы перешли къ нему отъ частнаго, сейчасъ понятенъ. Не такъ ясно и твердо значеніе начала общаго, когда оно составляетъ силою крайняго опвлеченія. Возмиме на пр. мысль: бытвое и разумное одно: — сейчасъ вы видите, что вмѣсто сего утвержденія лучше было бы сказать: бытвое и разумное могутъ быть, или должны быть одно. Но что сіе положеніе справедливо, можно быть увѣрену только тогда, когда оно оправдывается въ своихъ приложеніяхъ. Въ сей мысли много содержится истиннаго и въ тоже время такъ оно выражено, что легко можетъ вести къ заблужденіямъ, и должно — какъ скоро не утвердишь его значенія сближеніемъ съ частнымъ. — Природа не дала намъ способности въ общемъ опвлеченномъ безъ указаній опыта открывать признаки нижшіе, частнѣйшіе; къ симъ признакамъ можно низходить

опъ общаго только тогда, когда уже извѣ-
стно, опъ какихъ предметовъ часпныхъ мы
поднялись къ предспавленіямъ общимъ. Не
знайте опытно раздѣленія существъ на раз-
умное и неодушевленное, и, оспановившись на
одномъ понятіи сущаго, скажите мнѣ: какіе
виды подъ нимъ содержащяся, какіе часпные
признаки входящъ, опличены бытъ могутъ въ
составѣ понятія — быпнаго. — Пощроевая
природу въ умозрѣніи, всего еспественнѣ слѣ-
довать тому ходу, который указала приро-
да развитію нашихъ силъ умспвенныхъ. На-
чашъ указаніями опыта, кончипъ развитіемъ
идей разума еспъ самый вѣрный ходъ разви-
тій философской изыскашельности. —

159. И такъ по нашему мнѣнію надежнѣйшій
исходный пунктъ философскихъ умозрѣній дол-
женъ бытъ опытное поспиженіе міра видимаго.
Симъ мы не говоримъ, чпобы Философъ
долженъ былъ въ своихъ изложеніяхъ помѣ-
спипъ всѣ были, какія предспавляетъ при-
рода по споронѣ своей внѣшней. Философія
не должна и не можетъ замѣнишь вполне
всѣ прочія науки. Чпобъ легче озирашья въ
области опыта, она можетъ принятья поч-
кою обзора абсолютное въ опытѣ — наше

Я, въ которомъ сосредоточиваются ощущенія происходящаго внѣ и внутри. Но должны напомнить, что только посредство и содѣйствіе познаній опытныхъ мало по малу пробуждаешъ въ насъ чаяніе законовъ вышшихъ, вызываетъ къ открытію образа жизни цѣлой природы. Правда Философія естъ первая наука въ ряду вѣденія человѣческаго, но она не можетъ парить безопасно; развиваясь на основаніи успѣховъ наукъ другихъ, естественныхъ и положительныхъ, она и развитіе своихъ умозрѣній должна прикрѣплять къ положеніямъ опытнымъ. Назначеніе, которое она себѣ поставляетъ, естъ изложить образъ существованія міра, или воспринять его въ мысляхъ: но до мысли пригодной къ сему умъ опечливый не иначе можетъ вознестись, какъ при посредствѣ вѣрнаго разумѣнія явленій природы опытныхъ. Жизнь природы выражается въ ея дѣйствіяхъ; нужно знать и судить правильно сіи послѣднія, чтобы уразумѣть основательно первую. Если же только съ совершенными познаніями природы по ея бытію внѣшнему, Философъ можетъ легче и удачнѣе разоблачать ея жизнь внутреннюю: то естественнo для него нѣтъ лучшаго сред-

спва къ успѣшному поспроенію своей сиспемы, какъ начинашь съ явленій вѣсмъ явныхъ и понятныхъ. — Так. обр. хошя собспвенно дѣло Философа есть умозришельное раскрытіе жизни цѣлой природы : но возводишь къ сему раскрытію адепшовъ своихъ Философъ можетъ не иначе , какъ опъ пвердой земли убѣжденія опытнаго. И сіе пѣмъ болѣе, чпо опдѣливъ совершенно своихъ слушапелей, опъ сего основанія онъ послѣ не имѣлъ бы доспапочнога вѣрила своимъ мыслямъ.— Мы уже раскрыли, чпо повѣряется и ушверждается истинность философскихъ взглядовъ однимъ сближеніемъ ихъ съ природою ; и можемъ сказашь рѣшительно, когда бы Философъ захопѣлъ съ начала опннать изъ вида землю, а попомъ снова предспавить ее, какъ въ фанпасмагоріи, онъ сдѣлалъ бы двѣ погрѣшности, не могъ бы скрышь недоосновности въ началахъ (*petitio principii*). Опчешливість и пареніе несомвѣсны.

160. Вошъ мы предполагаемъ начинашь составленіе философскихъ опредѣленій съ опыта, а закончаніе оныхъ предспавили изложеніемъ въ жизнь разума, — нѣпъ ли въ словахъ сихъ пропнворѣчія? — Нисколко. На разумъ обыкновенно смошрнть только — какъ на способ-

ность усматривать, понимать истинное. И в семъ уже видѣ закончите всю дѣятельность разума, нужную для постиженія природы: — вы получите совокупность понятій, въ которой всецѣло изложился все, что можетъ дать способность разума. Но это представленіе себя разума въ качествѣ одной способности справедливой не есть единственно возможное, согласное съ его природою; можно смотрѣть на него и какъ на совмѣстность усовершенныхъ опредѣленій, которыя наиболѣе правильно образуются въ человѣкѣ при его вниканіи въ бытїе природы, и которыя на высшей, послѣдней степеніи образованія человѣка должны развиться во всей своей полнотѣ. Сія совмѣстность опредѣленій, особенно во всей ея опчестливости (усовершенномъ напряженіи) и объемѣ, разумеется, раскрывается мало по малу: по закончаніи ея развитія есть уже закончаніе развитія разума, в семъ видѣ представляемаго. Заключение ея развитіе — обозрѣвъ, что она дала въ семъ развитіи, мы нашли бы предельно то, что полагаемъ субъективно въ разумѣ, нашли бы полное изложеніе естественныхъ, правильныхъ взглядовъ на природу, ясный обликъ жизни бытнаго въ видѣ иде-

альномъ. Теперь, скажемъ ли мы, что дѣло сопоставленія философскихъ опредѣленій должно заключиться совершеннымъ разумѣніемъ природы, или совершеннымъ изложеніемъ (развитіемъ идей) разума — мысль будетъ одна и шаже, только въ одномъ случаѣ мы выразимъ конецъ философствованія — предметнѣе, въ последнемъ — субъективнѣе. —

Приложеніе. А не излишнее ли дѣло, скажутъ другіе, сопоставлять умъ человѣческой въ такой строгой зависимости отъ опыта? должно же признать, что умъ имѣетъ свои законы, — не естественнѣе ли требовать, чтобъ умъ, не привязываясь къ опыту, самъ изъ себя развилъ тѣ мысли, которыя положены внутри его, и которыми онъ такъ оживляетъ для насъ всю природу? — Но сколько подобныхъ мыслей легко высказать: столько трудно подтвердить ихъ согласіе съ бытомъ дѣйствительнымъ. — Конечно по той гармоніи законовъ и настроенія, которая должна господствовать во вселенной, — можно думать, въ умѣ нашемъ должно содержаться какъ бы сокровенно, зашифровано все то, что содержится въ опытѣ; можно дальѣ думать, что слѣдуетъ только предоставить разумъ собственному развитію, и мы увидимъ въ идеяхъ все, что представляетъ опытъ. — Но спрашивается еще, это собственное развитіе разума, — могло ли бы совершиться безъ участія опыта? — Въ опвлеченіи конечно мы можемъ раздѣлять

развитіе умственныхъ сокровищъ подѣ вліяніемъ опыта , и безъ сего вліянія: но на опытѣ мы не видимъ сего развитія въ видѣ послѣднемъ. — Когда предпринимають сіе развитіе идей разума безъ руководства опыта , всегда обольщаютъ себя, оприцають содѣйствіе того , чѣмъ пользуются. Чтобы прояснить и развитіе идеи , — нужно сблизить ихъ съ понятіями разсудка. Теперь надобно будетъ или и сіи производить изъ одного ума, что невозможно; или согласиться, что и идеи проявляются содѣйствіемъ представленій опытныхъ. — Что онѣ не берутся съ опыта, какъ равно представленія опытныхъ не берутся изъ ума — кто не знаетъ? — Но его, сего развитія безъ пособія опыта, скажутъ, и не требуютъ; скажутъ: міръ внѣшній нуженъ для возбужденія силъ умственныхъ; только онѣ не даешь уму тѣхъ мыслей, тѣхъ представленій, которыми завершаютъ разумніе природы. Природѣ мертва сама по себѣ; въ ней нѣтъ идей, зачатыхъ въ разумъ, почему она и дасть ихъ не можетъ. — И сей взглядъ сколь ни благовидно можетъ быть представленъ, защищенъ совершенно быть не можетъ потому , что недослѣдочно объясняетъ бытіе нашихъ познаній. Въ немъ природа и умъ человѣческой поставляются въ неполную гармонию , въ раздѣленіе несчастливое. — Не говоримъ уже о томъ, что спроеіе природы, вышедшей изъ рукъ Высочайшаго Ума, представляется такъ скуднымъ всякой вышшей собственной знаменательности. — Гармонія между природою и умомъ конечно можетъ быть и тогда, когда предположимъ, что и природа и умъ имѣють свои законы, поль-

ко умъ имѣетъ свои идеи, которыхъ нѣтъ въ природѣ, а сія послѣдняя— одинъ законъ собственнаго бытія. Но тогда нѣтъ причины, для чегобы было спавити насъ въ постоянное, неразрывное соприкосновеніе съ природою; довольно было бы дать симъ соприкосновеніемъ уму однажды толчекъ, чпюбъ онъ началъ рядъ своихъ развитій безъ всякаго дальнѣйшаго содѣйствія со стороны природы; тогда увѣренность всеобщую, что идеями мы постигаемъ дѣйствительный бытъ природы, надлежало бы считашь совершеннымъ обольщеніемъ. Конечно здѣсь можно было бы опозваться, что такъ настроена природа, что прошивъ дѣйствительнаго способа произхожденія мы должны судить иначе, такъ, какъ судятъ обыкновенно:—мысль, которая составляетъ плохое убѣжище, и которая тогда только имѣетъ какое нибудь значеніе, когда мы въ выводахъ всецѣло сходимся съ природою. Расходясь съ нею, должны искать исправити свои ошибочныя представленія!— Неразрывная связь ума нашего съ міромъ виѣшнимъ показываетъ уже, что дѣйствіе природы на умъ должно бытъ принято большее, нежели какъ одинъ первый толчекъ, нужный для пробужденія духа къ собственной, послѣ уже совершенно независимой дѣятельности. Послѣ сего для сближенія съ бытомъ дѣйствительнымъ, примпте рядъ толчковъ, постоянно даемыхъ уму природою, вы примете нѣчто правдоподобное, но все еще не совершенно разясняющее бытъ дѣйствительный; все еще можно будетъ считашь правдивость общаго убѣжденія, что наши мысли правильно выра-

жающъ бытъ самой природы. Если идеи принадлежатъ собственно намъ, если въ природѣ нѣтъ ничего, чтобъ онѣ отражали идеально: все наше разумнѣе природы будетъ не разумнѣе самой природы, но только болѣе совершенное развитіе нашего образа представленій. Такъ обр. сіе мнѣніе никакъ нельзя будетъ освободить отъ нѣкотораго идеализма.—Какъ теорія,— оно усладительно, общаетъ много; освобождаетъ нѣкоторымъ образомъ отъ оковъ природы внѣшней: по сличенію его съ бытомъ дѣйствительнымъ,— симъ пробнымъ камнемъ всякихъ теорій, находишь ее только незрѣлою догадкою. Если сія теорія не можетъ вести ко многимъ слѣдствіямъ ложнымъ, опаснымъ: то именно по тому, что главный элементъ, въ ней преобладающій,— способность разума къ истинному, вмѣстѣ въ себя очень много вернаго; что въ дѣйствительномъ развитіи идей разума непримѣтно для себя, но тѣмъ не менѣе все непосредственно, приближаютъ къ опыту, который всегда исправляетъ ошибки теорій.— Простѣе и согласнѣе съ бытомъ дѣйствительнымъ та мысль, что — по гармоническому настроенію природы и ума, при взаимномъ соприкосновеніи ихъ между собою, первая получаетъ въ послѣднемъ видѣ идеальный, въ послѣднемъ возникающъ предположенія, соответствующія дѣйствительному устройству природы. Одна и таже Сила Разумная создала чувственную природу для извѣстныхъ цѣлей, по своимъ идеямъ, и пославила среди сей природы силы мыслящія, настроенныя постигать идеи Начала природы Творческаго. — Безъ ума внѣ себя при-

рода не имѣла бы идеальнаго бытія, — и умъ безъ природы не возникалъ бы къ сознанію предметнаго значенія своихъ понятій, не пахотилъ бы идей внѣ себя, и слѣд. не зналъ бы ихъ. Чѣмъ болѣе заключаешь въ себя явленіе природы: тѣмъ болѣе можешь находить въ немъ разумъ; и чѣмъ болѣе умъ переспавляетъ себя въ бытіе природы: тѣмъ полнѣе принимаетъ въ себя внутреннюю жизнь предметовъ; нужна дѣйствительность ума съ одной стороны, и богатые запасы мыслей зависшихъ въ природѣ, съ другой, чтобы могли образоваться представленія несовершенныя. Идеи зависны и въ природѣ и въ умѣ, но совершенство разумнаго достигается тогда только, когда мы ближе узнаемъ природу и въ тоже время употребимъ всю дѣйствительность нашего разума. — Взявъ теперь два фактора, производящіе наши познанія, и съ большимъ или меньшимъ перевѣсомъ втекающіе въ составъ всѣхъ нашихъ понятій, — и предполагая извѣстнымъ содѣйствіе другого фактора, какъ совершенно необходимо и всегда неизбѣжно, тайно только привпекающее, — можно сказать, что мы равно можемъ подходить къ истинѣ, къ полному разумнаго обоими путями и путемъ опыта, и путемъ соображенія. Но никакъ не должно забывать, что здѣсь содѣйствіе другого фактора предполагается, какъ извѣстное уже условіе для успешности фактора, представленнаго кореннымъ: погрѣшность — обыкновенная въ языкѣ рефлексивномъ. Возьмемъ ли мы всю совокупность умственныхъ понятій, какъ она должна подняться въ Философін до мыслей завершительныхъ, мы можемъ увѣришь-

ся, что первоначально въ сихъ мысляхъ можно замѣчать перевѣсъ на сторонѣ фактора природы, а наконецъ — на сторонѣ мысли. Но чтобъ мы могли какое либо представленіе образовати силою одного фактора, сіе сказать можетъ только слишкомъ смѣлый догматизмъ.— Такъ, умъ имѣетъ свои законы, имѣетъ свои идеи, — но развитіе сихъ идей, особенно правильное, невозможно безъ указаній опыта. Опытъ долженъ подтверждать достовѣрность умозрительныхъ представлений. — Мысль должна дѣйствовать собою, но свои виды идеальныя сопоставлять съ природою для лучшаго ихъ образованія и для большаго усовершенія въ ихъ вѣрности. —

Правильное поступаніе въ образованіи философскихъ опредѣленій.

161. Какой ходъ должна принимать Философія въ частнѣйшемъ утвержденіи своихъ опредѣленій? — Система опредѣленій Философін не можетъ состоять изъ одной мысли, которая бы опъ опыта прямо переводила насъ въ сферу разума. Хотя бы подобная мысль и была: все яснѣйшее развитіе оной претовало бы постепеннаго ея претдованія опъ опыта въ область ума; такъ обр. разлагалось бы само на нѣсколько мыслей, постепенно подтверждаемыхъ и по своемъ подтвержденіи составляющихъ звѣнья, къ которому могутъ прикрѣплены бытъ другія. — Спрашивается: какимъ

образомъ можетъ совершаться это поспешное утверждение мыслей въ ихъ пропяхженіи отъ указаній опыта до высреннихъ въщаній разума.— Коренный способъ подтвержденія мыслей умозрипельныхъ нами развишь доспачно выше, здѣсь мы можемъ только проленишь его сопоставленіемъ съ пріемами, обыкновенно опличаемыми и показати его умѣспность въ раскрытіи мыслей философскихъ частнѣйшемъ.— Опличающъ обыкновенно два метода, которыми могутъ и должны предспавлять свои выводы науки; методъ *аналитическій* восходящій отъ частнаго къ общему, — какъ то отъ слѣдствій къ началамъ, отъ дѣйствій опредѣленныхъ къ причинамъ, отъ цѣлаго самобытнаго къ составнымъ началамъ; и методъ *синтетическій*, который начинается общимъ, цѣлымъ, опредѣленнымъ и нисходитъ къ частному, конкретному.— Два сіи метода одинъ другому противоположные, составляютъ какъ бы два направленія, которыми можно принимать, устремляясь къ разумѣнію. Природа конечно дѣйствуетъ методомъ синтетическимъ, когда она шворитъ и образуетъ предметы; конкретное есть обыкновенно произведеніе. Но даже природа употребляетъ

иногда по видимому методъ аналитическій, когда разлагаешь предметы изъ нихъ плоднѣе вида на составныя части. Въ познаніяхъ своихъ мы начинаемъ обратнымъ путемъ. Лежащее предъ нами въ образованномъ уже видѣ стараемся мы разсмотрѣть въ частяхъ, но конецъ такого разсмотрѣнія всегда есть синтезъ — сочепаніе. Въ семъ видѣ мы обыкновенно и стараемся сообщать свои познанія; стремленіе духа нашего къ спройному единству заставляешь насъ представлять свои познанія въ видѣ спройномъ, какъ представляешь свои созданія природа. Какое изъ указанныхъ направленій должно быть принято въ составленіи опредѣленій Философіи?

162. Стоить только выкинуть ближе въ существо сихъ методовъ, чтобъ увѣриться, что въ философскихъ изслѣдованіяхъ ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть усвоенъ *исключительно*. Приложимъ и этотъ и другой изъ сихъ методовъ къ философскимъ изслѣдованіямъ: первымъ мы получимъ нѣсколько общихъ понятій, послѣднимъ - успѣемъ прояснить нѣсколько сихъ же общихъ понятій; а дѣло опечливаго разумѣнія природы все еще не совершилось. Чтобы понять, чего здѣсь соб-

спвенно недоспаешъ, слѣдуешъ только при-
помнимъ, что мы сказали о пріемѣ, какимъ
можетъ и должна Философія подвигаться въ
своемъ развитіи; тамъ мы замѣтили, что
задача Философіи состоитъ не въ томъ толь-
ко, чтобы догадками объяснить какъ нибудь
жизнь природы, но чтобы въ своихъ объяснені-
яхъ сблизиться съ нею, какъ она есть дѣй-
ствительно; что Философія для сего`сближенія
съ природою должна повѣрять умозритель-
ныя предположенія съ бытомъ дѣйствитель-
нымъ.— Теперь, хотя методъ аналитической
опы разсмаприванія природы перевелъ бы насъ
къ представленіямъ общимъ, а методомъ синте-
тическимъ мы успѣли бы сн представить
образовать въ стройный видъ цѣлаго;—удачно
ли успѣли мы опразить природу въ идеальномъ
построеніи, исполнили ли всецѣло задачу Фило-
софіи, сказать будетъ не лзя. Правда сли-
ченіе системы образованной съ природою мо-
жетъ показать сіе, но сіе указаніе позднее
не принесетъ существенной пользы. Чпобъ оно
имѣло какое либо значеніе, надобно ввести его
въ дѣло самаго составленія и образованія си-
стемъ философскихъ. Чп сіе дѣло не есть
дѣло излишнее, что для него только не успѣли

еще хорошо указать приема, можно догадываться из самой противоположности двух методов, которая всегда посредствуется чѣмъ либо среднимъ, примирительнымъ. Что методъ, какаго мы требуемъ, нуженъ и долженъ быть, это поясняется тѣмъ, что все дѣло человеческого перебора представленій оканчивается сличеніемъ, уравненіемъ; слагаемъ ли мы, — мы не можемъ оканчивать дѣла безъ уравненія, безъ повѣрки; вычисляемъ ли, также должны заключить уравненіемъ. Теперь, если мы для сложенія имѣемъ особый методъ и для разложенія особый, и въ самыхъ сихъ методахъ рѣшительнаго намѣка на постоянное ихъ заключеніе особою повѣркою, нѣтъ: почему же не поставимъ особаго метода для такаго дѣйствія, которое необходимо при всей дѣйственности обоихъ приемовъ?

163. Тѣсная связь сего приема съ обоими указанными, необходимость и постоянное обыкновеніе и безпредписаній прибѣгаешь къ нему, доспапочно для насъ проясняютъ, почему онъ остался доселѣ непроникнутымъ, и можетъ быть и то, опчего въ самомъ опредѣленіи методовъ частно царствовала нѣкопорого рода сбивчивость.— Примемъ ли мы для того

удосповѣришельнаго дѣла Философіи особый методъ *метатетическій* (сопоставительный) пакъ назовемъ его, — онъ будетъ завершительнымъ въ работахъ Философіи, хопя не будетъ исключать собою методовъ, опередившихъ его своимъ проясненіемъ. Въ философскихъ изслѣдованіяхъ первымъ изъ шѣхъ методовъ — мы будемъ восходить опъ представленій опытныхъ къ понятіямъ созерцательнымъ, и слагать послѣднія изъ первыхъ; по второму методу можемъ брать созерцательныя мысли и слагать изъ нихъ спройное цѣлое. Но только тогда сіе развитіе мыслей будетъ имѣть все учебное достоинство, когда начала метода сопоставительнаго дадутъ ему топъ видъ, въ которомъ оно будетъ истиннымъ идеальнымъ выраженіемъ природы. — Правильное поступаніе въ развитіи опредѣленій умственныхъ будетъ состоять въ постепенномъ проясненіи образуемой мысли попеременнымъ приложеніемъ двухъ извѣстныхъ методовъ — и окончательномъ ушверженіи оной методомъ сличительнымъ. — При составленіи опредѣленій умозрительныхъ моментовъ соглашенія мыслей съ природою долженъ быть перевѣшивающимъ. Не неуспѣ-

ный въ наукахъ опытныхъ — области болѣе анализа, еще болѣе въ наукахъ положитель-ныхъ—области болѣе синтеза, онъ особенно преобладаетъ въ области умственныхъ построений — въ Философiи, которая, возвышаясь надъ другими науками выпренностию и самоспопашельностию, должна опличашься и методомъ опчетливости. Свободное построение природы въ ея видѣ дѣйствительный, вознося Философiю надъ другими отраслями вѣденiя, даетъ особый характеръ и ея работамъ, предписываетъ ей пѣснѣ примыкать къ природѣ, которая не можетъ ее связывать, но всегда караетъ необдуманное раздѣленiе съ своимъ бытомъ и законами. —

164. Методъ сличительный есть единственный способъ подтвержденiя истинъ сверхчувственныхъ. Не всѣ мысли могутъ быть подтверждаемы однимъ способомъ силлогистическимъ. — Эта мысль давно уже известна и Логика давно уже для подтвержденiя мыслей о предметахъ опытныхъ (пространственно существующихъ) или (временно существовавшихъ) историческихъ, требовала только или указанiя сихъ предметовъ или подобныхъ имъ, или свидѣтельствъ другихъ, имѣвшихъ случай видѣть и знать

онье ближе.— Но не видимъ еще опытовъ указать подобный способъ въ подтвержденіи истинъ сверхчувственныхъ. — Правда сихъ предметовъ мы не видимъ, и на показъ представить не можемъ: но какъ понятія о сихъ предметахъ образуются при видѣ и воздѣйствіи сихъ предметовъ,—то истинность и твердость сихъ понятій должна быть подтверждена не иначе, какъ показаніемъ, что весь бытъ предметовъ ведетъ именно къ тому образованію мыслей, а не къ другому. — Такъ, что какъ бы въ соотвѣстствіе премоу методамъ, нами оплеченнымъ, можно указать и при способа, подтвержденія пролякаго вида мыслей, способа которые впрочемъ всѣ, какъ мы замѣтили выше, приводятся къ одному сопоставленію понятій другъ съ другомъ. — а) представленіе, какое мы имѣемъ о предметѣ по его наружному виду, не иначе можно подтверждать, какъ указаніемъ самага предмета въ дѣйствительности или въ умственныхъ представленіяхъ другихъ лицъ, его видѣвшихъ; б) понятіе наше о чертѣ предмета болѣе общей мы удобнѣе можемъ подтверждать подведеніемъ предмета подъ объемъ предметовъ, въ которомъ та черта — всеобщая: но с) мы-

сли свои о всемъ объемѣ внутренней жизни предмета, о природѣ его — не иначе можемъ мы подпверждать, какъ сопоставленіемъ ихъ со всемъ объемомъ проявленій полняемаго предмета во внѣ. — Такъ какъ умозрипельныя философскія идеи всѣ именно касающіяся не столько чертъ общихъ въ предметахъ, сколько внутренней ихъ жизни: по и подпверженіе сего рода мыслей возможно не иначе, какъ сличеніемъ умственнаго ихъ образованія съ тѣмъ, что ведетъ къ сему образованію въ дѣйствительности. (ср. § 54.) Опнимите сей послѣдній, единственно умѣстный въ сихъ случаяхъ, способъ подпверженія своихъ созерцательныхъ мыслей: вы можете оспаться при своихъ умозрѣніяхъ, — но не будете въ силахъ защитити ихъ достаточно, когда умъ критическій покажетъ вамъ, что вашъ логическій способъ не дослазаетъ высоты мыслей, вами утверждаемыхъ. —

165. Исторія всѣхъ наукъ и особенно Философіи яснѣйшимъ образомъ подпверждаетъ наше указаніе особаго метода. Опъ чего умъ человеческій не удовлетворилъ доселѣ своей сильной жаждѣ уразумѣть природу? — Если бы не сама природа часто испровергала верѣдко

пляжкими опытами его догадки умозрительныя: онъ давно успѣлъ бы силою своего мышленія создать систему природы умозрительную. Только другія показанія, какія даетъ природа вопреки нашихъ умственныхъ догадокъ, заставляють насъ обращаться къ составленію новыхъ представлений посредствомъ лучшаго разбора самыхъ явленій дѣйствительности. И всѣ науки, самая Математика усовершенствуются съ своимъ развитіемъ, указаніями естественнаго опыта. — Въ самой Философіи давнѣеко уже примѣтили, что оба указанные метода не совсѣмъ достаточны для цѣли Философіи, особенно, когда употребляющія въ раздѣленіи одинъ отъ другаго. Кантъ предложилъ методъ критическій, (новость, нужду которой давно чувствовалъ міръ ученый) но не успѣлъ развитъ его въ зрѣломъ совершенствѣ. Зависимость отъ стараго господствовавшего метода синтетическаго поставила его въ значительное раздѣленіе съ природою. Боязнь уступить слишкомъ большое поле умозрительнымъ догадкамъ заставила его дать превратное толкованіе нашимъ высшимъ мыслямъ. — И не лзя строго осуждать слишкомъ опорожняго мыслителя. Попасть на истинную сре-

*

дину, угадашь жизнь природы — въ самомъ ея сердцѣ, такъ сказать, естъ задача вѣковыхъ усилій. Въ рѣшеніи сей задачи потъ больше всѣхъ и можетъ успѣть, кто приобрѣтеть навѣкъ давая правильное толкованіе явленіямъ природы, свободнѣе поступать въ составленіи умозрительныхъ гаданій и въ тоже время всестороннѣе брать въ расчетъ бытъ дѣйствительный. Чѣмъ быстрѣ пошли развиваться послѣ Канпа философскія соображенія: тѣмъ болѣе принято новыхъ направленій для сближенія съ природою. Но ни выводной методъ Фихта, и діалектическій — Гегеля, ни построительный Шеллинга, ни привносительный Гербарта не могутъ замѣнить строгаго сличенія съ природою. —

166. Если Философія не успѣла до сихъ поръ достигнуть полнаго своего совершенства, то отъ того преимущественно, что Философы пользовались больше копорымъ либо изъ обыкновенныхъ методовъ, слабо держались правилъ метода сопоставительнаго. Большой части мыслителей обыкновенно казалось, что стройность мыслей, высота ихъ общности, суть достаточныя поруки ихъ вѣрности; что на систему Философіи не можетъ бытъ возло-

жена пягоспная обязанность , предспавляющ природу шакъ , какъ она естъ дѣйствитель-но ; думалось , что умозрѣніе можетъ давать лучшее толкованіе явленіямъ.— Такъ, Филосо-фія должна исполковать жизнь природы, но не превратить обликъ ея симъ исполковані-емъ. Другой части Философовъ казалось, что только указанія опыта могутъ прямо приве-сти къ ясному разумѣнію природы.— Смѣлѣй-шія системы умозрѣнія почти все больше или меньше виновны въ извращеніи быта при-роды. Системы болѣе болзливья, если не дѣ-лаютъ сего извращенія , за то не достязаютъ ограниченными своими взглядами всехъ вели-чественныхъ силъ природы. Вообще односпо-ронность въ избраніи метода, или направленія въ философскихъ изысканіяхъ — составляетъ коренную причину и разногласія Философовъ между собою и несовершенства философскаго разумѣнія природы.—

167. Исключительное употребленіе одного изъ сихъ методовъ, а особенно безъ сведенія ихъ методомъ метафизическимъ не можетъ впло-нѣ прояснить для насъ жизнь природы. Ес-либѣ мысли духа нашего образовались только въ совершенной зависимости, или опѣ предспав-

леній чувствъ , или опъ одного самоспопяпельнаго дѣйствія ума; по для проясненія своего сознанія мы моглибы употребить одинъ только методъ , или опыта, или созерцанія. Но природа ума нашего не споитъ ни на одной изъ сихъ окончностей.— Мы очень много зависимъ опъ опыта, но въ душѣ нашей возникающъ и такія мысли , которымъ доспапочное основаніе въ опытѣ съ трудомъ можетъ указать умъ прозорливый, возвышенный. Хотимъ ли мы посему уяснить свои понятія: мы находимся въ необходимости не позволять ограничиваать себя ни одному опыту ни однимъ умозрѣніемъ. Мы необходимо должны сближааать и по и другое. Конечно при предполагаемомъ согласіи ума съ природою можно быаа увѣрену, что и тѣмъ и другимъ мы равно должны быаа подходить къ истинѣ: но это ожиданіе могло быаа исполниться только тогда, — когда быаа мы, или носили въ умѣ своемъ зрѣлое обличіе природы, или умъ нашъ не могъ дѣйствовать неправильно при наблюденіи явленій; когда быаа въ явленіяхъ природы жизнь ея внутренняя не закрывалась для насъ ихъ наружноспію. Но ни того ни другаго условія въ дѣйствительности нѣааа. Намъ опъ того и

другаго совершенства удѣлено полько по часпиць. Почему, завершая изложеніе явленій вѣшнихъ и былей внутреннихъ генетическими построеніями, мы должны не раньше выдавать свои умозрѣнія за вѣрныя какъ, если не закончивши, по по крайней мѣрѣ проведши сколько можно далѣе, сближеніе ихъ съ бышомъ дѣйствительнымъ. Только нашедъ бышь природы и ума въ спрогомъ согласія съ предположеніями умспвенными, можно надежнѣе приступать къ полному построенію природы въ видѣ идеальный.

Обозрѣніе главныхъ направленій, какія Философы большею частію принимали въ своихъ изысканіяхъ.—

168. Мы сказали, односторонность въ избраніи мепода для философскихъ соображеній составляетъ коренную причину разногласія сиспемъ философскихъ и ихъ несовершенства. Въ самомъ дѣлѣ излишнее довѣріе догадкамъ своего ума и суетная надежда въ часпныхъ явленіяхъ природы вполнѣ вымошрѣтъ ея жизнь внутреннюю всегда сопровождалась и оканчивались ошибками въ выводахъ цѣлосообразительныхъ, и Философы всегда погрѣшали, всегда

расходились между собою зависимо опъ несо-
размѣрнаго довѣрія опыту или умозрѣнію. Слѣ-
дуетъ только обозрѣть ходъ развитій, какія
представляетъ исторія философской изыска-
тельности, чтобъ въ себѣ убѣдиться. — Въ
рѣшеніи самой первой философской задачи объ
образѣ бытія сущаго, Философы уже раздѣля-
ются между собою, очевидно, опъ сихъ са-
мыхъ причинъ. Одни утверждаютъ, что міръ
существуетъ силою, въ самомъ веществе со-
держащемся : это Гилозоисты, которые на-
зываются иначе Матеріалистами. Ссылаясь на
опытъ, они утверждаютъ, что наблюденіе
за образованіемъ существъ міра и за ходомъ
событій, никакъ не представляетъ доста-
точной причины принимать основу міра, не
принадлежащую къ самому міру. — Увлекаясь
игрою понятій, другіе Философы говорятъ не
можетъ быть собственной жизни въ томъ,
что измѣняется безпрестанно, что тлѣнно.
Жизнь, бытіе: это удѣлъ одного самосуца-
го, Абсолютнаго ; кромѣ Божества ничто не
можетъ существовать. Слѣд. все, что жи-
ветъ, вся эта вселенная, что — если не про-
явленіе одного и тогоже Божества, только
въ различныхъ формахъ или явленіяхъ? На-

прасно мы думаемъ, что есть въ природѣ что либо недоспойное, все въ природѣ живеть жизнью Божественною; сущее и Божество не могутъ быть раздѣльны. Богъ и природа — одно. Такъ мыслятъ Пантеисты. — Теисты, утверждая въ противоположность Атеистамъ, что вещество не можетъ имѣть самостоятельной жизни, и — въ противоположность Пантеистамъ, что Божество, какъ коренное начало жизни въ природѣ, не можетъ быть смѣшиваемо съ самою природою, хотя и рѣшаютъ тайну міробытія согласнѣе съ требованіями ума и съ указаніями опыта, ближе къ общему смыслу. По ихъ понятію Богъ и природа совершенно неслишны, хотя жизнь послѣдней всецѣло зависить отъ перваго. Отъ крайностей мыслишелей другаго рода предохраняетъ ихъ очевидно желаніе вполне изъяснить бытіе дѣйствительный, двоякій опытъ внутренній и внѣшній. —

162. Въ рѣшеніяхъ досель указанныхъ спрашивалось только о способѣ бытія природы, объ источникѣ жизни въ ней. Очевидно, что первые два образа рѣшенія рѣзко противорѣчатъ общему чувству. Чтобы поддержать себя, умы философствующіе прибѣгаютъ къ

опредѣленію самаго понятія о дѣйствительности міра, внѣ насъ сущаго. И здѣсь сколько Гилозистъ долженъ утверждать исключительную дѣйствительность вещественнаго: сколько Пантеистъ— удалять изъ вида и уничтожать вещественность, какъ нѣчто несовмѣстное съ понятіемъ о Богѣ.— Легко примѣшешь, что образъ мыслей перваго долженъ быть чистый реализмъ, послѣдняго — идеализмъ. Но еще яснѣе можно видѣть то, что одинъ изъ нихъ долженъ опираться на исключительномъ довѣрїи чувствамъ, другой на полномъ довѣрїи одному уму.— Обыкновенный смыслъ человѣческой а съ нимъ и здравая Философія идутъ и здѣсь среднюю дорожку; не утверждая одной дѣйствительности вещественнаго внѣ насъ, онѣ въ тоже время не соглашаются на дѣйствительность одного міра идей. Хотя так. обр. онѣ болѣе оприцаютъ, нежели утверждаютъ: но въ такомъ дѣлѣ гдѣ смѣлость необходимо заводитъ въ крайность, гораздо лучше, выжидая полныхъ указаній бышняго, оспариваясь въ неопредѣленности, хотя рано или поздно должно будетъ изъ ней выдти.—

170. Подобное раздѣленіе и по тѣмъ же причинамъ происходитъ между Философами и при рѣшеніи задачи о произхожденіи нашихъ познаній. Емпиристы утверждаютъ, что всѣ наши понятія и частныя и общія и даже такъ называемыя идеи суть плодъ опытныхъ воззрѣній. Не будь опыта, мы не имѣли бы ни какихъ и представлений.— Напрасно, возражаютъ Интеллектуалисты; если бы мы не имѣли умпроизводныхъ понятій, мы не могли бы исправлять своихъ ошибочныхъ представлений, не имѣли бы понятій всеобщихъ; откуда взялись съ опыта идеи? Самъ духъ человѣческій носитъ въ душѣ своей понятіе и могъ бы мыслишь безъ опытныхъ воззрѣній.— Общій смыслъ и здѣсь не соглашается вполне ни съ тѣмъ ни съ другимъ образомъ мыслей.— Ибо ни тою ни другою образъ объясненія нашихъ познаній не изъясняются вполне всего быша дѣйствительнаго. Зависимость отъ опыта для всякаго слишкомъ ясна; и самостоятельность мыслей духа человѣческаго довольно ощущительна. Только при неоспорно допущенномъ какомъ либо началѣ можно вносить въ ту или другую крайность.

171. Какъ при изслѣдованіяхъ объ образѣ бышій міра вопросъ о дѣйствительности, какая должна быть ему усвоена, рождается неизбежно: такъ и при изслѣдованіи образа рожденія понятій неизбежно возникаетъ вопросъ о дѣйствительности, какая должна быть усвоена нашимъ познаніемъ. — И здѣсь Философы раздѣляются на партіи. Догматизмъ утверждаетъ, что не къ чему слишкомъ бояться ошибокъ въ умозрѣніяхъ; духъ и природа одно, посему — своимъ умомъ мы можемъ вполне постигать природу и легко уяснить для себя ея тайны. — Едвали, оповѣчаетъ Скептицизмъ, и наблюденіе и усильное, напряженное размышленіе не можетъ вести прямо къ истинѣ. Согласіе нашихъ представленій съ природою, внѣ насъ находящеюся, неразрѣшимая проблема! Кто сличалъ природу съ умомъ? Не разнородныя ли въ различныхъ душахъ и при различныхъ чувствахъ возникаютъ представленія объ однихъ и тѣхъ же предметахъ? — Гдѣ послѣдняя причина подобнаго разрозненія? очевидно въ разногласіи мыслей о значительности бытія дѣйствительнаго, въ которомъ не все, представляющееся уму одного, признается дѣйствительнымъ, и

на оборотъ не утверждается, чтобы ничего не было непреложно, основно вѣрнаго. — Криптицизмъ, приближаясь къ требованіямъ здраваго разумія, хочеть между сими двумя крайностями идти срединою. Не совсѣмъ довѣряя скороспѣшнымъ требованіямъ Догматизма, ни разрушительнымъ опричаніямъ Скептицизма — онъ хочеть разсмотрѣніемъ способностей и дѣйствій духа нашего прослѣдить предметное значеніе, близость нашихъ предпавленій съ природою. Его выводы скоро могутъ содѣлаться совершенно удовлетворительными, когда онъ больше высвободитъ себя изъ оковъ старыхъ убѣжденій, не подтверждаемыхъ опытомъ, но пайно оказывающихъ вліяніе на поясненіе былей внутренняго сознанія.

Так. обр. неумѣстное опасеніе принять въ выводы цѣлесообразительные чуждые элементы ума съ одной стороны, и дерзновенная увѣренность проникнуть жизнь природы безъ приниканія въ процессы ея развитій — съ другой были всегда главными побужденіями, по которымъ Философы уклонялись отъ прямого цупя, назначеннаго намъ природою, — коренными причинами, по которымъ объясне-

нія или поспроенія природы, составленныя древними и новѣйшими мудрецами, расходились съ истиннымъ образомъ бышїя всего сущаго. Успушите идеальнымъ предспавленїямъ всю силу: и вы — больше, внѣшнихъ явленїй, кромѣ пустой смѣны вещества — ничего не увидите въ мірѣ, или — весь мірѣ будетѣ не что иное, какѣ смѣна образовъ, вами созидаемыхъ, вами же и разрушаемыхъ, съ которыми вступаете по временамъ въ борьбу, но которыми не больше, какѣ одни призраки вашего воображенїя. —

172. Довѣряя всецѣло опыту и одному опыту, Емпиристѣ долженъ содѣлаться Догматистомъ, и рѣшительно утверждать только дѣйствительность одного вещества, имѣющаго жизнь въ самомъ себѣ — содѣлаться Гилозоистомъ — Апейстомъ. — Идеалистѣ, довѣряясь силѣ одного своего ума, долженъ по необходимости получить недовѣрчивость къ чувспвамъ — содѣлаться скептикомъ и кончить Панпейзмомъ :— ибо нужда какого либо убѣжденїя въ пакѣ сущеспвенно представляющемся слишкомъ сильна, безосновность всецѣлаго скептицизма слишкомъ ясна, чтобѣ можно было на немъ одномъ оспановиться. — Въ понятїя о самой дѣяпелности должны про-

никнушь пѣ убѣжденія своими слѣдствіями, на систему правилъ нравственныхъ должны онѣ оказати свое вліяніе, если чувство истиннаго не основитъ прямого стремленія ума къ опасной крайности. Въ самомъ дѣлѣ Матеріализмъ не можетъ предписывать, послѣдовательно поступаая, правилъ жизни строгихъ; онъ долженъ проповѣдывать сенсуализмъ и Идеализмъ съ своимъ пантеизмомъ грубымъ или тонкимъ, долженъ предписывать неумѣренный аскетизмъ.— Одна только Философія здравая, усиливающаяся ипши среднимъ путемъ между двумя крайностями неумѣреннаго довѣрія опыту и уму, можетъ предписывать правила дѣятельности чистыя, умѣренныя; давать объясненія на жизнь природы болѣе вѣрныя, согласныя съ пребываніями чувства разумнаго.— Къ счастью на опытъ рѣдко являющіяся такія системы, въ коихъ пѣ крайности мышленія философскаго высказываются и проводятся вполнѣ. Чувство истины почти невольно удерживаетъ людей отъ крайностей. Если къ подобнымъ крайностямъ иногда заходятъ: повѣ числѣ причинъ сего явленія должно поставить по особенно, что противоположное дѣ насъ яснѣе, — и усили-

ваясь опровергнувъ одну крайность, для насъ ощушительную, всего легче впасъ въ другую. Так. обр. Философы въ поспешенномъ образованіи сиснемъ природы, вступаая въ противодѣйствіе другимъ системамъ, непримѣтно для себя спановились на другую спорону, не въ силахъ удержаться на испинной среднѣ. Но и здѣсь въ необходимомъ завлеченіи мыслипелей въ пропивоположную крайность, — припягательная сила быпа дѣйствительнаго, привлекая ихъ къ себѣ съ большею или меньшею силою, всегда заспавляла проходить поле умозрѣній пушемъ уклоненнымъ. — Пушь средній одинъ, пушей споронныхъ множеспво. Философское поспроеніе природы испинное должно бытъ одно; попыпнокъ приблизипсь къ нему, болѣе или менѣе удачныхъ, можетъ и должно бытъ много!—

Первые нагатки науки.

175. Пушь пеперь Философъ поидетъ въ своемъ соспавленіи опредѣлений умозрительныхъ направлениемъ и ходомъ нами указаннымъ: пушь подвигаетъ образование сихъ опредѣлений по способу нами проясненному, дальше и дальше: науки Философии собспвенно онъ еше

не составишь. Онъ образуетъ рядъ постепенныхъ опредѣленій, вышшихъ другъ друга своею общностію, своею удаленностію отъ опыта, но не составишь еще собственной науки. Для образованія сей послѣдней нужно, чтобъ нѣ опредѣленія опразили природу самымъ вѣрнымъ образомъ, и — взявши въ своей совмѣстности, образовались въ спройное единство, введены были въ спрогую зависимость одно отъ другаго. — Доколѣ не совершена сія новая обработка самыхъ опредѣленій умозришельныхъ: доколѣ онѣ составляютъ еще только начатки Философій. Между наукою и изысканіями учебными находится значительная разность. — Последняя есть плодъ первыхъ; первыя пригопвляютъ только матеріалы для послѣдней. Умозришельныя опредѣленія, составленныя по тому ходу, который мы доселѣ указали, могутъ и должны имѣть только видъ и значеніе изысканій: за то изъ нихъ и изъ нихъ только и можетъ составиться наука. — Правда для сего нуженъ будетъ уже новый пересмотръ самыхъ опредѣленій, составленныхъ Философами изыскаателями. Но наука не можетъ возникнуть, ни развиваться безъ сихъ изысканій, пригопвляющихъ истины, имѣющія войни въ со-

спавъ ея, изложисься въ ея спройной формѣ.— Подобное раздѣленіе между наукой и учебными изысканіями — существуепть во всѣхъ областяхъ человѣческихъ познаній. Всѣ опрасли нашего знанія приняли видѣ наукъ довольно уже поздно, когда умъ успѣлъ запасись значительнымъ числомъ опыповъ, или умственнхъ соображеній. — Первыя предспавленія опнюдъ не сущъ цѣлообразительныя. Онѣ болшыю частію — сущъ мысли опривочныя. Въ первыхъ своихъ дѣйствіяхъ умъ человѣческой слабъ, не можепть однимъ какъ бы взоромъ окидывать всей совокупности предметовъ одного рода. Хотя подобная слабость примѣчается, или лучше сопровождается насъ и въ нашихъ объятнѣйшихъ по видимому соображеніяхъ; впрочемъ она можепть непрерывно уменьшашься, и дѣйствительно уменьшася. Когда умъ соберепть довольно свѣдѣній, оппосящихся къ одной области, онъ сейчасъ усиливается окинуть оныя однимъ взоромъ, оппыскапть поцлппіе, которое обнимало бы собою всю собранную совокупность, и расположись свѣденія свои пактъ, чшобы обозрѣніе оныхъ для другихъ совершенно облегчалось. Всѣ Науки слагаюпся изъ

выводовъ , какіе даютъ изысканія , предвари-
тельно совершенныя.

*Переходъ философскихъ изслѣдованій
въ науку.*

174. И опредѣленія Философін не другимъ
какимъ образомъ принимаютъ видъ науки, какъ
именно переходя изъ чаяній, изысканій въ со-
спавъ спройный. Въ семъ отношеніи Геній
философскій и планитъ какъ бы раздѣляютъ
между собою работу постепеннаго усовершенія
Философін и приближенія оной къ общему раз-
умствію. Первый принимаетъ на себя дѣланъ
изысканія , пускается въ новыя отккрытія на
погъ умственныхъ соображеній, братъ новыя
направленія, пролагать новыя пути. Последний
идеть по слѣдамъ Генія и испытываетъ удоб-
ство и естественность новыхъ путей его,
старается довести до общаго свѣденія, рас-
пространитъ вліяніе — новыхъ отккрытій, при-
глядывается, куда должны привести новыя на-
правленія, принятыя мужемъ гениальнымъ. —
Мысли общія, цѣлостныя — суть великая
вещь въ области умственной. Одна такая
мысль разливается новый и яркій свѣтъ на
всю систему нашихъ познаній. Не всякій ко-

вечно способенъ породить подобную мысль; но приложивъ ее къ другимъ мыслямъ, развивъ ее въ приложеніи къ извѣстному округу понятій, есть дѣло меньшей трудности. Такъ обр. мы видимъ, что Философія въ новѣйшемъ мірѣ всякой разъ принимала видъ науки и видъ новый, какъ скоро являлся какой либо мыслитель оригинальный, цукалъ въ ходъ новыя мысли, и успѣвалъ пріобрѣсть себѣ послѣдователей.— Впрочемъ не надобно никогда забывать, что подобныя учебныя руководства, представляющія намъ систему природы, построенную по чершежу какаго либо оригинальнаго мыслителя, никакъ не суть еще сама наука, а развѣ болѣе или менѣе искусный ея слѣпокъ. Сама Наука есть вѣчно идеальное, къ которому всѣ, и Философы самоспопительные и мыслители впороспепенные усиливающея вознеслись, но полнымъ доспиченіемъ коего ни пѣ ни другіе похвалились не могутъ. Философія въ видѣ науки не успѣла еще изложиться совершенно, хотя виды, которые доселѣ принимала она въ учебныхъ руководствахъ, какъ и въ системахъ философскихъ больше или меньше оспѣчали уже пѣмъ требованіямъ, при какихъ мы можемъ счищать се-

бя приблизившимися къ ея совершенству идеальному. —

Примѣч. Къ чему же скажутъ, писать Введеніе въ науку Философін, когда сама наука посему не успѣла еще образоваться? Можно ли вводить въ по, что досель еще не построилось?— Можно. Руководить къ тому, что составляетъ болѣе идеаль, нежели предметъ дѣйствительный— есть дѣло обыкновенное между людьми. Каждый изъ насъ, кто сколько нибудь лучше понялъ идеальное совершенство извѣснаго предмета — благомъ, совершенствомъ цѣлаго человечества обязуется сообщить свои мысли другимъ; чтобы сіи на основаніи ихъ въ свою очередь вознеслись къ понятіямъ совершеннѣйшимъ, и руководили къ болѣе зрѣлости рода послѣдующіе. —

Сужденіе объ усвоеніи учебнымъ руководствомъ названія науки.—

175. Теперь, хотя Философія не осуществилась еще собственно въ видѣ Науки, т. е. не вступила еще въ то совершенство, въ которомъ не оставалось бы ничего болѣе въ ней дорабатывать: все учебное изложеніе ея опредѣленій очень возможно. Люди, и не достигая вполне идеаловъ, умѣютъ помогать себѣ, усвоивъ названія сихъ идеаловъ путемъ произведенія, которыми успѣли они образоваться въ своемъ стремленіи къ достиженію самихъ иде-

аловъ. Так. обр. мы имѣемъ многія науки, хотпя не можемъ похвалиться закончаніемъ ни одной. Обмана конечно здѣсь нѣтъ, а развѣ небольшое недоразумѣніе, или лучше упопреленіе слова Наука въ смыслъ проспѣйшемъ. — Въ самомъ дѣлѣ слово наука, собспвенно взяпое, у насъ почпи и не означаетъ совершеннѣйшаго развитія извѣспной отрасли познаній. Не вознесишь сами собою до мысли объ идеальномъ развитіи какой либо отрасли, мы только опъ иноземцевъ должны были усвоить благороднѣйшее значеніе сего слова. Впрочемъ не лзя спрого и опвергать упопреленія слова Наука въ приложеніи къ несовершеннымъ образованіямъ свѣдѣній по извѣспному опдѣленію нашего вѣденія. Ибо, какъ въ природѣ мы называемъ однимъ именемъ и совершенные и несовершенные предметы одного свойспа: такъ и въ области познаній — наукою Философій безопасно можемъ называть и не идеально совершенное образованіе оной по умспвеннымъ соображеніямъ, какія успѣли досель развитъ мыслители геніальные; — только бы принимая сіе названіе Философій, не забывали, какъ дѣлаютъ не рѣдко, что настолціій видъ ея есть уже видъ завершипель-

ный, — всегда помнили, что стремление къ большому усовершенію познаній, названныхъ наукою, опшюдь не должно бытъ оставляемо, что спройноспь и связь мыслей не составляють еще всего достпюнсства, какое пребуется опъ Науки. (Въ семъ смыслѣ имѣлъ въ виду науку Философіи Писатель, когда составлялъ сіе свое Введеніе.) — А послѣ тѣхъ ревностныхъ, многочисленныхъ покушеній вознеспись къ образу мыслей о сущемъ, намъ еспественному, какія мы имѣемъ опъ мыслипелей геніальныхъ — подвергамъ сомнѣнію возмжноспь науки Любомудрія въ ея поняпшіи нижшемъ, значило бы не приниматъ живаго учаспія въ успѣхахъ умспвенныхъ свободныхъ соображеній, обнаруживатъ приспыхдающее незнакомство съ соспояніемъ философскихъ изысканій. —

Указаніе существеннаго достоинства и пользы учебнаго руководства — Науки Философіи. —

176. Полезна ли и чѣмъ именно полезна науки сего рода? — Если можно нѣсколько усомнишься въ еспественности ихъ названія: то нельзя сомнѣваться въ ихъ еспественной пользѣ. —

Именно онъ пригопояляютъ для насъ Науку; облегчаютъ развитіе нашихъ мыслей въ пошпъ видъ, въ копоромъ онъ могутъ имѣть совершенство полное, — слѣд. ускоряютъ приближеніе наше къ Наукѣ — образованію своихъ представленийъ идеально совершенному. Системы учебныя производятъ изъ естественнаго челоуку стремленія всякой разъ даватъ себѣ опчетъ, приводятъ въ новую спройность свои мысли, какъ скоро наши понятія получили какое нибудь новое приращеніе, какъ скоро родилась мысль, пребующая измѣненія вида всѣхъ доселѣ собранныхъ, или образовавшихся у насъ знаний.

Безъ системъ сего рода, копорыя, какъ бы оспанавливаютъ ходъ Философіи и утверждаютъ для вниманія наспоющій видъ ея, не могли бы и прочныхъ успѣховъ на полѣ изысканій: ибо безъ нихъ системы Философіи непрерывно смѣняли бы одна другую; ихъ соспавители болѣе занимались бы разрушеніемъ образованій науки предъидущихъ, нежели проложеніемъ путей новыхъ, болѣе желая шоржестествовать надъ пропивниками, нежели успремлять къ полезной цѣли свои новыя изысканія. Но наука въ семъ видѣ имѣетъ и дру-

гое существенное достоинство; составленная съ соображеніемъ, она можетъ предохранять неопытныхъ отъ мыслей запредѣльныхъ; указывая въ полъ умозрѣній пункты швердые, она даетъ въ руки способъ обшуживать вѣрно всякую новую систему; и обозначая предметы, пребующія новыхъ изысканій, можетъ вызывать новыя покушенія приблизиться къ удовлетворительнѣйшему рѣшенію главныхъ, или и подчиненныхъ задачъ Философіи.

177. Изъ сего отношенія науки Философіи къ системамъ философскимъ никакъ впрочемъ не слѣдуетъ, чшобы наука Философіи необходимо долженствовала бытъ эклектическою, или участвовала въ тойже подвижности, въ какой могутъ находиться и дѣйствительно находясь сами философскія изысканія. Философъ самодуматель можетъ гораздо больше удаляться отъ обыкновеннаго смысла человеческого, чшобъ открыть нѣсколько взглядовъ новыхъ. Составитель руководства учебнаго необходимо долженъ стоять на почкѣ смысла общаго, и строже сличая съ бышомъ дѣйствительнымъ открытія системъ созерцательныхъ, усвоить только то, чшо въ нихъ вѣрно и легко можетъ бытъ принято въ си-

спему мыслей обще признанных, или естественно вытекающих из природы души человеческой. Шапкія, полуистинныя мысли неумѣспны въ системѣ, копорая должна знакомить съ достовѣрнымъ, и доставлять прочныя начала для сужденій о разнообразныхъ мнѣніяхъ, чаще или рѣже встрѣчающихся въ области мыслей человеческихъ. Развъ невозможность приблизиться къ большей вѣроятности воспрепятствуетъ произнести сужденіе болѣе рѣшительное. Привязанность къ системѣ односторонней, какъ ни слаба иногда бываетъ связь образа дѣйспвій нашихъ съ умозрительными началами, нами принятыми — всегда спѣсняетъ взоръ нашъ и можетъ имѣть вліаніе на самыя правила дѣйспвій. Учебное руководство беретъ посредствовать между общимъ смысломъ и новыми открытіями философскихъ изысканій. Тѣмъ необходимымъ въ составленіи онаго самостоятельность, или независимость отъ системъ — построеній природы, слишкомъ далеко выходящихъ за предѣлы разумнія здраваго; и — возвыситься къ такой самостоятельности не слишкомъ трудно; спойтъ только ближе ознакомиться съ возможными способами и развитіями философ-

скихъ умозрѣній, или мѣтодами и родами философствованія, которыя мы предъ симъ развили,— и усстраняя развитія мыслей крайнія, завершаютъ утвержденіе мыслей болѣе вѣрныхъ приложеніемъ послѣдняго, сличительнаго мѣтода умствѣннаго самовразумленія.—

Раздѣленіе Философій.

178. Объемъ предметовъ, которые въ Философій, какъ наукъ, должны быть прояснены, довольно немаловаженъ, и зависимо отъ сего и число частей, на которыя можетъ быть раздѣлено изложеніе Философій, не мало. — Не совсѣмъ охуждая не почное, но обыкновенное раздѣленіе Философій на умозрительную (Теоретическую) и дѣятельную (Практическую), мы находимъ естественнѣе раздѣленіе древнихъ, по коему въ Философій полагалось три части: Логика, Физика (нынѣшняя Метафизика) и Этика. Число указанныхъ нами задачъ Философій необходимо пребудетъ сего раздѣленія довольно почнаго, если не по соответствію, то по крайней мѣрѣ по ходу и развитію частей.— Въ каждой изъ сихъ частей зависимо отъ новѣйшаго усовершенствованія Философій, могутъ быть опличены особыя предме-

пы, перебуючіе опдѣльной обрабопки. Въ *Логикѣ* на прим. мы должны подвергнути разсмотрѣнію вообще всѣ наши познанія, чпобы опредѣлиши ихъ предметное значеніе, и спепенъ нашего разумвнія природы: опть чего должна соспавишься наука *Гносеологія*; далѣе должны будемъ проясниши природу самага мышленія, чпо соспавиши *собственную Логикку*; наконецъ должны пересмотрѣти наши вышшія понятія, собственно имѣющія приложеніе и частное употребленіе въ самой Философій: — особая наука о семъ будетъ *Идеологія*. Въ *Метафизикѣ* ученіе о мірѣ, взятомъ въ частяхъ его, соспавиши первую часть *Космологію*; ученіе о Богѣ — впорую: *Богословіе естественное*; наконецъ проясненіе жизни міра въ его зависимости опть Первой Вины — ітрешью: *собственную Метафизику*. Въ частии Философій, проясняющей и указующей законы для нашей дѣятельности чисто челоѣческой, ученіе объ *идеалахъ* вообще, о дѣйствіяхъ, пребуемыхъ *чувствомъ правоты, доброты и изящнаго* въ частности — соспавиши чепыре опдѣльных, впороспепенныхъ части полнаго философскаго курса. Чпобы сіи изысканія получили надежную почву опоры и окан-

чивались выводами болѣе опредѣленными, должны предшествовать въ семь курсѣ *Психическая Антропология*, или опытное ученіе о проявленіяхъ души челоѣческой и *Исторія* постепеннаго развитія *философскихъ взглядовъ*. Первая даетъ твердыя точки опоры для изысканій или развитій дальнѣйшихъ,— послѣдняя, вводя приспупающихъ къ соображеніямъ умозрительнымъ въ современное состояніе Философін, должна указывать, что по настоящему образованію науки не подлежитъ болѣе сомнѣнію, и что въ области умозрній пребудетъ еще большаго проясненія, гдѣ можно ожидать развязки задачамъ ума, оставшимся доселѣ неразрѣшенными. —

К о н е ц ъ .

О П Е Ч А Т К И.

Эпр. 22	строк.	9	си. какъ (изслѣдов. <i>гит.</i> (какъ изслѣдов.	—	18.
—	35	—	11. 17.	—	18.
—	85	—	10 шакъ	—	какъ
—	91	—	13 си. легко	—	легко
—	114	—	9 и 10 си. проявленіемъ	—	проявленіамъ
—	153	—	5 оказывшись	—	оказавшись
—	—	—	6 вырнымъ	—	вѣрнымъ
—	168	—	2 сѣ. (Iricole)	—	(Frivole)
—	—	—	12 испытальнымъ	—	испытательнымъ
—	212	—	14 упрѣпляясь	—	укрѣпляясь
—	213	—	9 опъ время	—	опъ времени
—	223	—	9 си. медленности	—	медленность
—	243	—	10 сѣ. ко идеи	—	но идеи
—	295	—	1 рмсудка	—	разсудка
—	343	—	1 си. абсолютное	—	абсолютное
—	347	—	8 си. вооружатся	—	вооружатся
—	377	—	6 си. 162.	—	163.

